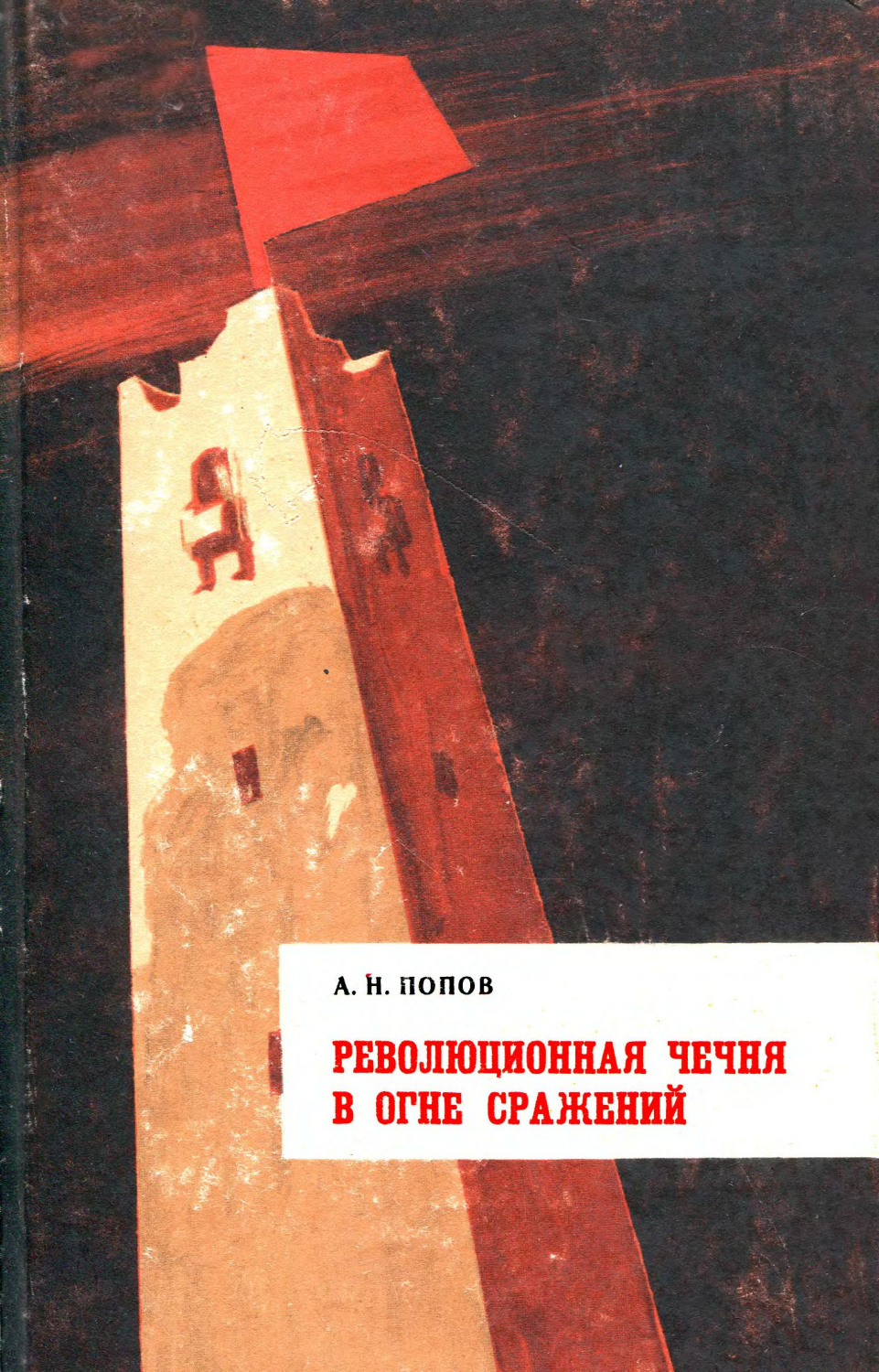

An abstract painting featuring a dark, textured background. A large, bright red triangle is positioned in the upper left. A vertical, torn-edge strip of light orange and yellow material runs down the center-left. On this strip, there are two small, dark, stylized human figures. The overall composition is dynamic and expressive, with visible brushstrokes and a sense of depth.

А. Н. ПОПОВ

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧЕЧНЯ
В ОГНЕ СРАЖЕНИЙ**

Отсканировано
в октябре 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2014 азы октябры
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

ОТ АВТОРА

Время все больше отдаляет нас от тех памятных дней, когда в горах Кавказа велась самоотверженная партизанская борьба против южнорусской контрреволюции.

Руководителем красного повстанческого отряда, созданного в августе 1919 года, был Николай Гикало. Я был его личным адъютантом и секретарем штаба Терской областной группы красных повстанческих войск.

В своих воспоминаниях мне хотелось рассказать молодому поколению о тех, кто в огне сражений в 1918—1920 годах отстаивал Советскую власть в Чечено-Ингушетии.

Большую помощь в работе над книгой оказали заведующая партиархивом Чечено-Ингушского обкома КПСС З. М. Кибирева, заведующая архивным отделом при Совете Министров ЧИАССР Е. И. Кобзева и научный сотрудник В. Т. Ржевская, научный сотрудник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы М. Н. Музаев, которым я приношу искреннюю благодарность.

А. Н. ПОПОВ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧЕЧНЯ В ОГНЕ СРАЖЕНИЙ

**ЧЕЧЕНО-ИНГУШКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Попов А. Н.

П58 Революционная Чечня в огне сражений. Грозный,
Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973.
153 с.

Книга написана участником революционных боев за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1919—1920 годы) Александром Николаевичем Поповым, бывшим адъютантом Н. Ф. Гикало.

В ней много новых интересных фактов из истории революционных событий в Чечне. В конце книги помещено краткое воспоминание жены А. Н. Попова — Марии Ефимовны Инчик-Поповой.

0164—009

9(с166)

П
М135(03)—73

ГОД НЕРАВНОЙ БОРЬБЫ

Шел 1918 год. Советская республика — в огненном кольце фронтов гражданской войны, отрезанная от основных продовольственных, сырьевых и топливных районов. Антанта осенью 1918 года перенесла центр тяжести антисоветской борьбы на Юг. Донская белоказачья армия Краснова в течение ноября 1918 года продвинулась к Лискам и Поворину. В то время белогвардейская добровольческая армия генерала Деникина, состоявшая в значительной части из кадровых офицеров, реакционного казачества и кулаков Кубани, Терека и Ставрополя, вела ожесточенные бои с частями Красной Армии на Северном Кавказе.

Героическая борьба 11-й Красной Армии на протяжении года приковала к себе главные силы деникинской армии, что явилось одним из важнейших условий, обеспечивающих возможность контрнаступления Южного фронта, которое впоследствии переросло в общее наступление советских войск на Юге.

Несмотря на стойкое сопротивление, устоять против хорошо обученной и превосходно вооруженной добровольческой армии, которая, по свидетельству Г. К. Орджоникидзе, в то время была «самая сильная, самая организованная, самая сплоченная дисциплиной контрреволюционная армия», советские войска на Северном Кавказе были не в состоянии. Предательски разваливаемая авантюристом — главкомом Сорокиным, уничтожавшим неугодных ему командиров, испытывая большой недостаток оружия, почти без боеприпасов, без продовольствия и фуража, 11-я армия вынуждена была под напором про-

тивника отступать, оставляя врагу все большую часть территории Северного Кавказа.

В довершение на армию, насчитывавшую к концу ноября 1918 года до 150 тысяч бойцов, обрушилась, выводя из строя целые войсковые соединения, страшная эпидемия сыпного тифа. Уже к началу 1919 года в ней осталось всего восемьдесят тысяч человек, более половины которых были тяжело больные и раненые. А в тылу советских войск почти безнаказанно орудовала белогвардейская агентура, сея панику, дезорганизуя снабжение, призывая к мятежам и восстаниям.

Положение с каждым днем становилось все более тревожным. В середине января 1919 года белогвардейцы прорвали фронт 11-й армии между городами Святой Крест (ныне Прикумск) и Георгиевск и широким клином рассекли советские войска. Наступили трагические дни.

Деморализованная болезнью и изменой, без снарядов и патронов, без продовольствия и медикаментов, неся огромные потери, армия начала стремительно отступать к Астрахани. В зимнюю стужу десятки тысяч полуголодных людей без теплой одежды и обуви, большей частью пешком брели по безводным Черным землям, мерзлым пескам и солончакам. Совершая свой беспримерный путь, они от изнеможения падали, с нечеловеческими усилиями поднимались, спотыкаясь, тянулись дальше, отбивались от наседавших со всех сторон банд белых. Больные, раненые, обмороженные люди двигались на северо-восток, оставляя на дороге отступления тысячи трупов.

Вступив 1 марта 1918 года добровольцем в Ставропольский отряд Красной Армии, я участвовал в боях с белогвардейцами на Ставрополье. В начале декабря был направлен учеником в Северокавказскую военно-авиационную школу, находившуюся в Пятигорске. Учеба в школе оказалась непродолжительной. Белогвардейские части подходили с боями все ближе к Минеральным Водам, Пятигорску, Кисловодску. В последних числах декабря школа эвакуировалась в Грозный.

Но и в Грозном положение становилось все тревожнее. Прорвав фронт 11-й армии, белоказачьи полки и дивизии устремились на Юг, занимая один за другим Георгиевск, Прохладную, Моздок. Грозненская Красная Армия, отрезанная от центра, имевшая ненадежную связь с

командованием фронта, по существу, была предоставлена самой себе. Пробиравшиеся ежедневно в город отдельные небольшие подразделения и одиночные бойцы 11-й армии своими неправдоподобными рассказами об успехах деникинцев только усиливали общую неразбериху о положении дел на фронте. При всем этом в городе не было чувства растерянности и страха. Еще были свежи в памяти героические дни 1918 года, когда отрезанные от внешнего мира грозненцы — мужчины, женщины и подростки — на протяжении ста дней мужественно отбивались от наседавших со всех сторон белоказаков.

С утра 2 февраля я находился связным от авиационной школы в штабе грозненской Красной Армии. Там царило оживленное, приподнятое настроение. Непрерывно трещали телефонные звонки, взволнованные и возбужденные голоса кого-то настойчиво спрашивали, требовали, приказывали, то и дело стремительно входили и выходили связные, командиры отрядов, представители промыслов, заводов. Лица у всех серьезные, сосредоточенные. На различные лады пересказывались и комментировались переговоры генерала Покровского с начальником грозненского гарнизона Сафоновым. Покровский требовал сдать город без боя, угрожая в противном случае повесить всех командиров и коммунистов. Сведения об этом ультиматуме Покровского ни у кого не вызывали чувства паники и страха.

Наоборот, все ошутимее над всеми разговорами и настроениями преобладала решимость защищать город во что бы то ни стало. Сотни подвод и тысячи людей в смертельном страхе бежали вон из города, а воинские части занимали в местах своего расположения круговую оборону. И это было тогда, когда бои с деникинцами шли еще за сотню с лишним километров от Ставрополя.

В этом заметно сказалась та особенность, которой Грозный резко выделялся в то время от остальных городов Северного Кавказа, — рабочий состав его населения. На защиту своего родного города направлялись усилия и вся организаторская деятельность штаба Красной Армии и Грозненского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

Такое же повышенное боевое настроение я увидел и у себя в школе, когда в середине дня с очередным поруче-

нием штаба пришел к начальнику школы — старому летчику Полозову.

Незадолго перед заходом солнца послышался отдаленный, все более нараставший размеренный гул моторов. Из-за Старопромысловой горы показались летевшие на небольшой высоте два самолета без опознавательных знаков. Подлетев к городу, они, постепенно снижаясь, прошли над железнодорожной станцией, затем медленно развернулись над центром города.

— Наши, наши! — возбужденно кричали ребяташки, бойцы, взрослые люди на улицах.

— Смотрите, смотрите: машет, руками машет! — восторженно кричали люди, показывая руками на первый самолет.

Радостное возбуждение охватило людей, видевших в этих двух самолетах вестников находившейся где-то неподалеку Красной Армии, ее силы и близкой помощи. Тем неожиданнее прозвучали хлопки нескольких одиночных выстрелов. Люди непонимающе, растерянно оглядывались вокруг. Кто-то испуганно вскрикнул, грузно осел на тротуар, хватаясь руками за грудь. Раздались озлобленные голоса:

— Товарищи, да ведь это же беляки с аэропланов стреляют. Бей гадов!

Возбужденные, озлобленные люди из винтовок и револьверов открыли стрельбу по самолетам, которые, набирая высоту и не торопясь, все дальше уходили на северо-восток от города. Еще долго люди кучками обсуждали нахальное и бесстыдное поведение вражеских разведчиков.

Возвратившись к вечеру в штаб, я понял, что за время моего отсутствия произошло что-то очень серьезное. Лица у всех сумрачно-озабоченные, на них выражение какой-то беспомощности и растерянности. В поведении людей, в отрывочных фразах, которыми они обменивались между собой, в приглушенных разговорах по телефону не было и следов той приподнятости, которая царила здесь всего лишь несколько часов тому назад. Я не знал, что полученные штабом за время моего отсутствия известия о положении на фронтах делали невозможной и нецелесообразной защиту Грозного. Прошло немного времени томительного ожидания, пока дежурный по штабу вызвал меня:

— Этот пакет срочно доставить начальнику школы. В нем приказ об отступлении из города. Передайте на словах начальнику: самолеты обязательно уничтожить, а личному составу к 11 часам сегодня погрузиться в поезд. Предупреждаю, если школа в 10 часов не будет на станции, тогда ни на какие вагоны не рассчитывайте! Тогда уходить будете как сумеете! Понятно?

— Понятно! — Щемящее чувство наполнило меня. — Как же так отступить?

— Очень просто. Ты не теряй времени, немедленно бегом к начальнику школы. Он тебе и расскажет все, что тебя интересует. Не забудь, у вас остается не больше четырех часов!

До моего сознания все еще плохо доходил этот неожиданный и страшный переход к тому неизвестному, что нас ожидало. Пока я почти бегом добирался до своей школы, на улицах еще не было заметно признаков подготовки к отступлению.

Получив приказ, начальник школы коротко объяснил личному составу сложившуюся обстановку. В ожесточенном трехдневном бою в районе станции Терек, под станциями Калиновской и Наурской белогвардейцы разбили последний резерв 11-й армии — ее Ленинский полк, состоявший преимущественно из московских и питерских рабочих. Вслед за этим полчища белых, почти не встречая на своем пути сопротивления, неудержимо покатались на Терек и дальше на Сунжу, на Кизляр, Грозный и Владикавказ. Белоказачьи части генерала Покровского подошли вплотную к Грозному. Второго февраля они заняли станции Петропавловскую и Горячеводскую (Горячесточненскую). Наступающим белогвардейским частям оказать серьезное сопротивление грозненская Красная Армия была не в состоянии, тем более, что в январе значительные ее силы были оттянуты из Грозного для защиты Владикавказа, оказавшегося еще раньше под угрозой захвата белыми.

Тревожная суматоха, возникшая во дворе школы, наполнилась ухающими ударами разбиваемого металла. Столбы пламени освещали изувеченные остатки самолетов и бегавшие по двору фигуры людей: школа прощалась навсегда со своей гордостью — учебными самолетами, которые заботливо и бережно перевезли из Пятигорска, чтобы они не достались ненавистному врагу. Так

как у школы собственного транспорта не было и рассчитывать на получение его со стороны она не могла, вместе с самолетами уничтожались запасные части, учебно-наглядное оборудование, дела школы, все, что могло в какой-либо мере пригодиться и быть использовано добровольческой армией.

Город наполнялся грохотом и стуком многочисленных колес по булыжным мостовым, ржанием лошадей, гулом моторов, людскими голосами. Все отчетливее доносились отзвуки недалекого боя. То отряды грозненской Красной Армии прикрывали эвакуацию, отступление из города поездов и обозов с материальными ценностями, снаряжением, больными и ранеными. Когда мы отправились на железнодорожную станцию, в тревожный гомон начавшегося отступления все чаще и активнее стали врываться винтовочные выстрелы и пулеметные очереди в разных частях города.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Поздно ночью поезд медленно тронулся. В набитых до отказа вагонах постепенно затихали разговоры, пререкания и перебранки, обычные в таких случаях. Верх брала усталость, и под размеренный стук колес все громче раздавался многоголосый храп, бормотание и посапывание спящих бойцов. Часами простаивали на каждой станции, и лишь во второй половине дня 3 февраля добрались до станции Серноводск. Здесь школа разгрузилась и отправилась в распоряжение штаба грозненского отряда Красной Армии, части которой, прикрывая вы-

шедшие из Грозного поезда и обозы с больными и ранеными, подошли к станицам Самашкинской и Михайловской. Отбиваясь от авангардных частей деникинцев, грозненцы шли на соединение со своими сунженскими братьями. Шесть дней грозненский отряд, казачьи части Александра Дьякова и присоединившиеся к ним небольшие подразделения, вроде авиационной школы, и одиночки — бойцы 11-й армии отражали яростные атаки белых, с которыми заодно активно выступило против красноармейских отрядов реакционное казачество станиц Ермоловской, Романовской, Самашкинской и Слепцовой.

В то время как сводный красноармейский отряд вел бои с белыми на Сунженской линии, ингуши с пришедшими к ним на помощь курсантами Владикавказской школы красных командиров, отрядами грозненцев и кабардино-балкарцев вели неравный бой на подступах к Владикавказу. Подойдя к селению Долаково, белые потребовали пропустить их через ингушскую территорию к Владикавказу и Грозному. После отказа ингушей белые бросили на непокорный аул и пришедший к нему на помощь аул Кантышево Кубанскую линейную дивизию. Завязался тяжелый бой с превосходящими силами деникинцев.

И этот день прошел в Ассинской в томительном ожидании. Белогвардейское командование не предпринимало наступательных действий, по-видимому, готовя силы к последнему решительному натиску. Только белоказачьи разъезды все время маячили издали в степи. Но при первых же выстрелах наших сторожевых охранений они отходили, не принимая боя.

Понимая безвыходность положения и считая дальнейшее сопротивление бесполезным, Гикало послал в Чечню парламентаров с предложением пропустить отряд в горы.

К этому времени деникинцы начали кровавую расправу с попавшими в их руки сторонниками Советской власти. В первый же день отступления из Грозного казаки станицы Романовской (Закан-Юрт) захватили начальника грозненского гарнизона Сафонова с группой товарищей, которых передали командованию добровольческой армии. После истязаний Сафонова и двух его товарищей повесили в Грозном на базаре при входе в «обжорку». Белогвардейцы изрубили шашками, расстреляли и пове-

сили несколько десятков красноармейцев, попавших в плен, а также больных, раненых и оставшихся в городе на милость победителей. По приказанию главноначальствующего города Грозного и нефтепромыслов полковника Миклашевского для «поддержания порядка» — борьбы с нелояльными по отношению к белым элементами — 11 февраля 1919 года было начато формирование специальной добровольческой офицерской роты из офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, живших в Грозном и его ближайших окрестностях.

В станице Слепцовской деникинцы порубили в больнице восемьдесят больных и раненых красноармейцев. Повсюду начали свирепствовать карательные отряды, которые арестовывали, истязали, вешали и расстреливали подозреваемых в сочувствии к большевикам и Советской власти, не говоря уже о сотрудничавших с ними. В числе первых были повешены командир Михайловского отряда Красной Армии Ф. Рухлин и заместитель командующего сунженской казачьей Красной Армией Г. Куликов.

Утром 12 февраля на окраине станицы Ассинской состоялся митинг бойцов сводного красноармейского отряда. В настороженном ожидании стояли уставшие, исхудалые бойцы. Обветренные, спокойные и на первый взгляд даже равнодушные, покрытые морщинами забот и времени, рабочие лица. А рядом — только вступающая в жизнь молодежь, недавние подростки, возбужденные, с ввалившимися от усталости, но живыми, внимательными, старающимися ничего не пропустить вокруг себя глазами. Многие хорошо понимали безвыходность положения. Но уныния и растерянности не было. Во всем чувствовалась какая-то внутренняя убежденность и твердая решимость драться до тех пор, пока хватит сил.

Недалеко от меня на повозку поднялся скуластый, среднего роста, сравнительно молодой человек в очках, из-под которых смотрели глубоко сидящие, внимательные глаза. На высокий лоб надвинута серая кубанка. Призывая к вниманию, он поднял руку и глуховатым голосом громко произнес:

— Товарищи красноармейцы и казаки!

Со всех сторон к оратору потянулись настороженные лица бойцов. Они смотрели на него по-детски жадными

глазами, в которых светилась большая симпатия и вера к нему. Послышались возбужденные голоса¹:

— Гикало, Гикало говорит!

Так вот он какой Гикало, о котором я много слышал после того, как попал в Грозный, и во время боев под Самашкинской и Михайловской. Представлял себе командующего грозненской Красной Армией совсем иным. Уже одно слово «командующий» рисовало в моем представлении солидного человека, обязательно с большими усами, прикрывающими суровое, волевое лицо воина-командира. А передо мной стоял в обыкновенной солдатской шинели молодой человек, без всяких усов, больше похожий на учителя, чем на военного. Широкий лоб, энергичное, худощавое лицо с резко выдававшимися скулами придавали ему солидность. Выглядел он, как я узнал позже, старше своих лет. Спокойный взгляд темно-серых глаз, ровный, уверенный голос говорили о твердой воле, решительности, уме. Рядом с ним стоял небольшого роста тоже молодой казак в высокой папахе, с кинжалом и кавказской шашкой на пояском ремне — командующий сунженской казачьей Красной Армией Дьяков.

Затих шум и гомон четырехтысячной толпы. В наступившей тишине Гикало, внешне спокойный, говорил просто, немногословно, но его слова воспринимались присутствующими всем сердцем. Не скрывая тяжести положения, Гикало рассказал о разгроме и отступлении на Астрахань 11-й Красной Армии, о падении Владикавказа, о предательстве контрреволюционной верхушки Чечни, о том, что станицу плотным кольцом окружили белогвардейско-казачьи части и остается единственный путь — только в Чечню. Но ачхой-мартанцы (имеется в виду группа вооруженной банды, организованной местной буржуазией. — *Ред.*) соглашаются пропустить отряд лишь при условии, что им будут сданы все оружие, боеприпасы и ценности, вывезенные из Грозного. Свою короткую речь Гикало закончил обращением к бойцам:

— Так что же будем делать, товарищи? Примем требования ачхой-мартанцев и сдадим оружие? Или будем биться с белыми, пока есть у нас снаряды, патроны и

¹ Данный абзац, а также некоторые отрывки и тексты целых страниц из рукописи этой книги были взяты без ссылок на источник Н. Г. Шипулиным и использованы в брошюре «Главком Терека», изданной в 1970 году.

пока живет в наших сердцах ненависть к врагам революции? Пусть увидят друзья и враги, как мы способны драться за нашу Советскую власть!

Голос Гикало звучал сурово и страстно. Во всей его фигуре, дышавшей мужественным спокойствием, в строгом взгляде глаз каждый, казалось, чувствовал, что именно к нему обращен этот вопрос. Площадь взорвалась многоголосым криком, в котором негодование на предательство чеченской буржуазии перекликалось с твердой решимостью не уходить без боя.

После митинга люди разошлись по боевым участкам на окраины станицы. Обоз потянулся к переправе через реку Ассу. В составе роты курсантов авиационной школы и бойцов грозненского отряда я попал на западную окраину станицы. Прошел еще один полный неопределенности день. Мы присмотрелись к местности, прорыли окопы, соорудили пулеметные гнезда. И хоть нет ничего более удручающего, чем томительное ожидание предстоящей неравной схватки, с приподнятым настроением нетерпеливо ждали начала боя.

Едва наступил рассвет, как неподалеку от станицы с разных сторон показалось несколько крупных вражеских разездов. Не в пример первым двум дням они не уклонялись, а, наоборот, активно завязывали перестрелку с нашими заставами и сторожевыми охранениями. Как-то сразу в винтовочную перестрелку ворвался орудийный гул. С нарастающей силой неслись, перемежаясь, гулкие удары и разрывы снарядов, вихрем вырывая из воронок черные столбы земли. Противник рассчитывал ураганным огнем вызвать смятение и растерянность в наших рядах, поднять дух наступающих. Уверенные в своем численном превосходстве, белые после мощной артиллерийской подготовки несколькими колоннами пехоты пошли в наступление. Противник стремился отвлечь наши главные силы к центру, а в это время своим конным резервом, сосредоточенным с восточной стороны станицы, смять наш правый фланг, ворваться в станицу, отрезать отряд от переправы через Ассу и нанести решающий удар двумя группами с фронта и тыла.

Когда до первой цепи наступающих оставалось не больше 150 шагов, на них обрушился огонь из всех видов оружия. Цепи противника заколебались, но, побуждаемые своими офицерами, продолжали медленно продвигаться.

гаться вперед. Мощный огонь наших винтовок и пулеметов косил их ряды. И вот передняя цепь дрогнула, повернула обратно, смяла вторую, колонны противника смешались, рассыпались и отошли.

Первая неудача не остановила белых. После еще более ожесточенной артиллерийской подготовки они повторили атаку. Одновременно с наступавшими в центре пехотными цепями с флангов пошли в атаку казачьи полки. В это время артиллерия белых открыла беглый огонь по отрядному обозу и по переправе через Ассу. Но, как и в первый раз, под мощным ружейно-пулеметным огнем защитников станицы колонны противника, не добившись цели, отступили.

Гулкие раскаты орудийных разрывов неумолчно неслись над станицей, звенящая, татакающая дробь пулеметов и ружейные залпы перекашивались по всему фронту, то затихая, то нарастая с новой силой. Не раз в тот день на различных участках нарастал крик «ур-р-р-а!», то приближаясь, то, как оборванный, замолкая. Белогвардейцы вводили в бой все новые и новые части, стремясь хоть на каком-либо участке фронта взять инициативу в свои руки. Но в течение всего дня им это так и не удалось. Бойцы отряда защищались с безумно-отчаянной храбростью, бросаясь в критические моменты в рукопашные схватки, падали под пулями и шашками, но не отступали.

С каждым часом все труднее становилось сдерживать неослабевавший напор противника. К исходу дня стала очевидной невозможность продержаться еще следующий день. Израсходована часть боеприпасов, скопилось большое число раненых, лишенных необходимой медицинской помощи. Отряду грозил неизбежный полный разгром и уничтожение. И к вечеру Гикало отдал приказ об отступлении в Чечню.

Ачхой-мартанцы также понимали безвыходность положения отряда. Пользуясь тем, что чеченская Красная Армия, руководимая вождем чеченской бедноты Асланбеком Шериповым, находилась далеко и не могла помочь своим русским братьям, они решили добиться принятия выставленных ими требований. Когда большая часть отряда с орудиями, пулеметными расчетами и обозом втянулась в зимних сумерках в лес, вооруженные банды Чермоева и Чуликова преградили дорогу и потребовали

немедленно сдать все оружие и ценности, угрожая в противном случае открыть огонь. На узкой лесной дороге нечего было и думать о попытке пробиться силой, и отряд, вынужденный подчиниться их требованию, начал разоружаться. Чтобы не сдавать ачхой-мартанцам оружие, многие красноармейцы снимали затворы винтовок, оружейные замки, затыльники пулеметов и закапывали их в землю, а ставшие ненужными винтовки бросали в темноте в лесу и в реку. То же делали и с вывезенными из Грозного ценностями эвакуированных банков. Их первоначально предполагалось вывезти в Астрахань, но дорога на Астрахань вскоре оказалась отрезанной. Озлобленные ачхой-мартанцы стали раздевать безоружных людей, снимали теплую верхнюю одежду, отбирали личные вещи, представлявшие какую-либо ценность. Этой участи не избежал и Гикало.

По выпавшему ночью снегу некоторые из них уходили в горы Чечни.

Когда остатки нашей роты стали отходить в станицу, где-то впереди нас завязалась сильная ружейно-пулеметная перестрелка. Командир роты приказал рассредоточиться и пробираться самостоятельно к мосту через Ассу в Ачхой-Мартан. В составе небольшой группы, в которой оказался я с двумя нашими курсантами, был боец грозненского отряда Василий Осипов, который предложил не идти через станицу в Ачхой-Мартан:

— Знаете что, ребята! Чего доброго беляки уже перерезали дорогу к мосту. А может, это уже ачхойцы бьют по нашим. Пропадем мы как пить дать. Дорога здесь все время идет по лесу, и нас, как куропаток, перестреляют из-за деревьев. Давайте лучше повернем на станицу Нестеровскую. Тут не больше верст восьми-девяти. По темному мы сумеем незаметно добраться туда. А в Нестеровской у меня есть знакомый казак. Очень хороший человек! В империалистическую войну я жил у него в рабочих. Мы у него перебудем ночь, а с рассветом уйдем в горы к ингушам.

Местности мы совершенно не знали, а наш попутчик говорил так убедительно, что мы, не раздумывая, повернули назад и в наступивших сумерках быстро стали уходить от станицы на запад.

В НЕИЗВЕДАННУЮ ДАЛЬ

Ассинская удалялась от нас все дальше и наконец совсем затерялась в темноте — гнетущей, полной неизвестности и страхов. После занятия Ассинской белые, у которых было немало местных казаков, могли уже захватить и Нестеровскую. В то же время хотелось надеяться, что белоказаки не рискнут ночью продвигаться дальше.

Небо заволокло тучами, сквозь обрывки их изредка проглядывал молодой месяц. Шли молча, настороженно вглядываясь в темноту, наполненную тревожными звуками. Сзади нас все еще раздавались то одиночные винтовочные выстрелы, то короткие пулеметные очереди, где-то вдали в морозной тиши прогудел паровоз, прокричала какая-то птица. Все эти звуки только подчеркивали, усугубляли наше одиночество, заставляя еще пристальнее смотреть в темноту. Тревожная неизвестность делала незнакомую дорогу непомерно длинной. Казалось, что мы идем очень долго. Временами закрадывалось сомнение — не сбились ли с дороги? Нет, Асса рядом, — значит, идем правильно.

Вправо от нас не遠далеке послышался конский топот, а затем и обрывки слов. Мы остановились и, затаив дыхание, смотрели друг на друга. Что делать? Стук копыт приближался, становился все более отчетливым. Кто это может быть? Наши? Вряд ли. А вдруг белые? Раздумывать некогда, и мы один за другим тихо скатились с дороги под берег реки, который в том месте оказался невысоким. Глаз, привыкший к темноте, мог различить наши фигуры, тем паче, если луна прорвется из-за туч. А конники все ближе и ближе. Не сговариваясь, мы осторож-

но вошли в реку, окунулись в нее, и над поверхностью воды остались только наши головы в шапках, которые трудно будет увидеть с дороги.

Секунды ожидания растянулись в целую вечность. Мы почти не ощущали холода, ледящего тело, и слышали все отчетливее приближающийся стук копыт по мерзлой земле. На дороге показался казачий разъезд. Мы прильнули головами к берегу и уже не видели, а только чувствовали, слышали, как он проезжал почти над нами. Казаки ехали не торопясь, лениво переговариваясь. Сначала до нас долетали только обрывки фраз, а затем стал слышен и весь разговор:

— Штой-то кажется, што мы заздря плутаем тут. Боськи побоятся итить в сторону Нестеровки. Куды они отеда пойдуть?

— А хто их знает? Мовет быть, и впрямь они всем скопом двинулись со своим Гикалой на Ачхой.

— Сотник сказывал, — ачхойцы их не пустють!

— Ну, это уже не нашего ума дело.

— А мы до Нестеровки доедем? Как бы нам ишшо, чиво доброво, не влопаться!

— Я тожить так располагаю. Чиво мы будим у Нестеровку лезть? Вот ишшо версты полторы-две проедем, а там повернем в сторону Михайловки и до дому. Все одно ездить тут по степу ночью, что блоху в скирде ловить!

Голоса и топот копыт удалялись, становились глуше и наконец растворились в ночной тиши. Мы выбрались из воды, повыливали из сапог воду, отдышавшись и придя в себя, быстро зашагали дальше — к Нестеровской. Новогоднее купанье в Ассе (по старому стилю был Новый год) начинало давать себя чувствовать. Холод мокрой одежды пробирал все сильнее, пронизывал тело до костей. Побежали, чтобы согреться. Но вскоре поняли, что так, чего доброго, сами попадем в лапы карателей, и заставили себя идти шагом, по-прежнему настороженно вглядываясь и вслушиваясь в окружающую нас темноту.

...Вдали слышались звонкие молодые голоса. По мере того, как мы подходили к станице, они все больше заполняли темноту, плыли над морозной степью, нежные, ласковые, задушевные. Слышался говор, смех, изредка вспыхивали огоньки. Видимо, ребята курили. На пригорке у станицы — большая группа станичной молодежи.

Весь пригорок жил, наполненный задорным весельем. Девушки затянули частушки, ребята их подхватили. Кто-то высоким мужским голосом запел песню. Девушки сначала нехотя, лениво, а затем все живее и задорнее подхватили песню сильными, звонкими голосами. Веселье молодежи захватило и нас, и, не пытаясь прятаться, мы направились к ним. При виде нас молодежь как-то сразу присмирела, песня оборвалась. Ребята и девушки молча смотрели на нас.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравствуйте, дяденьки! (А эти «дяденьки» своим возрастом недалеко ушли от них).

— Скажите, ребята, кто-нибудь есть в станице?

— А вам кого нужно? — непонимающе спросил один подросток.

— Белые есть в станице?

— Нет, никого нету! — раздалось в ответ сразу несколько голосов.

— А недавно не проезжал здесь казачий разъезд?

— Нет. Под вечер несколько красноармейцев пришли в станицу, а казаков не было.

Это было сказано с такой подкупающей, неподдельной искренностью, что всякие опасения у нас рассеялись. Значит, белоказачий разъезд и в самом деле свернул куда-то в сторону, не рискуя в темноте ехать в Нестеровскую. Поблагодарив молодежь, мы отправились искать знакомого нашему Осипову казака. Вслед нам опять зазвучала широкая, раздольная казачья песня, в которой нежная, грустная мелодия сменялась залихватской удалью. По безлюдной улице пробивались через закрытые ставни окон полоски света. Значит, было не так уж поздно. Вот и нужный нам дом. На стук вышла еще не старая женщина.

— Здравствуйте, Прасковья Павловна! — негромко произнес Василий.

— Здравствуйте! Вам кого? — растерянно ответила она, всматриваясь в наши лица. Взгляд ее остановился на Осипове: — Да никак это ты, Василь!

— Я и есть. А Илья Романович дома?

— А где же мне быть? — раздался с крыльца хриловатый, простуженный голос. — Заходите, гостями будете!

Нас встретил коренастый, начинавший тучнеть человек, с густо посеребренной бородой, припадавший на ходу на изуродованную левую ногу.

— Ну, здравствуй, Василь! Здравствуйте, товарищи! — приветливо поздоровался он с каждым из нас, когда мы вошли в хорошо натопленную комнату. — А чтой-то вы, как вроде только из речки? Откуда и куда путь держите? Не из-под Ассинской случаем? — озабоченно расспрашивал нас хозяин.

Мы начали рассказывать об исходе боя, об отступлении отряда в Чечню, о встрече с разведкой белых.

— Рассказывать будете потом, до утра еще времени хватит, — перебил Илья Романович. — Сейчас раздевайтесь, скидайте всю свою одежду и лезьте греться на печку. А ты, Паша, — обратился к жене, — дай што-нибудь ребятам завернуться да собери поесть. Видишь: люди устали, позамерзли и наверняка есть хотят!

Большая, чуть не на половину комнаты, печь с лежанкой, заманчиво дышавшая теплом, подкрепляла заботливое предложение хозяина. Мы не заставили повторять его. В то время как хозяйка, — видно, в свое время красивая казачка — возилась в прихожей, мы быстро переоделись, точнее, прикрылись различными вещами, принесенными ею, и блаженствовали на горячей печи. Хозяйка пристроила вокруг печи нашу одубевшую от мороза одежду, разожгла огонь в печи, и скоро комната наполнилась ароматным запахом скворчавшей на сковороде яичницы. Немного отогревшись, мы рассказали нашему хозяину о событиях этого дня, плотно закусили яичницей с жареным свиным салом и стали наслаждаться чаем с душистым медом.

— Значит, выходит, все дело кувырком полетело, — задумчиво произнес Илья Романович. — Незавидно получается. Чего доброго завтра белые и к нам в станицу пожалуют. Ну, а как вы располагаете? Здесь оставаться или подаваться дальше? — В его голосе не было чувства страха и боязни за себя, а сквозило беспокойство о нас.

— Нет, оставаться здесь мы не будем. Раз на Владикавказ не пройти, будем утром пробираться к своим.

— А ежели белые перестренут?

— Драться будем, — сказал молчавший до сих пор наш курсант Гушин.

— Много ли теперь, Аника-воин, навоюешь? Может, несколько раз и пальнешь, а тебя все одно убьют. Может, заздря у вас так много страха перед белыми?

— Нет, не зря, Илья Романович! Мы знаем, как они расправляются с красноармейцами. Будь что будет, только бы не попасть им в руки живым.

— Да, когда людей послухаешь, так оно верно, страшно получается. Куда же вы пойдете, к ингушам? Так там еще страшнее будет!

— Страшнее, не страшнее, а хуже, чем у белых, не будет.

— Ну, смотрите, вам виднее! Подавай вам бог удачи! — сочувственно закончил хозяин.

Нас уже ждала приготовленная заботливыми руками хозяйки из душистого сена постель на полу. Уставшие от пережитого за день, мы скоро заснули, а Прасковья Павловна еще долго, стараясь не шуметь, бродила по комнате, перешептываясь с мужем.

За ночь земля покрылась пушистым, мягким снежным покровом, на котором виднелись опрятные домики с выкрашенными воротами, ставнями и деревянными крылечками. Осипов встал раньше нас и о чем-то беседовал на дворе с хозяином. Одежда наша просохла и приятно слегка пахла дымком. Сердечно поблагодарив гостеприимных хозяев, снабдивших нас после завтрака на прощанье караваем мягкого белого хлеба и двумя большими «шматками» сала, мы вышли на улицу.

— Ни пуха вам, ни пера! — растроганно напутствовала Прасковья Павловна и долго провожала нас взглядом, преисполненным доброты и глубокого материнского тепла.

В станице стояла настороженная тишина, чувствовалась какая-то скованность, ожидание чего-то особенного. Мы направились к центру станицы со смутной надеждой услышать какие-нибудь обнадеживающие новости. Не хотелось думать, что это уже конец. Где-то в уголке сердца все еще теплилась искорка надежды. К тому же каждого из нас пугали своей неизвестностью горы, в которых живут «страшные» ингуши и чеченцы. Мы их и в глаза не видели, но за эти дни слышали о них столько ужасов, что в них бесследно терялось все то хорошее, что рассказывали о порцах наши грозненские товарищи. Страх перед белыми толкал нас в неизведанное — в

мрачные, нависшие тяжелыми громадами горы. А что ждет там каждого из нас? Неизвестность началась сразу же, как только мы вышли из станицы. Ясно было одно — если даже мы останемся живы, каждому из нас придется вынести немало испытаний, самостоятельно отвечать за свои действия. Мы боязливо отгоняли все эти тягостные мысли, стараясь их вслух не высказывать.

Завидя нас, казачки приоткрывали сенцы и некоторое время молча, взглядами провожали нас. Чем ближе подходили мы к станичной площади, тем чаще стали попадаться направлявшиеся к центру станицы большей частью пожилые казаки. Лишь изредка встречались молодые, видимо, недавно отбывшие срочную службу или приехавшие в отпуск. Вот и площадь. Около станичного правления и у церкви толпились группами казаки. У многих из-под распахнутых полушубков виднелись праздничные черкески, на груди — медали, георгиевские кресты. Во дворе станичного правления, у коновязи, стояло больше десятка оседланных лошадей.

Казаки сдержанно ответили на наши приветствия. Один из них невесело ухмыльнулся:

— Ну, что ж, служивые, довоевались! Вот стоим и решаем, как встретить кубанских казаков и господ офицеров. Решили с хлебом-солью. Все одно, видать, многим придется скидывать портки и своей задницей расплачиваться за коммунию. Ведь я правильно говорю, господа казаки?

В его словах и в том, как он говорил, чувствовалась горечь бессилия и обида за обманутые надежды. Ведь больше года прожито с новой властью. Много еще было непонятного, непривычного, подчас обидно было расставаться с прежней казачьей вольницей. И все-таки при новой власти жилось неплохо. И большевики вовсе уж не такие плохие люди. Среди них и свои станичники, которые дрались с белыми под Михайловской и Ассинской. Кое-кто кивком головы подтвердил свое согласие с говорившим:

— А вы что, служивые, тоже решили вместе с нами обождать, покада к нам пожалуют высокие гости?

Этот вопрос прозвучал суровым предупреждением. Он решил все наши сомнения и страхи. Надо уходить, немедленно уходить, куда глаза глядят, лишь бы скорее убраться отсюда, пока растерянность и нерешительность

станичников не сменились сознанием своей вины перед добровольческим командованием и желанием хоть как-либо загладить ее. Тогда уже будет поздно. Насколько возможно, равнодушно, я ответил:

— Да мы еще посмотрим!

Как бы бесцельно прохаживаясь, мы отошли от казаков и, завернув за угол, быстро зашагали к мосту через Ассу. У входа на мост стояли около десятка казаков, судя по всему, настроенных более воинственно, чем их станичники на площади. Кое у кого в руках винтовки. Мы хотели, не останавливаясь, пройти мимо. Два пожилых казака, не отвечая на наше приветствие, отделились навстречу нам:

— Вы куда-то направляетесь? Случаем не в лесок за дровами? — с нескрываемой насмешкой спросил один из них, с винтовкой за плечом. — Отвоевались, теперь убежать хотите, а нам за вас расплачивайся? А ну, вояки, сдавай оружие!

Остальные хмуро молчали, не высказывая своего отношения к происходящему. Мы невольно пожалели, что замешкались в станице. Но требование сдать оружие пока не подкреплялось ни угрозой применения силы, ни активным сочувствием остальных казаков. Больше того, высокий, сухощавый казак раздраженно бросил:

— Чиво вы от людей хотите? Они вас не трогают, не трожьте и вы их! А если б такое с вашими сынами стряслось? Што мы — звери, што ли? Идут люди и пусть идут. Им — бедолагам — придется еще немало горя хлебнуть. Там им ружья нужней будут, чем нам здесь. Нам никто не приказывал их задерживать, и нечево встравать не в свое дело. Пропустите, пусть уходят!

Эти слова не встретили осуждения со стороны остальных казаков. Бородачи отошли в сторону. Дорога через мост стала свободной. Мы поблагодарили неожиданного заступника, казаков и, не оглядываясь, быстро направились по дороге, уходящей за мостом круто в гору, в лес. На опушке леса остановились перекурить. Отдохнули немного, время было трогаться дальше. Но тут Осипов, присевший на пенек, обращаясь ко мне, попросил повременить, жалуясь на то, что он натер ногу и ему надо переобуться. Я остался подождать его, бросив вдогонку Гущину, что мы быстро их нагоним. Осипов переобулся, но по-прежнему сидел в раздумье. Время шло. Разрыв

между нами и ушедшими товарищами становился все больше. Теперь меня удерживало возле Осипова не только желание не оставлять товарища. Жутко было идти одному по чужому, незнакомому лесу, протянувшемуся на много верст. Ведь мои товарищи уже далеко, и вряд ли я сумею их догнать.

— Знаешь, Саша, — заговорил жалким голосом Осипов, не отрывавший глаз от станицы. — Я все думаю — куда мы пойдем и что мы будем там делать? Ведь если мы и останемся живыми, то из Ингушетии нам уже и нечего думать выбраться к своим. Я сегодня утром разговаривал с Ильей Романовичем. Он тоже не советует, предлагает перебыть у него, пока вся эта горячка пройдет. В станице все знают, что я у него жил в работниках. Он и тебя у хороших людей устроит. Потом можно будет и в Грозный пробраться, поступить куда-нибудь на завод. А там дальше видно будет. Может, вернемся в станицу, а?

— Как ты можешь, сидя здесь, ждать лучшего будущего? Мы обязаны своими руками добиваться его!

— А что из этого получится? Что если белые возьмут Москву и задушат революцию, как в 1905 году? — возразил Василий.

— Если мы все будем думать так, тогда, конечно, Деникин может и Москву взять. Нужно не только ждать, чтобы было иначе. Без жертв такое не бывает. А то, что ты собираешься сделать, — это трусость и дезертирство!

— Мне надоело жить, постоянно думая о том, что я могу стать этой жертвой. Мне так хочется покоя, тепла, ласки. Нет, я не пойду с вами!

После этого я не пытался больше уговаривать Осипова. Вконец раздосадованный и обозленный, я решил оставить его и идти догонять товарищей. Появление приближавшейся к станице со стороны Ассинской большой колонны казачьей конницы, которую на окраине встречали вышедшие с белым флагом нестеровские казаки, сразу решило все сомнения моего попутчика. Он поднялся, и мы быстро углубились в лес. Около часа шли без остановки, думая лишь о том, чтобы успеть уйти как можно дальше. Затем Осипов опять стал замедлять шаг, наконец остановился и, прислонившись к дереву, устало опустил свою винтовку.

— Давай передохнем! — стараясь казаться спокойным, предложил он.

— Отдыхать нам некогда. Мы и так далеко отстали от ребят. А вместе, как ни повори, идти веселее, да еще когда не знаешь, куда идешь.

— Как хочешь, а я больше не могу. — Осипов опустил на сваленное буреломом дерево и, вытащив кiset, дрожащими пальцами начал сворачивать папироску. — Дальше, Саша, я не пойду! Ты не обижайся, но я вернусь в Нестеровскую. В горах нам все равно живыми не быть. Ингуши и чеченцы нас всех перебьют или выдадут белым. А это одно и то же. В станице я перебуду у Ильи Романыча.

— Да ты соображаешь, что говоришь? — пытался я убедить его. — Ведь если узнают, что ты был в грозненском отряде Красной Армии, тебе и твой Илья Романович не поможет. Ты же знаешь, как белые расправляются с пленными красноармейцами!

— Знаю, но дальше не пойду! Не могу! Ты понимаешь — не могу!

Когда я посмотрел на его жалкое, измученное лицо, влажные, умоляюще смотревшие на меня глаза, я понял, что уговаривать его дальше бесполезно, и пожалел только, что не понял его до конца на опушке леса.

— Так чего же ты мне голову морочил? Я из-за тебя отстал от товарищей, и теперь, значит, одному бродить по чужому лесу. Да ты знаешь, как это называется? — не мог сдержаться я.

— Саша, я понимаю тебя. Но мне трудно было сразу решить, что делать. Когда я увидел подъезжавших к станице белоказаков, мне стало страшно попасть в лапы карателей. А чем дальше мы уходили от станицы, все больше понимал, что к ингушам не пойду. Я знаю, что там не выдержу. Ты не сердись. Но это не в моих силах! — Осипов говорил так беспомощно, растерянно, что мне стало просто жаль его.

— Эх, глупый ты, Вася! Ну, как знаешь! Прощай, дай тебе бог удачи!

— И тебе тоже. Вот, возьми, пожалуйста! — протянул он мне узелок с продуктами. — Мне он ни к чему, а тебе пригодится!

Кончилось тем, что содержимое узелка мы поделили пополам, крепко пожали друг другу руки и разошлись, чтобы уже больше никогда не встретиться. Обернувшись, я увидел спину Осипова, шагнувшего назад, в Нестеров-

скую. Впервые я так сильно ощутил свое полное одиночество. Один! Один в незнакомом лесу, где на каждом шагу может быть враг. Это чувство усиливалось сознанием того, что я не знал, куда иду и что со мной будет. Догнать как можно быстрее своих, скорее уйти от этого гнетущего одиночества! И я уже не шел, а бежал. Обессиленный, переходил на шаг, отдохнув на ходу и набравшись сил, снова пускался бежать, пока дорога не потерялась в буреломе. Тогда я пошел напрямую, без дороги, через поваленные деревья, заросли кустарника, кучи валежника. Спотыкался, падал, цепляясь за деревья и упираясь ногами, взбирался на кручи, съезжал в лощины и овраги. В низинах под ногами чавкала прикрытая снегом липкая, хватающая за сапоги грязь. Однажды, не заметив крутого оврага, чуть не сорвался вниз. Временами теплая бекеша давила меня своей тяжестью и хотелось избавиться от нее, но рассудок удерживал от этого. Я уже потерял всякую надежду догнать своих и напрягал все силы, чтобы до наступления темноты выбраться из лесу. Меня пугал мрачный своим безлюдьем лес, глухой гул раскачиваемых ветром деревьев.

С трудом взобравшись на очередную кручу, приостановился отдышаться. Где-то впереди слышались треск валежника и человеческие голоса. Я не видел людей, не знал, кто они. Достаточно было того, что это были человеческие голоса, и я изо всех сил закричал:

— Эге-ге-эй! Подождите! — и напролом стал пробираться на шум голосов. Какова же была моя радость, когда я увидел на дороге Гущина, Жилиева и с ними еще двух незнакомых красноармейцев.

Незадолго до темноты мы вышли на развилку двух дорог. Погода стала быстро портиться. Подул холодный ветер. Под его порывистым дыханием все сильнее раскачивались и глухо гудели верхушки деревьев. Ветер усиливался. Он уже бушевал в раскидистых кронах дубов, карагачей, рвал сухие ветки, которые с треском падали на землю. Серая мгла заполняла небо, густо повалил снег. Незаметно наступила ночь. Мороз все больше крепчал. Порывы ветра усиливались. И вот разразился неистовый снежный буран. Кругом грохотало, свистело, выло. Не переставая, гудели и жалобно стонали, раскачиваясь из стороны в сторону, как бы жалуясь, вековые деревья.

Холодный резкий ветер сильными порывами забирался под одежду до самых костей. Наконец мы выбрались из лесу. Снежный вихрь на открытой горе стал еще сильнее. Снегом слепило глаза, забивало рот. Морозный воздух обжигал так, что становилось трудно дышать. С каждым порывом ветра идти было все труднее. Казалось, мы попали в самый центр снежной бури. Но идти надо, и мы с трудом двигались. Куда — никто из нас не знал.

Сильный порыв ветра донес издалека собачий лай. Может быть, мы ослышались, может быть, просто почудилось? Прислушались, нет — с новым порывом ветра опять стал слышен собачий лай. И мы, боясь потерять его, напрягая остатки своих сил, обрадованные, что наконец-то близко жилье, уже не шли, а бежали с горы вниз, туда, откуда все громче доносился разноголосый лай уже не одной, а многих собак.

В непроглядной тьме не было видно ни одного огонька. Но мы знали, что где-то близко живут люди. Нас не волновала мысль: кто они — друзья или враги. Попросту мысли об этом у нас тогда не было. Тело, измученное долгим, трудным переходом, пронизываемое ледяным ветром, до боли нестерпимо требовало отдыха, укрытия от бесновавшегося урагана.

Лай собак становился все более злобным, визгливым, захлебывающимся. В него ворвался предупреждающе резкий голос, один за другим прогремели два винтовочных выстрела, послышались возбужденные крикливые голоса. Мы невольно остановились. Перед нами темными силуэтами выросли несколько человек. Они что-то спрашивали на незнакомом языке. Наконец мы услышали на ломаном русском языке:

— Вы русски? Красны Арми? Пожалыска, иди наша саклю. Ваши товарищи здесь много есть!

Нас провели в саклю, которая оказалась довольно неприглядным жильем: печи не было, в выбитое, закутанное тряпьем окно задувал ветер, во все стороны валил дым от тлеющего костра, зато на земляном полу толстым слоем были набросаны кукурузные стебли. Не раздеваясь, прижимаясь друг к другу и зарываясь в кукурузные стебли, мы наконец завершили этот трудный день, заснули в неизвестной дали, среди незнакомых людей.

Проснулись от холода. Костер еле тлел под толстым слоем пепла. Погода успокоилась. Когда вышли из сакли, вокруг расстился ослепительно белый ковер снега, толстым слоем прикрывавший землю. Ингушский хутор Аршты, куда мы попали, постепенно оживал. Вместе с хуторянами из каждой сакли выходили наши товарищи.

Оказывается, здесь набралось около 120 человек. Кто-то сказал, что в селе Базоркино находится бригада Кочубея. Для связи туда вызвались три местных товарища. Томительно долго тянулись часы ожидания. Часа за два до наступления темноты связные вернулись в сопровождении трех конных горцев. Один из них на вполне приличном русском языке сказал, что он является начальником разведки бригады Кочубея, которая движется от Владикавказа через Кизляр на Астрахань и поможет нам добраться к своим в Чечню. На мой вопрос, чем он может подтвердить свои слова, он охотно показал свое удостоверение. Сомнений не было. Мы в то время не знали, что никакой бригады Кочубея во Владикавказе не было и отступала она на Астрахань не через Кизляр, а через Калмыцкие степи.

С наступлением темноты, сопровождаемые десятком конников-ингушей, мы длинной лентой вытянулись по извилистой горной дороге. Прошли какой-то хутор, при въезде в который нас поджидала еще группа верховых. Это насторожило, — значит, они были предупреждены заранее. Часа через три пути наши провожатые остановились и долго совещались между собой. Затем вызвали старшего группы. Как-то так получилось, что поскольку в Арштах я поинтересовался документами начальника разведки Кочубея, то и оказался на положении старшего группы.

А так как фамилий друг друга никто не знал, то меня стали величать просто Белая шапка — по большой белой шапке у меня на голове.

Высказав опасение, что дальше дорога может быть перерезана казаками и можно попасть в их руки, ингуши предложили развести нас по ближайшим аулам и хуторам с тем, чтобы там переждать, пока Красная Армия освободит Кавказ. Это предложение сразу же было решительно отвергнуто, и мы вскоре направились дальше.

Около полудня мы остановились на отдых на окраине аула Гехи. Узнав через местных чеченцев, что в этом ау-

ле в доме Эльдарханова находится Гикало, я отправился на встречу с ним. Когда я коротко рассказал о нашей группе, Гикало предложил:

— Идите в Гойты. Там находятся все наши люди, отступившие в Чечню. Я в ближайшие дни туда приеду.

С необычной теплотой встретила нас большая группа гойтинцев за несколько верст до аула. Они уступили своих лошадей и повозки больным и обессиленным в пути. Когда мы добрались до места, там были уже сотни отступивших из-под Ассинской наших товарищей. Большой кирпичный дом на площади гостеприимные гойтинцы отвели для размещения больных и легко раненных. На толстом слое кукурузы, разостланной в бывших классных комнатах, лежали исхудалые, забинтованные, с воспаленными лицами больные красноармейцы. Жители аула, по священному обычаю горского гостеприимства, быстро развели всех пришедших по своим домам.

По-отцовски, по-матерински заботливо гойтинцы предоставили нам жилье, кормили, ухаживали за больными, беспокоились бескорыстно о многих сотнях совершенно незнакомых им людей, которые силой революционных событий вынуждены были искать у них убежища.

В последующие месяцы нахождения в Чечне мы почувствовали и испытали на себе подлинные чувства трудовых горцев, для которых были бойцами, представителями новой народной Советской власти.

РАЗГРОМ ЧЕЧЕНСКИХ И ИНГУШСКИХ СЕЛЕНИЙ

Деникинское командование одной из своих ближайших задач после Ассинского боя поставило ликвидацию остатков объединенного красноармейского отряда, ук-

рывшихся в Чечне и Ингушетии, подчинение последних своему влиянию. Полковник Хаджи-Мурат, назначенный реакционным горским правительством командующим вооруженными силами, действовавшими против врагов (большевиков), издал такой приказ:

«По приказанию правительства горских народов Кавказа я назначен командующим войсками горцев и напоминаю, что весь край объявлен на военном положении. Призываю всех жителей соблюдать полный порядок и заниматься своими мирными делами, оказывать всякую помощь и гостеприимство вверенным мне и союзным с нами казачьим войскам и содействовать уничтожению наших общих врагов — большевиков. Всякое поручение начальников беспрекословно и немедленно исполнять. Всякое неповиновение, сопротивление, укрывательство и хотя бы косвенная им помощь будут мною беспощадно караться и виновные в этом предаваться военно-полевому суду.

Уличенные в сношении с врагами родины или оказавшие вооруженное сопротивление властям или войсковым частям будут тут же расстреливаться без суда.

Селения, укрывающие у себя злоумышленников, будут облагаться штрафами, а непосредственно заинтересованные лица предаваться военно-шариатскому суду. Грабители и разбойники расстреливаются на месте без суда».

В Гойты, где сосредоточилось несколько сот русских красноармейцев, в Гехи, Алхан-Юрт и другие селения были направлены деникинские агенты из местной буржуазии и духовенства. Пытаясь использовать религиозные и национальные чувства горцев, запугивая их угрозой жестокой расправы с ними деникинцев, они добивались выдачи скрывавшихся в селениях русских красноармейцев и вожakov чеченской бедноты. Трудовые массы чеченцев и ингушей с негодованием отвергли эти домогательства.

Командующий деникинскими войсками на Кавказе генерал Шатилов, с согласия горского правительства, в ответ на безоговорочный отказ выполнить ультиматум о выдаче русских красноармейцев приказал «наказать непокорный аул».

Почти все мужское население Гойт, руководимое Хату Довлиевым, Чоду Яшуркаевым и Доа Гаримхановым, вместе с находившимися в селении русскими красноар-

мейцами организованно и самоотверженно встретили врага. Жители Гехи, Алхан-Юрта, Урус-Мартана, узнав о наступлении деникинцев, первыми выступили на помощь гойтинцам. Обойдя с востока колонну казаков, они стали заходить ей в тыл. Отряд шалинцев перерезал в тылу наступающих дорогу из Гойт на Грозный. По правому флангу деникинцев наносили удары атагинцы, дуба-юртовцы, чечен-аульцы, шатоевцы и другие.

В этом бою защитники Гойт проявили чувства беззаветной храбрости и высокого самопожертвования. Во время боя Ибрагим Чергизов с отрядом в сорок человек ворвался в гущу деникинцев и истребил много врагов, но все храбрецы погибли. Больше двухсот двадцати чеченцев и русских красноармейцев погибли, защищая Гойты. К вечеру создалась угроза полного окружения частей деникинской дивизии, и белогвардейцы в беспорядке отступили в сторону Алдов и Грозного.

Вскоре после боя в Гойты прибыла из Темир-Хан-Шуры делегация горского правительства, которая вела переговоры о переводе в Дагестан всех отступивших в Чечню русских красноармейцев. Гойтинцы вместе с красноармейцами ответили решительным отказом, зная, что из себя представляет пресловутое горское правительство, и предвидя, какая участь ожидает тех красноармейцев, которые попадут в его руки. После этих переговоров гойтинцы организовали переход подавляющего большинства находившихся в Гойтах красноармейцев в Гехи, Урус-Мартан и другие горные селения и хутора.

Не сумев расправиться с «непокорным аулом», деникинское командование возобновило безуспешные попытки привлечь на свою сторону чеченцев, призывая их к дружбе с казачеством, по-прежнему предлагая выдать скрывавшихся в горах русских красноармейцев. Они хотели разбросать над аулом Гехи воззвания. Но стоило деникинскому летчику сбросить первые прокламации, как чеченцы обстреляли его из винтовок. Раздосадованный нерадушной встречей летчик сбросил несколько бомб и улетел в Грозный.

На рассвете 20 марта по всей Сунженской линии разнесся гул артиллерийской канонады. Обозленное провалом гойтинской операции командование добровольческой армии не рискнуло вторично напасть на Гойты и развернуло широкое наступление против ближайших ау-

лов Сунженской линии — единомышленников и союзников гойтинцев — и бросило против них около двадцати тысяч солдат и казаков, десятки орудий и большое количество пулеметов.

23 марта деникинцы захватили и сожгли аулы Бердыкель, Устар-Гардой. Ранним утром 26 марта были начаты военные действия против Алхан-Юрта, который сорвал внезапное окружение и разгром 7 марта селения Гойты. Используя опыт гойтинцев, жители Алхан-Юрта, руководимые красными партизанами Хада Баталовым, Ваду Ипаевым, Абдуллой Денильхановым и другими, встали на защиту родного аула. В бою принимало участие все население аула и русские красноармейцы. Женщины, старики покаялись умереть, но не отступать. Жители селений Гойты, Урус-Мартан, Гехи, Кулары по призыву Асланбека Шерипова решили прийти на помощь алхан-юртовцам. От имени руководителей отрядов этих аулов Асланбек Шерипов и Таштемир Эльдарханов обратились к Гикало с просьбой прибыть в Алхан-Юрт «для решения важных военных вопросов». Но все попытки соседних аулов помочь алхан-юртовцам были деникинцами отбиты. Три дня шел кровопролитный бой. Только уничтожив большую часть защитников селения, деникинцы заняли и сожгли его. В бою под Алхан-Юртом погибло горцев около 480 человек. А белые потеряли до 700 человек.

После алхан-юртовского боя вся Чечня поднялась против ненавистного ига белых генералов и реакционного казачества. Асланбек Шерипов сумел создать в короткий срок под своим руководством многочисленные вооруженные отряды чеченцев. Деникинцы в своих донесениях вынуждены были признать, что «из 18 селений района Алды, Ачхой-Мартан, Герменчук было собрано около 2500 человек чеченцев — красноармейцев, добровольцев, несших службу пешими и конными.

Наибольшее количество дало селение Гойты — 520 человек, которые составили гойтинский отряд».

Но перевес был явно на стороне белых как по численности, так и по количеству военной техники. Вывесил белые флаги Урус-Мартан. Уничтожен Цацан-Юрт и частично Мескер-Юрт, Исти-Су, Нойберды, Энгель-Юрт, Чечен-Аул, Кады-Юрт, Гудермес, Герзель-Аул. В горы сплошным потоком потянулись арбы, наспех набитые всяким домашним скарбом. Они со скрипом уползали все

дальше и дальше в горы. За ними с мычанием и ревом, погоняемый женщинами и детьми тянулся скот. Многие тысячи людей, бросив дома, насиженные места на плоскости, шли по горным ущельям, спасаясь от озлобленных, рассвирепевших деникинцев и белоказаров. Почти по всей плоскостной Чечне разлилось огромным потоком страшное народное бедствие.

Политикой многочисленных репрессий деникинское командование добивалось, чтобы население Чечни и Ингушетии признало власть Деникина, участвовало в войне против Красной Армии, выполняло унижительные политико-экономические требования. В аулах белоказарки брали заложников из числа влиятельных и почетных лиц, а затем предъявляли ультиматум о поставке в деникинскую армию определенного количества всадников со своим вооружением, снаряжением и продовольствием. В этом им активно содействовали местные контрреволюционные элементы, которые запугиванием и обманом помогали деникинцам формировать воинские части из горцев. Но расчеты белых не оправдались. Горцы под всяческими предложениями оттягивали выполнение деникинских требований, решительно противодействовали насильственной мобилизации в деникинскую армию. Принудительно создаваемые чеченские и ингушские полки катастрофически таяли по дорогам к местам назначения, самовольно снимались с позиций и частью уходили в горы, частью переходили на сторону Красной Армии. В последних числах июня отряд вооруженных ингушей на станции Назрань сорвал отправку на фронт эшелона насильственно мобилизованных ингушей, которые частью разбежались по домам, частью присоединились к своим освободителям.

В ответ белые организовали карательные экспедиции против ингушских селений, в первую очередь против Экажево, Сурхохи и Насыр-Корта, население которых отказалось провести мобилизацию и принимало активное участие в нападении на эшелон мобилизованных на станции Назрань. В упорных кровопролитных боях погибло около 150 жителей Сурхохи и Экажево, не считая раненых. Многие сотни людей лишились своих домов, скота, инвентаря, которые после занятия этих сел белыми были сожжены, разгромлены или расхищены.

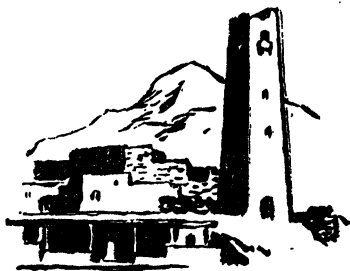
За самоотверженную борьбу против деникинцев Президиум ВЦИКа постановлением от 31 октября 1927 года наградил селения Сурхохи и Экажево благодарственными грамотами.

В боях под чеченскими и ингушскими селениями мужественным горцам оказывали помощь женщины и девушки — горянки. Вопреки национальным обычаям, они под артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника подносили своим отцам, мужьям и сыновьям на передовые позиции патроны, продукты, воду, выносили с поля боя раненых и убитых.

Вместе с горцами самоотверженно сражались с наступавшими деникинцами и белоказаками скрывавшиеся в чеченских и ингушских селениях русские красноармейцы. После боев под Гойтами и Алхан-Юртом, под Долаково, Кантышево и другими чеченскими и ингушскими селениями горцы, как правило, хоронили их на одних кладбищах со своими погибшими товарищами. Эти доселе необычные события были наглядным свидетельством всенародного характера борьбы горцев против ненавистой деникинской армии, крепнувшей интернациональной дружбы и классового единства трудовых горцев и русских рабочих и крестьян в борьбе за Советскую власть.

Бои под Ассинской, под чеченскими и ингушскими селениями показали деникинцам, что с занятием ими почти всей территории Северного Кавказа борьба трудящихся за Советскую власть не закончилась. Разгромом и уничтожением многих чеченских и ингушских селений, выдвижением своих военных гарнизонов на плоскостную Чечню, в частности в бывшую слободу — крепость Воздвиженскую, селения Шали, Сержен-Юрт, рыскавшими по плоскости карательными отрядами деникинцы при помощи кулацко-мулльских реакционных националистических элементов хотели запугать горцев, покорить их, а добились обратного. Своими варварскими действиями они вызвали еще более жгучую ненависть свободолюбивых народов Кавказа. Фактически в руках деникинцев в предгорьях Кавказа находилась неширокая полоса территории, прилегающая к усиленно охраняемой белыми железной дороге. Горцы в подавляющей массе продолжали не признавать власти Деникина, не прекращали то затихавшую, то вспыхивавшую с новой силой вооруженную

борьбу против белых, с нетерпением ждали возвращения Советской власти, а в ряде сел Чечни и Ингушетии Советская власть продолжала по-прежнему существовать.

В ГОСТЕПРИИМНОЙ ЧЕЧНЕ

Через день после прихода в Гойты я заболел тифом. Почти три недели провалялся в семье, которая приютила меня в день прихода в село. Больше недели я пролежал без памяти. И не только молодой, сильный организм, но в большей мере настоящее материнское отношение и уход совершенно незнакомой мне, чужой по языку и национальности женщины сохранили мне жизнь. Когда впервые ко мне вернулось сознание, первое, что я увидел, — это склонившееся надо мной трогательно доброе лицо матери-чеченки, которая заботливо, любовно выхаживала, кормила, поила, лечила меня, как своего родного сына, пока наконец я не встал на ноги. В моей памяти не сохранилось имя этой замечательной женщины и ее семьи. Но всегда с чувством глубокой благодарности и признательности вспоминаю их. Тогда впервые я узнал, а впоследствии не раз в Чечне убеждался в том, что национальность, язык, вера не могут разделять людей, когда они живут и борются за общие цели.

Вскоре после посещения Гойт делегацией дагестанского горского правительства я, как и сотни моих товарищей-красноармейцев, распрощался с гостеприимным селом. Меня забрал в Урус-Мартан мой дорожный «приятель» Мовла Шошаев. А когда начался разгром белыми плоскостных аулов, вместе с ним перебрался в горы, на хутор Гойча к его дальнему родственнику Абу Демильханову. К этому времени у него уже нашли приют Трофим

Чурсин из Слепцовой, Петя Лобанов из Курской области и Вася Пищулин из-под Царицына. Здесь я и прожил несколько месяцев до образования краснопартизанского отряда. Будучи в прошлом одним из ближайших соратников знаменитого Зелимхана, Абу был во всех отношениях очень интересной личностью. Лет около пятидесяти, среднего роста, широкоплечий, с типично русским лицом со следами перенесенной оспы, с большими серыми умными глазами, смелый, решительный, в то же время добродушный, очень общительный и разносторонне любознательный человек. После смерти Зелимхана он бросил абречество. Трудно назвать аул или хутор, где у Абу не было хотя бы отдаленной родни. По несколько дней подряд у него постоянно гостил кто-либо из родственников или кунаков. Имя Абу с уважением произносилось в самых отдаленных уголках Чечни. Вместе с тем его и боялись, в чем я позднее имел возможность лично убедиться.

Абу была чужда национальная ограниченность, воспитанная у многих горцев политикой царского правительства, настороженность и некоторая отчужденность во взаимоотношениях с русскими. В свое время он немного владел русским языком, который постепенно забыл. Когда мы появились у него в доме, он охотно беседовал с нами. Интересно проходили наши беседы. Он проявлял незаурядный интерес к современной жизни русских, с увлечением расспрашивал о жизни других народов, о революционных событиях и гражданской войне в нашей стране и за рубежом, о различных природных явлениях, в общем обо всем, что может интересовать человека с широким кругозором. Во время этих бесед он быстро восстанавливал и расширял знание русского языка. Интерес к этим беседам у него был так велик, что даже в ущерб своему хозяйству он научил меня, как избежать участия в работах на поле вместе с его женами и детьми.

Хлеб-соль нашего гостеприимного хозяина, конечно, надо было отрабатывать. И мы с Петей Лобановым и Васей Пищулиным добросовестно выполняли самые разнообразные работы по хозяйству: пасли скот, ездили в лес за дровами, на мельницу молотить кукурузу, работали на поле. Здесь я впервые научился пахать. Первоначально за плугом ходил Омша — сынишка Абу. На мою долю доставалось погонять буйволов — трудолюбивых, но пора-

зительно флегматичных животных, с очень толстой, не восприимчивой к ударам кнута кожей. Сначала это занятие мне даже доставляло удовольствие. Но уже спустя несколько дней было просто стыдно и обидно с утра до вечера до хрипоты надрываться: «Даело, буган» (иди, буйвол), в то время как четырнадцатилетний подросток спокойно вышагивает за плугом. Присматриваясь, я пришел к заключению, что нет ничего хитрого ходить за плугом, и однажды попросил Омшу поменяться с ним. Тот охотно согласился. Передав ему хворостину, я взялся за плуг, правой рукой добросовестно нажал на ручку, и плуг, как норовистая лошадь, выпрыгнул из борозды. Я быстро схватил его, водрузил на место, еще сильнее нажал на ту же ручку, и он снова еще стремительнее скакнул в сторону.

Обозлившись на непокорный плуг, я изо всей силы навалился на него. Но плуг, а следом за ним и я, столь же энергично шарахнулись в сторону. В это время слышался перемежаемый громкими возгласами «алла» залистый звонкий смех. Омша, весело дрыгая ногами, катался по земле. Я сначала раздосадованно плюнул, но зараженный смехом своего маленького друга тоже опустился на землю. И еще некоторое время буйволы удивленно смотрели, как мы, глядя друг на друга, безудержно хохотали. После этого я вернулся к прежнему, более спокойному занятию — погонять хворостиной лениво вышагивавших буйволов. К чести Омши об этом постыдном для меня первом опыте овладения профессией хлебопашца он никому не рассказал.

Я понял свою ошибку — не все, оказывается, можно постигать только физической силой, нужно и умение. И мы вскоре пахали уже с Омшой по очереди.

Пришло время полоть кукурузу. Жена Абу Зана настояла, чтобы я вместе со всей семьей принимал участие в этой работе. Абу долго не соглашался, но когда ему стало уже невозможно от постоянных домогательств жены, он дал мне руководящий совет:

— Когда будешь рубить (полоть) траву, руби подряд все, початку (кукурузу) тоже руби. Тогда Зана будет тебя гонять (погонит с поля).

На следующее утро вместе с Заной и детьми я пришел на ее участок поля, находившийся недалеко от хутора. Зана старательно показала мне, как надо полоть

кукурузу. Я понимающе кивал головой и встал вооруженный тяпкой на отведенный мне участок. Руководствуясь тем, что советы старших надо выполнять, а старшим в семье, естественно, был Абу, я приступил к работе, строго следуя его указаниям. Спустя некоторое время, Зана подошла поинтересоваться моими успехами. Она пришла в ужас, увидя вокруг меня приличный квадрат голой земли, на котором не было даже признаков кукурузы, стала всячески ругаться, плевать и наконец, как и предвидел Абу, выгнала, буквально вытолкала меня в спину с поля. С виноватым видом, стараясь показать, что не понимаю, за что меня ругают, я, однако, не пытался предпринимать попыток продолжать работу. Это вовсе не входило в мои и Абу расчеты. И с растерянным, виноватым видом я ушел домой.

При виде меня Абу от всей души рассмеялся и заставил подробно рассказать обо всем, что произошло на поле. Как Тарас Бульба, сказавший своему сыну Андрею: «Я тебя породил, я тебя и убью!» — так и Абу, научив меня отделаться от участия в полке кукурузы, сам же меня и угробил. По-детски радуясь тому, как я следовал его совету, он много раз рассказывал сам и заставлял меня рассказывать об этом всем навещающим его соседям, пока через несколько дней Зана не узнала, что я уничтожал кукурузу на поле не по незнанию, а преднамеренно. И, конечно, дело кончилось тем, что после крупного семейного разговора мне пришлось-таки с остальными членами семьи участвовать в этой изнурительной, тяжелой работе под палящими лучами кавказского солнца.

Попав впервые к горцам, я с интересом и удивлением присматривался к ним, к условиям их жизни, знакомился с бытом и обычаями, в которых было много необычного и непонятного нам — русским.

Суровая дикая природа, постоянная борьба за свое существование, свободолюбие и ненависть к угнетателям, жестокая колонизаторская политика царского правительства выработали в горцах притворство и ловкость, мужество и смелость. Красивые, рослые, стройные, с выразительными лицами, особенно глазами, чеченцы по характеру оказались очень впечатлительными, веселыми, остроумными, вспыльчивыми, подчас по-детски наивными. Они необыкновенно выносливы, неукротимо храбры и, в свою очередь, уважают силу. Встречая в своем противнике

храбрость и силу, они способны относиться к нему с почетом и уважением. У горцев много хороших черт: верность обычаям, данному слову, почтение к старшим. Широко развиты обычаи взаимопомощи и гостеприимства. Всякий, вошедший во двор горца, будь он незнакомец или даже недруг, становился священной особой, и горец нес ответственность за личное благополучие и сохранность принадлежащего гостю скота, оружия и других ценностей. Желание гостя — закон для хозяина. Замечательный обычай гостеприимства и после случая с Абубакаром Гучиговым неоднократно спасал мне жизнь. А первое время он приводил и к недоразумениям.

Об одном из них я и хочу рассказать. После первого наступления белых на Гойты я перебрался в Урус-Мартан к Мовле Шошаеву. В семье у него, кроме матери, никого не было. Хозяйства тоже никакого, а занимался он тем, что в предобеденное время ходил по гостям. До меня он делал это один. А когда по его предложению я переехал из Гойт к нему, мы стали ходить в гости на обед уже вдвоем. Однажды мы немного припоздали и, когда пришли в гости, там уже заканчивали обед. Несколько человек, поджав ноги, сидели на полу вокруг чугунного котелка и ели молочную лапшу. Нам, естественно, предложили принять участие в еде. Мне впервые за долгое время представилась возможность полакомиться любимым блюдом. Обрадовавшись этому и не замечая, что остальные участники обеда один за другим заканчивали еду, я по старому русскому обычаю работал ложкой до тех пор, пока в котелке ничего не осталось. Блаженное чувство сытости и удовлетворенности наполнило меня. Но вот хозяйка забрала пустой котелок и спустя некоторое время принесла его опять, почти наполовину наполненный той же молочной лапшой. Сначала хозяин, а затем и все остальные гости, включая Мовлу Шошаева, стали снова угощать, а затем настойчиво и не совсем дружелюбно настаивать, чтобы я продолжал есть. Мои попытки убедить их, что я уже наелся, только вызвали у них раздражение и недовольство. Вынужденный подчиниться этим настояниям, съел еще немного лапши, но это была уже крыловская «демянова уха». Только когда мы возвращались домой, Мовла Шошаев объяснил мне, что в Чечне существует обычай обязательно оставлять часть пищи несъеденной. Он строился на том же законе госте-

приимства, обязывающем накормить гостя. Если гость съест всю поданную ему пищу, хозяин не может быть убежден, что он сыт, а у него может не оказаться возможности предложить ему еще. Вот почему, как бы ни хотелось гостю есть, он обязательно оставит часть поданной ему пищи несъеденной. С тех пор казусов, подобных молочной лапше, со мной уже не случалось.

Однажды весной ночная тишина была разорвана внезапно возникшей в конце хутора беспорядочной стрельбой, мужскими криками, неумолчным собачьим лаем и топотом бешено скачущих лошадей.

Первая тревожная мысль — не белые ли налетели на хутор — мигом прогнала сон. Бесшумно подобравшись к краю чердака сарая, который служил мне и Васе Пищулину ночлегом, мы внимательно прислушались. Но стрельба, крики и собачий лай быстро неслись через хутор мимо нашего двора почему-то не со стороны Грозного, откуда можно было ждать неприятностей, а, наоборот, все больше удаляясь к выходу из гор, в сторону Грозного.

Прошло несколько напряженных минут. Стрельба затихла, вскоре послышались голоса, а затем показались и очертания четырех верховых, проехавших в верхнюю часть хутора.

Видимо, никакая опасность нам не угрожала, и спустя некоторое время мы спали спокойно, так, как могут спать здоровые люди в возрасте двадцати лет.

На следующий день, когда мы по обыкновению собрались в комнате у Абу, понятно, первое, с чем я обратился к нему, был вопрос о том, что произошло ночью, почему была стрельба и в кого стреляли.

— Никто никого не стрелял. Депку (девушку) Али Эльдархан парень нарочно карапчил.

— Как нарочно карапчил?

— Наш закон, — когда парень жениться надо, депку карапчил надо. Когда отец знает, парень депку карапчил, он немного нарочно стреляет, а потом свадьбу гуляет.

И тут мы узнали, что в обычаях горцев сохранился такой пережиток родового быта, как уплата женихом за невесту калыма — вознаграждения деньгами, скотом и другими предметами. С ним связан и обычай похищения невесты, возникший в давно прошедшие времена как

единственный выход для бедняка-горца, который решил жениться, но не имеет возможности уплатить за невесту калым.

В то время, когда мы находились в Чечне, похищение невесты женихом нередко совершалось уже и с согласия родных невесты, просто как обычай и как свидетельство мужества и храбрости жениха. Молодой человек, сговорившись с несколькими своими приятелями и со своей нареченной, в известный день «похищал» ее. С гиком, криком и отчаянной перестрелкой с «преследующими» их родственниками невесты «похитители» увозили невесту в дом друга, где она перед товарищами жениха и высказывала свое желание стать женой похитителя.

Побывав недавно в Ведено и Харачое, я был свидетелем тех поистине грандиозных перемен, которые произошли в жизни, быту и обычаях горцев. Иными стали горцы, иными стали и горянки. Но по-прежнему свято соблюдаются такие прекрасные черты горцев, как гостеприимство и уважение к старшим.

НА СВЯЗЬ С ГРОЗНЕНСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

Шел конец мая. Вокруг все зеленело, природа радостно наливалась соками жизни. Только мы по-прежнему изо дня в день тянули свою лямку: ездили в лес за дровами, пасли скот, выполняли другие несложные работы по хозяйству. И никакого просвета. Все больше нарастало чувство внутреннего протеста. Мы не могли мириться с тем, что право на существование достается нам не нашими усилиями, а гостеприимством незнакомых нам людей. Право не на жизнь, а на существование! Разве можно было назвать жизнью необходимость почти автоматически, ради сохранения жизни делать то, что мы делали ежедневно на хуторе? Разве это не рабство ради сохранения жизни? Просто страшно, если бы наша жизнь оста-

лась такой навсегда. Нет, она такой остаться не может, все должно измениться! Иначе какой смысл жить, ждать завтрашнего дня? Мы понимали, что нельзя отчаиваться, что надо выдержать, но ведь нельзя и жить только верой в будущее. Все чаще мы задумывались над тем, что не имеем права бездейственно ожидать, когда снова с оружием в руках будем драться против ненавистных белоказов и денкинцев.

Доходившие через хуторян отрывочные вести говорили о том, что белогвардейцы рвутся в глубь России, ведут бои под Царицыном и Харьковом, продвигаются от Ростова все дальше на север. Эти сообщения усиливали наше стремление как можно скорее распрощаться с нашими гостеприимными хозяевами и стать вновь не бывшими, а действующими бойцами Красной Армии. Так мы все, жившие на хуторе, пришли к мысли связаться с грозненским подпольным большевистским комитетом через Ивана Неумывакина и Наталью Полякову — родственников двух наших товарищей. Выбор остановился на мне потому, что меня никто в Грозном не знал, и опасность быть опознанным и преданным была меньше, чем у остальных товарищей, служивших в грозненской Красной Армии.

Поездка была назначена на ближайшую субботу. Проведя бессонную, нервную ночь, я ощущал почти физическую усталость и вместе с тем готовность ко всему, что могло ждать меня в эти дни. Абу не стал меня отговаривать и принял активное участие в подготовке. Он дал мне бешмет и шубу своего младшего брата, шапку, кинжал и свои новые чуваки. Я превратился в самого настоящего нохчи. С наступлением сумерек я, Омша и жена Абу — с груженной дровами арбой тронулись из хутора. Неторопливо, в такт размеренному шагу буйволов, по очереди отдыхая на арбе, мы всю ночь двигались к городу. Когда небо на востоке начало понемногу светлеть, в предрассветном тумане вдали появилось какое-то большое пятно, которое постепенно ширилось, росло и все яснее показывались очертания Новых промыслов. Недалеке от дороги проглядывали дома чеченского аула Алды, названного командованием добровольческой армии казачьей станицей за активную помощь в борьбе против скрывавшихся в Чечне красноармейцев.

Под лучами поднимавшегося солнца ясно обрисовывались нефтяные вышки, спускавшийся к Чермоевскому ущелью лес и дымящие заводские трубы. Чем ближе к городу, тем больше свежесть зеленого поля сменялась запахом нефти. Наконец въехали в город. В сущности, это предместье — слобода Щебелиновка, заселенная в подавляющем большинстве рабочими — нефтяниками и железнодорожниками, которую трудно назвать городом. С обеих сторон немощенной улицы, изрытой колеями, за чахлыми деревьями располагались небольшие одноэтажные домики с палисадничками и маленькими цветничками.

За железнодорожным переездом показалась уходящая далеко к центру, постепенно оживавшая Дворянская улица, и арба застучала по булыжной мостовой. Чем дальше, тем больше народу торопилось к центру города, туда, где на улицах, прилегающих к реке Сунже, по воскресеньям кипел грозненский базар. На него, как на большой праздник, шли и ехали горожане, нефтяники с промыслов, казаки из терских и сунженских станиц, чеченцы из ближайших и дальних аулов и хуторов. Улицы все больше наполнялись грохотом и скрипом нараставшего потока казачьих бричек, ломовых извозчиков, горских двухколесных арб и одноконок. Движение становилось все медленнее, все чаще впереди образовывались пробки, заторы и наконец — чеченский базар.

Несмотря на военное положение, командование добровольческой армии, будучи не в состоянии прокормить население Грозного своими ресурсами и с помощью казачьих станиц, вынуждено было разрешить чеченцам бывать в городе, снабжать его продуктами питания и дровами. Но, подчиняясь необходимости, оно не могло и не пыталось скрывать своей неприязни к горцам и на базаре не позволяло им располагаться там, где останавливались станичники. Так образовался чеченский базар. На Соборной площади и прилегающих улицах располагались сотни горских повозок, нагруженных дровами, мешками с кукурузой и кукурузной мукой, связанными пучками живыми курами, лепешками сливочного масла, творогом, сыром.

А отсюда через квартал, заполненный бесконечно движущейся толпой, начинался городской базар.

Не торопясь, распрягши буйволов, Омша и Хадыжет стали по-хозяйски зазывать покупателей на дрова, а я направился в самостоятельное путешествие по этому почти незнакомому городу. Все вокруг веяло миром и спокойствием. Только мелькавшие изредка погоны казаков в кубанских шапках и солдат в английских френчах настораживали и напоминали, что ты можешь на каждом шагу наскочить на беспощадного врага, для которого ты — вне закона.

Восстанавливая по рассказам товарищей местонахождение нужной мне Купеческой улицы (ныне Пролетарской), я в шумном людском потоке осторожно направился в самую гущу базара. На примыкающих к Сунже улицах расположились брички, нагруженные самыми разнообразными продуктами и вещами. Чего тут только не было! По обеим сторонам неширокой улицы толпились торговки с корзинами и мешками, из которых торчали головы кур и цыплят, визжали поросята, рядом продавали булки, пирожки, горячий борщ, потрошки, напитки. Тучные, раскрасневшиеся женщины, укутывая кастрюли и жаровни, чтобы горячее кушанье не остыло, зазывали на все голоса.

— Свежий, вкусный борщ! С перцем борщ! Эй, кунак, купи печенку, селезенку, — зычным голосом приглашала дородная озорная казачка.

Рядом молодайка приятным голосом нараспев предлагала:

— Кому горячей картошечки с астраханской селедочкой? Берите настоящую домашнюю колбасу с чесноком!

Люди, толкая и отпихивая друг друга, пробирались к подводам, где лежали резанные куры, гуси, бараньи тушки. Около них в засаленных фартуках их владельцы, а чаще всего мясники-перекупщики усердно расхваливали свой товар. Обособленно держались грозненские еврейки, на все лады наперебой предлагавшие чеснок, лук, веники, шерстяные нитки, иголки, конфеты. Тут же неподалеку «холодные» сапожники. Продавцы мелкой галантереи, разобрав свои переносные ящики, раскладывали цветные нитки, гарус, золотое шитье, гребенки, куски бархата и персидского шелка. Рядом казаки открывали бочки с кизлярским и червленским вином, тащили чувалы с солью.

Казалось, весь город толкался в этой толчее между рядами и повозками. Ели, обжигаясь, шашлыки на палочках, стоя, с аппетитом питались борщом, продавали, покупали, торгуясь долго, мелко, с выдумкой. То в одном, то в другом месте вспыхивала ругань, крик.

— Куда тебя нечистая сила прет... Вот идиот проклятый! А то как тебе дам!

Вдруг кто-то как завизжит:

— Чего ты в чужой карман лезешь?

— Чего ты орешь? Кто тебе в карман лезет? Смотри — говори, да не заговаривайся!

Во всей этой сутолоке было какое-то необычное праздничное оживление, — оказывается, был праздник Троицы.

С видом невежественного дикаря, с удивлением разглядывавшего город, я потихоньку выбрался с базарной площади, перешел Дворянскую улицу и на углу увидел табличку «Купеческая улица № 37». Вправо от меня — Сунжа. Значит, здесь неподалеку живет Неумывакин. На противоположном углу два солдата, разговаривая, грызли семечки. Судя по тому, что тротуар вокруг них пестрел от подсолнечной шелухи, они стояли здесь довольно долго. Я решил подойти к нужному мне дому с другой стороны квартала. Но и там маячили на углу солдаты и два казака. Не раздумывая, повернул обратно. Когда я возвратился на прежнее место, солдаты продолжали еще грызть семечки.

Опасаясь, что бесцельно болтающийся чеченец может привлечь внимание казаков и солдат, я направился по другому адресу на Бароновскую слободку. Между мостом через Сунжу и первыми домами слободки был пустырь. Когда я прошел половину его, из слободской улицы показались три казака, направлявшиеся к мосту. Появилась первая мысль свернуть в сторону с дороги. Но это могло вызвать подозрение, и я решил продолжать путь.

По мере того, как уменьшалось расстояние между мной и казаками, душа у меня стремительно опускалась все ниже к пяткам. Когда поравнялся с оживленно беседовавшими между собой казаками, я уже автоматически передвигал ноги, совершенно их не чувствуя. Стоило же пройти мимо казаков, как страх ожидания встречи с ними как рукой сняло, и вскоре я был на пустынной тихой

улице слободки. Вот и нужный мне дом. Во дворе на цепи лениво залаяла большая собака. На лай из дому вышла худенькая средних лет женщина. Мимоходом, взглянув на меня, она хотела вернуться в дом.

— Здравствуйте!

— Здравствуй, кунак, — внимательно оглядывая меня, ответила женщина.

— Пожалста, можно спросить одно слово? Скажи, пожалста, игде можно искать Наталью Полякову? — продолжал я ломаным языком.

— Это я, — настороженно ответила она. Ее большие глаза с удивлением смотрели на меня. По ее внешнему виду можно было судить, что эта женщина пережила много трудностей, но, несмотря на это, была еще энергичной.

— Вы не знаит Гриша Расторгуев? — спросил я. При этом вопросе она вздрогнула и вопрошающе посмотрела на меня. Я достал из шапки небольшую записку Расторгуева и, уже не коверкая языка, добавил:

— Гриша просил передать вам большой привет!

Быстро пробежав глазами записку, она, пытаясь скрыть волнение, чуть улыбнулась.

— Заходите в комнату! — И уже в доме: — Рассказывайте, как вы там живете? Как Гриша? Это мой двоюродный брат. Где товарищ Гикало?

Отвечая на эти и многочисленные другие вопросы, я поведал о нашем житье-бытье, стараясь, в свою очередь, как можно полнее узнать обстановку в городе и в стране, рассказывал о причинах, приведших меня в город. Полупрошепотом, хотя в этом никакой необходимости не было — в доме мы были одни, — Наталья Васильевна рассказала о мрачной обстановке террора в городе, о растущем возмущении рабочих против жестоких расправ белогвардейцев с бывшими красноармейцами и сторонниками Советской власти. И на прощанье обещала через мужа, работающего слесарем на нефтеперегонном заводе, попытаться связать нас с подпольным комитетом.

После возвращения на базар мои поиски хуторских попутчиков оказались безрезультатными. Остаться в городе нельзя, и, не раздумывая, через Щебелиновку направился я к выходу из города. Накрапывал мелкий дождь. Чтобы не погубить чувяки, в которые обул меня Абу, я снял их, взял под мышку и еще быстрее зашагал

по слободке. Сидевшая на крыльце одного дома женщина спросила:

— Кунак, чувяки продаешь?

Услышав заданный по-русски вопрос, я как-то непроизвольно, на ходу ответил тоже по-русски:

— Нет, самому пригодятся! — И только, когда услышал сзади себя приглушенный смех, понял всю неосмотрительность своего поступка. Счастье мое, что произошло это именно на Шебелиновке.

Благополучно прошел мимо Алдов. Из-за дождя алдынцы, обычно располагавшиеся у переезда через речку, сидели поодаль у своих саклей и не обратили на меня внимания. Переночевав в Гойтах, я на рассвете направился на свой хутор. Из ущелья тянуло свежим ветерком. Во все стороны разбегались ровные поля кукурузы. Шел не торопясь, ни о чем не думая, отдыхая душой от напряжения предыдущего дня. Впереди на склоне горы показался большой хутор: оказывается, взял левее и подходил к хутору Дубаева. Живший на этом хуторе бывший ротмистр царской службы землевладелец Дубаев был злейшим врагом Советской власти, активно сотрудничал с белогвардейским командованием. Этот хутор после нашего отступления в Чечню снискал себе черную славу.

Я круто повернул на запад, стремясь быстрее уйти от хутора. Из-за леса показались два чеченца. Зная привычку горцев вступать в беседу с каждым, пусть даже незнакомым, прохожим, я решил уклониться от нежелательной встречи. К этому времени мой разговорный лексикон на чеченском языке ограничивался несколькими общеупотребительными фразами. Но попытка избежать встречи оказалась безрезультатной, и вскоре мы обменялись обычными словами приветствия: «Салам алейкум!» — «Во алейкум салам! Марш вол, могуш дуй?» После моего ответа на вопрос, куда иду, дубаевцы поняли, что имеют дело с русским. На вопрос, у кого живу в Гойчи, я назвал не фактического главу семьи — Абу, а его престарелого отца Демильхана. Но на хуторе жил другой чеченец Демильхан, настолько слабовольный и беспомощный, что даже хуторские ребятишки потешались над ним. Решив, что я живу у этого Демильхана, дубаевцы предложили идти жить к ним. После моего отказа они с обеих сторон взяли меня под руки, решив на-

сильно заставить идти с ними. Утопающий, как говорят, хватается за соломинку. И я решил воспользоваться этой соломинкой:

— Все равно Абу узнает, тогда плохо вам будет!

— Какой Абу? — удивленно и растерянно спросили они.

— Я же вам сказал, что живу у Абу. У него отец Демильхан.

Я даже не думал, что это имя может оказать такое магическое влияние. Они быстро, как по команде, переглянулись, отпустили мои руки и, ни слова не сказав мне, пошли прочь к своему хутору. А я зашагал на Гойчи. Там меня уже считали пропавшим, и Абу, его жена и ребяташки сердечно и радостно встретили меня. В Грозном мне довелось побывать еще два раза, но уже будучи в отряде.

ПЕРВЫЙ СВОДНЫЙ КРАСНОПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

В середине июня близкие Абу люди рассказали, что в Шатое собирается много русских, что Асланбек Шерипов и Николай Гикало готовятся начать большую войну против казаков. Абу согласился помочь нам проверить эти разговоры. Через несколько дней мы с ним верхом на лошадях направились в Шатой мимо аулов Чишки и Дачу-Барзой по изумительно красивому, покрытому богатой растительностью ущелью. Оно то превращается в узкую теснину, то раздается широким простором гор, покрытых густым лиственным лесом и богатым ковром цветов. Дорога местами настолько узкая, что с большой осторожностью можно разъехаться двум подводам, то спускалась к стремительно несущемуся по скалам Аргуну, то высоко поднималась над бурной рекой. Когда смотришь оттуда вниз на бушующий и ревущий Аргун, и

страшновато становится, и невозможно оторваться от незабываемой картины.

Через несколько верст за хутором Зонах громады гор раздвинулись и открылось замечательное плоскогорье в окружении нагромождения гор, на склонах которых прилепились небольшие хутора. В конце плоскогорья, омываемого справа уходящим далеко-далеко в туманную мглу гор и ущелий Аргунюм, на высоком берегу — слобода и бывшая крепость Шатой — символ царской колонизаторской политики на Кавказе. Не удивительно, что после Октябрьской революции жители окрестных хуторов, на чьих землях была построена крепость, разобрали большинство крепостных зданий и сооружений. Остались нетронутыми только окружавшие крепость и слободу каменные стены с воротами и бойницами. Многие хуторяне переселились в слободу, из которой образовался аул Шатой. Горы со всех сторон защищают подходы к Шатой, попасть в который можно было только Шатоевским и еще более труднопроходимым Варандоевским ущельями.

Слухи подтвердились. В Шатое действительно чуть ли не на каждом шагу встречались бойцы бывшего сводного красноармейского отряда. Легко нашли на площади слободы домик с крылечком. В комнате, помимо Гикало, находился красивый молодой горец с подвижным, волевым лицом. Глубоко сидящие глаза Гикало смотрели на меня из-под очков. Как всегда спокойный, неторопливый, он был в черкеске, опоясанный горским поясом, отделанным серебром, в мягких сапогах. Несмотря на кратковременность первой встречи в феврале в Гехах, он узнал меня и, улыбаясь полными губами, поздоровался:

— Ну, здравствуй, Белая шапка! Как тебя звать? Откуда? Садись, рассказывай!

Я стал рассказывать о том, как оказался в Чечне, как попал в Шатой. Когда я назвал хутор Гойчи и имя Абу, внимательно слушавший мой рассказ горец обратился к Гикало:

— Николай Федорович, я слышал — это хороший человек. Он еще при царском правительстве вместе с Зелимханом дрался против казаков, русской и нашей, чеченской, буржуазии! — Он встал, вышел во двор и вскоре

вернулся вместе с Абу, который, ожидая меня, беседовал со знакомыми шатоевцами.

Гикало благодарно пожал руку Абу и своим глухатым голосом серьезно и даже чуточку торжественно сказал:

— Спасибо за помощь нашим товарищам! Советская власть вам этого не забудет!

Надо было видеть, как Абу — этот мужественный человек — был растроган такими словами.

Узнав, что на хуторе остались товарищи, которые ожидают моего возвращения, Николай Федорович, прощаясь, напутствовал меня:

— Сейчас торопить товарищей перебираться в Шатой не следует. Условия у нас здесь тяжелые. Только налаживаем связи с Кавказским комитетом партии и 11-й армией. Трудно с продовольствием. Пока получим нужную помощь, питаемся и получаем все самое необходимое только благодаря гостеприимству наших чеченских товарищей.

— Это наш долг, — звучным голосом перебил горец. — Горцы знают, что вы боретесь против Деникина, против белоказаков, которые многие десятилетия угнетали, держали их в бесправии. И каждый честный чеченец, который может сейчас чем-нибудь помочь русским товарищам, считает это не только своим долгом, но и своей честью!

— Я в этом не сомневаюсь, дорогой Асланбек! Ты и твои товарищи уже много раз давали и даете возможность убедиться в этом. И мы вам за это бесконечно благодарны. Я надеюсь, что, когда при вашей помощи мы вооружим хоть несколько десятков человек, начнем действовать. Тогда отряд быстро будет расти, с благодарностью оплачивая своими делами оказываемую вами помощь.

«Значит, это и есть Асланбек Шерипов, любимец чеченской бедноты, верный друг Советской власти, — подумал я, услышав это имя. — Да ведь он совсем молодой». Только впоследствии я узнал, что он и Николай Федорович были одногодки.

— Я уверен, Николай Федорович, — возбуждаясь и подкрепляя свои слова движениями энергичного лица, отвечал он, — это время не за горами. Во всяком случае полсотни винтовок и один-два пулемета мы в ближайшее

время достанем. И тогда вместе с вами дадим почувствовать белым, что в Чечне продолжает существовать Советская власть, что горцы никогда не признавали и не признают Деникина и со своими русскими товарищами будут драться за свободу!

— Спасибо, Асланбек! Я сам жду не дождусь, когда наконец мы снова начнем бить белых, — и, обращаясь ко мне: — Сейчас поезжайте и возвращайтесь сюда с наиболее активными товарищами, с теми, кто настроен особенно по-боевому, нетерпеливо!

В последних числах июля двенадцать «особенно нетерпеливых» распрощались со своими радушными хозяевами и, сопровождаемые группой горцев, предводительствуемой тем же Абу, перебрались в Шатой. На хуторе остался Иван Лубин не то из Саратовской, не то из Самарской губернии, который, женившись на хуторе, решил перебыть там с молодой женой до освобождения Грозного, и еще три наших товарища, которые остались переждать на хуторе до начала активных действий отряда.

После возвращения в Шатой Николай Федорович, помня, что я уже ездил из хутора в Грозный, послал меня в город для связи с оставшимися товарищами. Наш путь лежал в объезд слободы Воздвиженской через Гойты и уже не на арбе, запряженной буйволами, а на пароконной бричке. Эта поездка была впопне удачной. Я успешно и довольно быстро справился с данными мне Николаем Федоровичем поручениями. Мой провожатый встретил знакомого из хутора Алхазурово и задержался с ним на базаре, а меня направил вперед на арбе своего алхазурского друга, запряженной буйволами, условившись, что они меня по дороге нагонят. На выезде из города я согласился подвезти двух чеченок, возвращавшихся с городского базара с мешками и корзинами. В благодарность за это они угостили меня сочными помидорами. Вступать с ними в длительные разговоры совсем не входило в мои расчеты, и под покачивание арбы, разморенные палящими лучами солнца, я и мои попутчицы задремали. Буйволы медленно поднимались по склону Новопромысловой горы. Перевалив ее, они почувствовали свежесть протекавшей внизу речки. Поразительно трудолюбивое, выносливое животное, буйвол очень любит прохладу и в летний зной готов целый день лежать в воде или в луже грязи.

Чувствуя, что ими никто не управляет, они сначала ускорили свой шаг, а затем перешли скачками в бег. От неожиданного рывка сидевшие сзади меня чеченки оказались на земле. Когда я, услышав громкие возбужденные голоса, обернулся, чеченки, сидя в окружении рассыпавшейся по всей дороге базарной снеди, выкрикивали ругательства и грозили кулаками в мою сторону. Я не мог удержаться от смеха. А буйволы уже вскачь неслись по склону горы к крутому берегу речки. Соскочив с арбы, я с большим трудом остановил их бег и повернул на дорогу расхोdivшихся животных. Буйволы спокойно пошли по дороге к переезду через речку, на другой стороне которой под тенью дерева алдынцы обменивались по обыкновению новостями.

Спокойно вышагивавшие буйволы повернули к переезду, но не захотели идти на другой берег и улеглись посредине речки. Все попытки поднять их были безуспешны. На всякий удар хворостиной они только оглядывались, презрительно и возмущенно пофыркивали, а присутствовавшие на берегу чеченцы от души смеялись. Так я и просидел на дробинах арбы с добрый час до приезда моих подгулявших попутчиков, с помощью которых выбрался из речки и благополучно добрался до Шатоя.

В Шатой ежедневно приходили со всех концов Чечни одиночками и группами бывшие бойцы грозненского и сунженского отрядов Красной Армии. Через Асланбека Шерипова Николаю Федоровичу удалось закупить полсотни винтовок и два пулемета под обязательство заплатить за них после победы Советской власти. Через Мазлака Ушаева, находившегося в войсках эмирства по заданию Гикало, удалось уговорить Узун-Хаджи выделить для борьбы с белыми 40 винтовок.

Началось формирование партизанского отряда, который получил наименование 1-го сводного краснопартизанского отряда в горах Чечни. Была создана боевая группа отряда в составе двух рот и пулеметного взвода численностью примерно в 110 человек. Командирами рот были назначены товарищи Федоров и Шишадский, начальником пулеметной команды — Мазуренко. Меня Гикало назначил своим адъютантом и секретарем штаба. Началось одновременно обучение и боевая деятельность отряда. При участии бойцов чеченской Красной Армии совершили первый рейд на станцию Гудермес, затем на

Хасав-Юрт, Самашки, разрушали железнодорожные пути, станционные сооружения, захватывали и уничтожали небольшие гарнизоны белых. Шла подготовка к крупной боевой операции.

11 сентября (29 августа по старому стилю) на заре сотни конных чеченцев и наш отряд под руководством Н. Гикало и А. Шерипова, сосредоточившись на выходе из Шатоевского ущелья, со всех сторон двинулись на слободу Воздвиженскую, расположенную в 25 верстах от Грозного. Особенно ожесточенная перестрелка развернулась на южной стороне слободы. Среди белоказаков и деникинских солдат поднялась паника. Стиснутые со всех сторон, они сделали попытку прорваться в направлении Дубаева хутора, но это им не удалось.

Тогда белые всей своей массой бросились через кладбище в направлении селения Старые Атаги, решив во что бы то ни стало пробиться к Грозному. Тут их встретила основная группа нападавших, увлекаемая неудержимо рвавшимся вперед Асланбеком Шериповым. Атака была настолько стремительной, что деникинцы не могли противостоять ей, и они прекратили сопротивление. Подавляющая часть белоказаков была уничтожена, а 117 солдат и 9 офицеров были взяты в плен во главе с полковником Янышом. Только немногим белым удалось выбраться из слободы, оставив в ней раненых, снаряжение и боеприпасы.

Бой под Воздвиженской явился началом организованной партизанской борьбы против белогвардейцев на Терреке и по своим результатам имел большое моральное и политическое значение. Он воодушевил сторонников Советской власти, укрепил в них сознание необходимости активной борьбы с деникинцами, вызвал чувства надежды у колеблющихся людей, придавленных белогвардейским разгулом и террором.

Но во время боя под Воздвиженской силы, поднявшиеся на вооруженную борьбу против деникинцев и чеченской реакции, понесли тяжелейшую утрату. В разгар боя, когда белые начали в панике отступать, выскочивший на коне далеко вперед своей цепи Асланбек Шерипов был смертельно ранен и в тот же день умер. Погиб один из лучших сынов чеченского народа, ближайший соратник и друг Гикало, верный друг Советской власти, организатор и руководитель чеченской Красной Армии.

Двадцатилетний Шерипов после Великой Октябрьской социалистической революции стал подлинным революционером, руководителем чеченской бедноты в ее борьбе за Советскую власть, за политическое и экономическое освобождение горцев. Счастье народа было главной целью жизни Асланбека. В письме близкому ему человеку он так определял ее: «Чеченцев и ингушей, и вообще говоря горцев, я люблю больше всего в жизни и все принесу в жертву для них. Не найдется такой силы, которая могла бы победить во мне любовь к моим братьям-горцам».

Асланбек настойчиво боролся за устранение разобщенности между трудовыми горцами и русскими, за установление дружественных отношений между чеченской беднотой и грозненским пролетариатом, понимая, что в союзе и под руководством рабочего класса возможно подлинно национальное возрождение свободолюбивых горских народов. В дни стодневных боев грозненского пролетариата с реакционным казачеством в 1918 году чеченцы под влиянием и непосредственным руководством Асланбека Шерипова активно участвовали в военных действиях на стороне грозненцев, снабжали окруженный белоказаками город снаряжением, патронами, продуктами питания.

Асланбек вел последовательную борьбу против местной националистической, реакционной буржуазии, предателей интересов трудовых масс Чечни, всей силой своей страстной души ненавидел их. В борьбе за социальное и национальное освобождение своего народа он неразрывно связал свою судьбу с делом нашей партии, стал верным ее сыном.

Гибель Шерипова в серьезной мере осложнила обстановку развертывания и ведения в Чечне партизанской борьбы. Местная реакция не замедлила поднять голову. Алиевы, Дубаевы, Арсанукаевы, Чермоевы, Чуликовы, националистическая буржуазия и духовенство перешли в наступление против сочувственно настроенных к Советской власти противников Деникина. Не жалея денег на подкуп и агитацию, применяя угрозы и запугивание, меры религиозного и экономического воздействия, контрреволюционные помещики и офицеры, муллы и шейхи стремились подчинить своему влиянию колеблющихся, восстановить трудящихся горцев против находившихся в

Чечне красноармейцев, удержать их от активной борьбы против добровольческой армии.

Но все эти меры оказались бессильными против авторитета Гикало и безграничного доверия к нему трудовой Чечни. Сохраняя память об Асланбеке Шерипове, горцы знали, как тот высоко ценил Гикало и дружбу с ним, с каким уважением относился к Николаю Федоровичу, в котором видел достойного подражанию представителя новой подлинно народной власти. И революционная беднота, вооруженная неугасающей ненавистью к своим вековым врагам, с безграничной верой шла за Гикало, чтобы мстить за разрушенные и сожженные аулы, за смерть своих близких, женщин, стариков и детей.

После разгрома деникинцев отряд обосновался в Воздвиженской, куда переместился из Шатоя и центр повстанческого движения против деникинцев: Закипела большая организаторская работа по собиранию всех отступивших в Чечню красноармейцев, по созданию крупного партизанского отряда. Со всех концов Чечни в Воздвиженскую стекались скрывавшиеся в горах Чечни, Ингушетии бойцы Грозненско-Сунженского объединенного красноармейского отряда и советские активисты. Часть из них после тщательного отбора зачислялась в боевую группу отряда. Формировались команды, роты, велось обучение их. Остальные направлялись в распоряжение коменданта крепости Шатой, ставшей тыловой базой отряда.

Вскоре после разгрома воздвиженского гарнизона белых из находившихся в слободе коммунистов была создана партийная ячейка отряда. По рекомендации Гикало, секретарем партиячейки был избран Александр Федорович Носов. Уроженец селения Ведено, хорошо владевший чеченским языком, молодой, убежденный революционер, коммунист, страстный агитатор и пропагандист, с мягкими внешними чертами, но сильным характером, смелый и решительный человек, Носов до отступления в Чечню был секретарем Грозненской партийной организации. Будучи избранным секретарем партийной ячейки отряда, Носов в то же время умело выполнял обязанности фактического помощника Гикало по политической части (позже он занимал должность начальника политотдела отряда). Образование партиячейки, в которой первоначально было 28 коммунистов, имело важное значение в

организации политической работы как среди бойцов отряда, так и среди местного населения, в поддержании в отряде высокой воинской дисциплины и товарищеской взаимопомощи.

Для меня тот период нахождения в Воздвиженской стал важнейшим в моей сознательной жизни — в сентябре 1919 года партийная ячейка отряда приняла меня в члены РКП(б).

Осенью 1919 года связь с Кавказским краевым комитетом партии и штабом 11-й армии еще была случайной, крайне затруднительной, так как отряд отделяли от них многие сотни километров труднопроходимой территории, занятой белогвардейцами и реакционными националистическими правительствами. В силу этого все вопросы снабжения отряда оружием, боеприпасами, одеждой, питанием, медикаментами приходилось решать своими силами и средствами на месте. И здесь с огромной силой раскрылся организаторский талант, большой авторитет Гикало, взаимоотношения дружбы и братства между красноармейским отрядом и трудовыми горцами.

Будучи подлинным интернационалистом, Гикало у всех русских, попавших после Ассинского боя в горы, воспитывал чувства товарищества и дружбы с горцами. Вскоре после разгрома воздвиженского гарнизона белых в сентябре 1919 года он на собрании коммунистов отряда говорил:

— Помните всегда и никогда не забывайте, что мы — друзья и братья трудового народа Чечни. Мы боремся не только за свободу и счастье для нас, но и для горцев — чеченцев, дагестанцев, кабардинцев и других. Наши враги — это белые генералы, буржуазия, помещики, независимо от национальности, и, наоборот, все люди труда — наши братья. Расскажите всем бойцам, что наша дружба скреплена кровью тысяч горцев, погибших в борьбе против белоказаков за то, чтобы мы имели право здесь жить и бороться. Никто из нас не должен забывать об этом. Мы обязаны уважать их обычаи, не нарушать их. Каждый наш неправильный шаг во взаимоотношениях с населением будет использован местной буржуазией и прочими контрреволюционными элементами для разжигания розни. Мы должны сделать так, чтобы каждый боец понял: каковы будут наши отношения с местным насе-

лением, в значительной мере будет зависеть успех нашей борьбы против деникинцев!

До последнего дня нахождения в Чечне Николай Федорович при активном содействии командиров и коммунистов отряда последовательно и настойчиво проводил эту линию. Уважение к своему командиру, понимание обстановки, в которой мы тогда находились, обеспечили сознательное выполнение его указаний. Равноправное отношение к горцам, уважение их обычаев, нравов, привычек встречали ответное проявление доброжелательного, сочувственного отношения горцев к участникам краснопартизанского отряда. Это получило конкретное выражение, в частности, в снабжении отряда многим необходимым для его существования в борьбе с деникинцами.

Вооружение отряда добывалось в боевых схватках с белогвардейцами, в которых нередко принимали участие с нами и чеченцы. Вместе с тем наряду с небольшой по своим размерам помощью грозненских подпольщиков значительная часть боеприпасов, патроны, частично винтовки, продукты питания, скот, одежда, кожа и многое другое, необходимое для отряда, приобреталось у чеченцев и через них не столько за деньги, которые поступали от краевого комитета партии очень редко и в небольших суммах, сколько по распискам с обязательством уплаты «по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе». Получая такие расписки, чеченцы требовали только, чтобы на них была обязательно подпись Гикало. Надо было видеть, как они бережно прятали подписанные Николаем Федоровичем расписки, с каким чувством удовлетворения уезжали домой, глубоко убежденные в том, что Советская власть безусловно победит и они получают причитающиеся им деньги. Раз Гикало так сказал и подписал, — значит, так и будет. Иначе и быть не может! И это в условиях, когда значительная часть территории страны и весь Северный Кавказ были заняты белыми.

Антисоветской пропаганде, проводимой местной буржуазией, националистами и реакционным духовенством, Гикало при помощи Носова противопоставил революционную большевистскую пропаганду, разоблачая предательскую роль местных антисоветчиков, показывая на конкретных примерах народный, освободительный характер Советской власти. Своей большевистской убежден-

ностью он увлекал на борьбу за завоевания Великого Октября, за Советскую власть наряду с русскими красноармейцами и массы трудовых горцев, которые ему безгранично верили и шли за ним. Можно было только удивляться энергии, подвижности и неистощимому запасу сил, с которыми он, презирая подстерегавшую его на каждом шагу опасность, сутками не слезая с лошади, появлялся в самых различных местах, забираясь и в те населенные пункты, в которых находились контрреволюционные националистические банды.

Жесточайшие репрессии, массовые казни активистов и сторонников Советской власти, уничтожение многих аулов привели в первой половине 1919 года к временному затишью борьбы против белогвардейцев. Но репрессии и террор не ослабили, а, наоборот, усилили противодействие широких народных масс власти деникинцев, их недовольство и возмущение. Наступал период нового подъема борьбы трудящихся Терека против добровольческой армии, борьбы, в которой все более активную роль играл Гикало со своим штабом, перераставшим в центр повстанческого движения всей Терской области. Это не проходило незаметно для белогвардейского командования. Оно отлично представляло, какую все возрастающую опасность для него составляло ширившееся в Чечне партизанское движение, возглавляемое Н. Ф. Гикало. Белые всячески пытались разведать все, что касалось численности, вооружения отряда, настроения бойцов. Хитростью и подкупом, провокационными слухами о положении на фронтах, уничтожением одиночных бойцов они стремились дискредитировать саму идею вооруженной борьбы с добровольческой армией, запугать неустойчивых.

Прошло совсем немного времени после разгрома белогвардейского гарнизона под Воздвиженской. Во второй половине сентября в слободу на двух бричках приехала группа иногородних из сунженских станиц. Старшим у них был бывший заместитель председателя чрезвычайной комиссии при штабе Сунженского отряда Красной Армии Михаил Кирисенко. Они привезли с собой белоказачьего офицера — сотника Медунова, уроженца станицы Слепцовой. Этот выродок в первых числах февраля при занятии белоказаками Слепцовой с какой-то животной ненавистью уничтожал после изощренных издевательств и пыток оставшихся в станице советских активистов. Пе-

ред тем как застрелить бывшего секретаря станичного исполкома, отрезал ему язык, уши, нос, завернул все это в платок и похвалялся по станице, что так будет со всеми, кто посмеет идти служить к большевикам.

Медунов вызвался разведать подробно все, что касалось вновь организованного краснопартизанского отряда в Чечне и охраны слободы. Эти данные были необходимы белым для разгрома и уничтожения отряда в самом зародыше. С этой целью Медунов, прослышав, что за рекой Ассой в лесу находится группа жителей станицы Михайловской, связался с ней, представился сочувствующим Советской власти, сказал, что укрывается от белоказачков и хочет пробраться в Дагестан. Когда Кирисенко установил, что имеет дело с Медуновым, он дал согласие вместе со своей группой отправиться тоже в Дагестан. В пути они обезоружили Медунова и привезли в Воздвиженскую.

Учитывая особую тяжесть совершенных Медуновым злодеяний, военно-полевой суд отряда приговорил его к смертной казни через повешение.

Не успели рассчитаться с Медуновым, как в слободе стали происходить непонятные вещи. Чуть ли не ежедневно пропадали бойцы из числа сдавшихся в плен в бою под Воздвиженской. Неизвестно, чем все это кончилось, если бы не один случай. К северу от аула Старые Атаги находилась принадлежавшая Ивану Мальцеву, бывшему жителю Воздвиженской, мельница. Разведчики пешей разведки отряда вместе со своим командиром Иваном Григорьевичем Лукьяненко нередко были гостями на мельнице, вернее у ее владельца, который довольно охотно потчевал их самогоном. В одно из таких посещений случайно у мельника была найдена записка:

«Нашим ставропольчанам Петру Колпакову, Константину Вахрамееву, Михаилу Журавлеву и Сергею Кизилу. Пишут вам однополчане. Ребята говорили правду. В отряде нас зря страшат. Здесь никто мобилизованных не обижает, нас хорошо встретили, накормили и дали почитать обращение начальника грозненского гарнизона, в котором говорится, кто сам явится, если захочет, будет опять служить в своей части или поедет домой. Этот человек проведет вас к хорошим людям. Будем вас ждать. До скорой встречи, ваши сослуживцы Василий Бахмацкий и Григорий Колесников».

Записка давала ответ на мучивший всех вопрос: куда исчезали бывшие пленные ставропольцы. Тщательно обыскав, разведчики доставили арестованного мельника в отряд. Во время допросов тот долго отказывался отвечать на задаваемые ему вопросы, отпирался, упорно отрицал свое участие. Наконец, не выдержав, вынужден был сознаться, что был агентом белогвардейской контрразведки и склонял неустойчивых бойцов на дезертирство, убеждал в бессмысленности нахождения в отряде и безнадежности борьбы против сильной добровольческой армии, которая все равно уничтожит их или перебьют сами горцы. При этом он использовал письмо начальника грозненского гарнизона с обещанием помилования «всем обманутым красными», добровольно явившимся с повинной. Он рассказал, как заманивал поддавшихся его агитации людей в Атаги к своим единомышленникам. Те очень приветливо их встречали, кормили, поили и, перед тем как уложить спать, уговаривали писать письма оставшимся в отряде товарищам. После этого доверчивых людей связывали и увозили в Грозный, а там их уничтожали.

Сознавая, что ни на какое снисхождение рассчитывать не может, мельник с убежденностью и злорадством заклятого врага бросил в заключение членам военного полевого суда:

— Я знаю, что вы, босяки, меня расстреляете или повесите. Но я хоть знаю, за что. А вы подохнете здесь от голода и холода! Рано или поздно всех вас уничтожат! Скоро разделаются с вашими комиссарами в Москве, а потом и всех вас перевешают!

Колпаков и его товарищи не стали закираться. Узнав, что добровольческое командование обещает помилование за добровольную явку, напуганные успехами победоносно двигавшейся на Москву деникинской армии, они договорились уйти из отряда в Грозный.

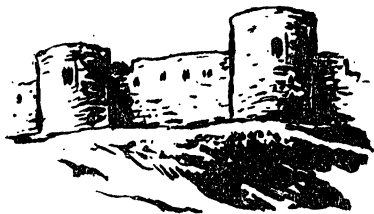
За пособничество белым в уничтожении бойцов отряда мельника расстреляли. За попытку нарушить верность партизанскому долгу и дезертировать Колпаков и его товарищи были наказаны. В последующем они проявили стойкость, храбрость и стали достойными почетного звания бойца — красного партизана.

Воздвиженская с утра до поздней ночи жила кипучей деятельностью организации партизанской борьбы против белых.

Восстанавливались прежние и устанавливались новые связи с оставшимися в Грозном, Владикавказе и сунженских станицах коммунистами, с революционно настроенными аулами Чечни, соседней с ней Ингушетии, а затем Осетии и Кабарды.

Из Воздвиженской направлялись организаторы подпольных ячеек, комитетов и боевых групп, которые становились на местах центрами будущих восстаний против деникинцев. Шли инструктивные письма, воззвания, обращения, а изредка и небольшая денежная помощь.

По всему Тереку ширилась суровая, беспощадная всенародная партизанская война горцев против ненавистой добровольческой армии.

ШАРИАТСКАЯ МОНАРХИЯ УЗУН-ХАДЖИ

Одним из обстоятельств, серьезно осложнявших борьбу трудовых масс горцев Кавказа и краснопартизанских отрядов против белых, было образование в Чечне шариатской монархии — Северо-Кавказского эмирства. В июне 1919 года в Чечню в сопровождении большой группы мюридов прибыл из Дагестана невзрачный столетний старичок-фанатик аварец Узун-Хаджи. Начав свою религиозную деятельность в 1917 году в Дагестане, Узун-Хаджи стал одним из вдохновителей и руководителей национально-религиозного движения в Дагестане и на Северном Кавказе.

Объявив себя эмиром Северного Кавказа, Узун-Хаджи пытался направить борьбу горцев против деникинцев

в религиозно-националистическое русло. Он был против Деникина, боровшегося за великую, единую, неделимую, то есть великодержавную, угнетавшую и притеснявшую все малые народности, Россию. Уступая неукротимой ненависти горцев к белоказакам, Узун-Хаджи начал широковещательную подготовку к вооруженной борьбе против русских белогвардейцев. И главной причиной временной поддержки его горцами была именно пропагандированная им борьба против деникинцев.

Используя накопившуюся десятилетиями рознь, чувства ненависти и жажды мщения за разрушенные селения и уничтожение близких людей, Узун-Хаджи предстал перед массами темных горцев как духовный вожь в борьбе с ненавистными белоказаками.

Временной столицей эмирства стала крепость Ведено, гарнизон которой, как и личная охрана Узун-Хаджи, состоял преимущественно из дагестанцев. Сюда со всех концов Чечни, а также из Ингушетии и даже из Кабарды одиночками и небольшими группами с огромным воодушевлением шли и ехали к Узун-Хаджи массы трудовых горцев, наивно веривших в возможность под его предводительством рассчитаться со своими заклятыми врагами. Этим надеждам не суждено было сбыться. Вскоре в Ведено появился отъявленный авантюрист Иналук Арсанукаев, сыгравший заметную роль в деятельности эмирства. Работая до революции в Грузии приставом, Арсанукаев женился на какой-то грузинской княжне и по имени общества Дышни-Мохк, в которое входил его родной аул Эзехи, присвоил себе титул князя Дышнинского.

Началась лихорадочная деятельность по созданию эмирства. Было образовано правительство эмирства в составе министерств, причисляющих любому маломальски порядочному государству, включая и морское министерство, видимо, в надежде, что к горным рекам эмирства когда-то прибавятся также Черное и Каспийское моря. Великим визирем эмирства, премьер-министром и одновременно министром иностранных дел, морским министром, министром вакууфных дел (духовных имуществ), министром народного просвещения и главнокомандующим всеми вооруженными силами эмирства стал «военно-юридической академии ротмистр» Иналук Арсанукаев-Дышнинский.

Был организован парламент — меджлис депутатов. К сожалению, никаких сведений о принципах его создания и деятельности не сохранилось. Территория эмирства была разбита на семь губернаторств: Андийское, Веденское, Шатоевское, Итум-Калинское, Грозненское, 1-е и 2-е Ингушские. В свою очередь губернаторства были разбиты на округа и участки, учреждена должность шефа жандармов. Появились приставы, начальники участков, старшины и другие должностные лица, при которых начали получать широкое распространение спекуляция, взяточничество, поборы с населения.

Дышнинский стал широко раздавать офицерские звания и чины лицам, многие из которых были совершенно неграмотны. Так, семи из восьми министров правительства эмирства было присвоено звание генерал-майора. При этом, два из них — военный министр Шиты Истамулов и министр путей сообщения, почт и телеграфов Куси Байгиреев — были совершенно неграмотны. Сам Дышнинский вскоре после образования правительства эмирства в декабре 1919 года получил звание фельдмаршала. В Чечне не было никогда сословного деления. Намерение Дышнинского ввести сословия и титулы вызвало недовольство горцев.

Если существует эмирство, — значит, должны быть и свои — эмирские — деньги. В Ведено был создан монетный двор, печатавший в неограниченном количестве бумажные денежные знаки эмирства. Они, правда, не имели почти никакого реального обеспечения. В то время в обращении находилась огромная масса бумажных денежных знаков николаевских (царских), керенских, советских и местных советских. Взывая к национальным чувствам горцев, эмирство добивалось признания своих денежных знаков основным средством денежного обращения на территории эмирства, вплоть до того, что за отказ принимать эмирские деньги предписывалось наказывать розгами.

Для объективности следует заметить, что в горных аулах и хуторах какое-то время эмирские деньги признавали. На плоскости же они авторитетом и доверием не пользовались. Сам Дышнинский, ратуя за эмирские деньги, все же предпочитал максимально возможное количество их обменивать для личных нужд на николаевские, которые на территориях, занятых добровольче-

ской армией, другими контрреволюционными правительствами и интервентами, тогда признавались наиболее устойчивыми денежными знаками.

Была сделана попытка организовать в эмирате промышленное производство на первых порах для нужд армии. 7 января 1920 года министр продовольствия, торговли и промышленности донес премьер-министру, что, согласно предписанию, построены две пекарни для изготовления чуреков, а заведующий военными мастерскими донес рапортом о необходимости приобрести для мастерских один фунт гвоздей — подлинно-эмирский размах. Дальнейшая судьба рапорта о гвоздях неизвестна. А организация хлебопекарного производства завершилась на следующий же день, 8 января, рапортом о том, что печи были истоплены, «а мука от населения до настоящего времени еще не доставлена. Я получил более 300 рублей убытка за неимением муки. Об этом по всем министрам сообщаю». На этом Дышнинский и завершил работы по организации индустриальной мощи эмирства.

Были созданы вооруженные силы эмирства из шести армий, каждая численностью от 600 до 1500 человек. Назначая командующих армиями, Дышнинский произвел пятерых из них в чин генерал-майора. При этом он, естественно, не мог игнорировать нахождение в Чечне, на территории эмирства, краснопартизанского отряда, в составе которого, к слову сказать, кроме русских, были и чеченцы. Не мог Дышнинский также публично признаться в том, что этот отряд существует и действует помимо и против его воли и с ним совершенно не считается. Поэтому он включил в состав вооруженных сил эмирства и краснопартизанский отряд под названием Пятой свободной армии.

А как быть с командующим этой армией? Ведь если произвести Гикало в генеральский чин, то он погонов не наденет. Это Дышнинский хорошо знал. А за непослушание принять к Гикало какие-либо меры Дышнинский не мог, понимая, что для этого у него просто руки коротки.

Противоречия классовых интересов различных социальных групп, участвовавших в узун-хаджинском движении, становились все более несовместимыми. Уже в начале 1920 года очень широкие размеры приняло недоверие к эмирату горцев не только западной, но и восточной части Чечни, где вначале авторитет Узун-Хаджи был

особенно заметен. Трудовые горцы ждали, что Узун-Хаджи поднимет их на борьбу против белоказаков, против деникинцев, которые продолжали кровавую политику царского правительства, оружием подавляли всякую попытку протеста или противодействия, разрушали и уничтожали их жилища, скот, имущество. С этими настроениями не могли не считаться Дышнинский и его окружение, в руках которых престарелый Узун-Хаджи был удобной ширмой для их антинародной политики.

Дышнинский всеми мерами старался восстановить армии эмирства против краснопартизанского отряда, внести разлад в совместную борьбу против деникинцев. Своими приказами он неоднократно пытался заставить Гикало ввязаться в такую авантюру против белых, которая неизбежно должна была привести к разгрому и уничтожению отряда, к ликвидации его как силы, которая своими действиями воодушевляла и спланивала горцев на вооруженную борьбу.

Поскольку такие приказы Дышнинского не только осложняли борьбу против деникинцев, но были заведомо направлены на ослабление, дезорганизацию ее, Гикало отказывался выполнять их. В стремлении уничтожить отряд как боевую единицу Дышнинский в декабре 1919 года приказал «для укрепления соседних армий при выполнении ими специального боевого задания пятую армию — краснопартизанский отряд — придать этим армиям». Смысл этого приказа был недвусмысленно ясен — лишить отряд единого руководства, ослабить его боеспособность и по частям разоружить. Обсудив этот приказ с активом отряда, Гикало отказался выполнить его, решив вместо этого идти на помощь грозненским подпольщикам в предстоявшем восстании против деникинцев.

Тогда Дышнинский отдал приказ разоружить непокорный отряд. Но разоружение не состоялось, и приказ остался только приказом. Сочувственное отношение к краснопартизанскому отряду широких масс Чечни, в том числе и входивших в состав вооруженных сил эмирства, слабость эмирских вооруженных сил, высокий авторитет Гикало и, наконец, несогласие Узун-Хаджи с приказом Дышнинского вынудили последнего пойти на переговоры с Гикало. Кончилось тем, что на какое-то время Дышнин-

ский оставил нас в покое, однако отказал в оказании какой-либо помощи отряду.

Антинародная сущность марионеточного Северо-Кавказского эмирства не вызывала сомнений с самого начала его существования. Узун-Хаджи и его окружение боролись не за интересы трудящихся горцев, а в конечном счете за осуществление чаяний национальной буржуазии, шейхов, мулл. Вокруг Узун-Хаджи собрались в основном националистические, контрреволюционные элементы, все, кто ненавидел новую народную Советскую власть. Все они хотели стихийно-революционные стремления трудовых масс использовать в своих корыстных целях. При этом они были не простыми свидетелями, а активными участниками предательской, антинародной политики шариатской монархии в качестве губернаторов, приставов, начальников участков, старшин, командного состава армий эмирства.

Гикало понимал все это и предвидел, что наступит время, когда мы вынуждены будем начать активную борьбу против кучки контрреволюционных националистов — ставленников, идейных последователей Узун-Хаджи и Дышнинского. Но пока Узун-Хаджи выступал под лозунгом антиденикинской борьбы, пока за ним шла значительная часть трудовой Чечни, он был нашим временным союзником. На узком совещании в сентябре 1919 года Гикало следующим образом определил наши взаимоотношения с Узун-Хаджи:

«Эмирство — это попытка националистических, реакционных горских элементов использовать борьбу между Советской властью и Деникиным для того, чтобы ослабить революционизирующее влияние идей Советской власти на горцев; используя национальные и религиозные чувства горцев, подчинить их своему влиянию, направить их мысли и действия в духе национальной обособленности и слепого повиновения своим интересам. После весенне-летнего разгрома чеченских и ингушских аулов, после проводимых деникинцами жестоких репрессий реакционная верхушка Чечни и Ингушетии проводит политику подчинения власти Деникина, убеждает горцев в невозможности и бесполезности борьбы против нее.

Национально-религиозное влияние Узун-Хаджи, зовущего горцев на священную борьбу против деникинцев, помогает преодолеть влияние чуликовых, чермеевых,

алиевых и им подобных, помогает преодолеть у горцев чувство растерянности и признания своего бессилия в борьбе против белоказаков и деникинцев. Поэтому, пока Узун-Хаджи будет вести горцев на борьбу против Деникина, он будет в пределах допустимого нашим союзником и в такой же мере будет пользоваться нашей поддержкой. В пределах того, как он ведет борьбу против белых и отвлекает их силы, в такой же мере возможно и оправданно наше сотрудничество с ним. Такое решение принято на недавнем совещании в ауле Алкун. Мы будем стараться не обострять отношений с Узун-Хаджи. В то же время неустанно вести борьбу с наиболее реакционными деятелями эмирства».

С усилением влияния Дышнинского, объединившего тайных и явных союзников и сторонников добровольческой армии, становилось все более враждебным отношение эмирства к Советской власти, к ее защитникам и активным сторонникам. Вся политика эмирства приобретала ярко выраженный контрреволюционный характер, затрудняла организацию борьбы против деникинцев, начала угрожать самому существованию краснопартизанского отряда. Николай Федорович полностью отдавал себе отчет в том, какую большую опасность для дела всенародной борьбы против южной контрреволюции стало представлять эмирство. Создалось положение, когда краснопартизанскому отряду в Чечне и другим партизанским отрядам приходилось вести борьбу и организовывать массы для борьбы не только с деникинскими войсками, но и с горской контрреволюцией.

Ведя с огромным напряжением организаторскую работу по повышению боеспособности краснопартизанского отряда и развертыванию партизанского движения среди горцев, внешне поддерживая вполне лояльные отношения с эмирством, Гикало в то же время через бывших активистов чеченской Красной Армии вел большую работу по объединению вокруг отряда сочувственно настроенных к Советской власти горцев.

Вместе с А. Носовым он последовательно и настойчиво организовывал и направлял политическую работу и внутри армий эмирства. Бывшие соратники Асланбека Шерипова, революционно настроенные активисты, состоявшие на командных должностях в эмирстве, разоблачали перед горцами предательскую роль Дышнинского и

его клики, их подлинные цели, прикрываемые страстными призывами борьбы против белоказаков. Они разъясняли цели и значение борьбы краснопартизанского отряда с деникинцами и местной реакцией в защиту прав и интересов народа, необходимость активной поддержки гикаловцев. Через этих товарищей мы своевременно узнавали о предпринимаемых Дышнинским мерах, в частности в отношении нашего отряда, и имели возможность своевременно соответствующим образом реагировать на них.

Разоблачение реакционной сущности и антинародной политики эмирства скоро стало давать свои результаты. Во многих, особенно горных, аулах чем дальше, тем все сильнее проявлялось желание горцев идти не в армию Дышнинского, а в Красную Армию. Даже в расположенных неподалеку от столицы эмирства аулах Дышне-Ведено, Ца-Ведено, Харачой, Беной, Центорой, Белгатой, Тазень-Кале, Элистанжи росло стремление записаться в Красную Армию, а не в эмирское войско.

Влияние эмирства на массы трудовых горцев все больше падало, национально-религиозный фанатизм сменялся осознанным стремлением бороться за быстрейшее восстановление в горах Советской власти. И один из важнейших итогов деятельности краснопартизанского отряда в Чечне, а в последующем — штаба Терской областной группы красных повстанческих войск в том и состоит, что деятельность горских контрреволюционеров была, по существу, парализована, были созданы условия, способствовавшие окончательному разгрому деникинских войск на Северном Кавказе.

В телеграмме В. И. Ленину 1 апреля 1920 года из Грозного Г. К. Орджоникидзе сообщал: «Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов».

ПОД ЧЕЧЕН-АУЛОМ

Осуществляя меры по «умиротворению» Чечни и Ингушетии, деникинское командование особое внимание обращало на слободу-крепость Шатой, ставшую под руководством Гикало и Шерипова центром собирания советских, революционных элементов из числа горцев и бывших русских красноармейцев и подготовки их к вооруженной борьбе против добровольческой армии.

Наряду с Шатоем большую озабоченность командования белых на Кавказе вызывала и крепость Ведено, которая с появлением в ней беспокойного имама Узун-Хаджи, большой группы бывших русских красноармейцев и сводной кабардино-балкарской роты, добравшейся сюда после боя под Долаково, превратилась в глашатая национально-религиозного объединения горцев на войну против белоказаков, против власти белых генералов.

По замыслу командования белых Шатоевское ущелье, выход из Шатоя на плоскость закрывал гарнизон в слободе Воздвиженской. Другой отряд солдат и казаков занял селение Шали, затем Сержень-Юрт и готовился к походу на Ведено. Этому намерению белых не суждено было сбыться. Вопреки их расчетам, с 11 сентября уже не Шатой, а сама Воздвиженская стала организующим центром антиденикинской борьбы. А спустя два дня после разгрома воздвиженского гарнизона белых отряды чеченцев, в их числе узун-хаджинский полк, численностью в несколько сот человек при трех орудиях и 12 пулеметах через селения Агишты и Ца-Ведено повели наступление на Сержень-Юрт и Шали. Оставляя убитых и раненых, белые отступили в Шали. Вслед за этим

после упорного длительного сопротивления, оказавшись в кольце продолжавших наступление чеченских отрядов, они вынуждены были отступить через Герменчук на Грозный.

Вся горная и значительная часть плоскостной Чечни были освобождены от деникинцев. Узун-хаджинские части и группы вольных чеченцев, продолжая продвигаться дальше к Грозному, подошли к Чечен-Аулу. Ежедневно небольшими группами с различных концов Чечни шли возбужденные добровольцы в Чечен-Аул.

В ясное осеннее утро 20 октября со стороны Грозного в Воздвиженскую стали доноситься глухие разрывы артиллерийских выстрелов, которые, все учащаясь, превратились в сплошной гул. Прошло несколько часов, а гул артиллерийской перестрелки то затихал, то возобновлялся с новой силой. Мы знали, что в районе Чечен-Аула под Грозным находится чеченская эмирская армия, и поняли, что между нею и деникинцами идет бой.

Около полудня со стороны аула Старые Атаги показался скачущий в слободу всадник. Находившийся в очередной отлучке Гикало запиской сообщал, что белогвардейцы перешли в наступление на эмирские войска у Чечен-Аула, необходима немедленная помощь, и приказывал направить туда всех имеющих оружие людей.

Прошли считанные минуты, и из Воздвиженской двинулась к Чечен-Аулу тремя ротами группа партизан в составе 210 человек. Из них около 140 человек с винтовками и двумя пулеметами, а остальные с надеждой раздобыть оружие в бою. Шли хорошим, быстрым шагом. Все дальше на юг уходили горы. По мере приближения к Чечен-Аулу стали видны разрывы артиллерийских снарядов, все отчетливее слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Бой шел где-то близко за Чечен-Аулом.

На окраине селения нас встретил Николай Федорович. При виде большой группы людей без оружия он недоволен нахмурился, но, поняв по возбужденным лицам и голосам страстное желание принять участие в бою, добродушно улыбнулся:

— Ну, смотрите, чтобы не пришлось краснеть за вас!

К этому времени белым удалось сбить правый фланг защитников Чечен-Аула, оттеснить их с вершины господствующей над аулом горы, и пули наступающих дробно запели над селением. Заметив короткое замешательст-

во бойцов, которые от неожиданного свиста и жужжания пуль над головами, пригибаясь, начали останавливаться и прижиматься к домам, Гикало укоризненно покачал головой:

— Это еще что такое? Чего прячетесь? Кому кланяетесь? Ну-ка по четыре в ряд становись, быстро! За мной шагом марш! Песню!

Растерянности как не бывало. В лучах спускавшегося к горизонту осеннего солнца зазвенела, понеслась бодрая партизанская песня быстро шагавших за своим командующим на северную сторону аула гикаловцев — уж что-то, а петь мы умели! Гикало на ходу коротко рассказал, какова обстановка, и отдал приказание после выхода из аула немедленно развернуться в цепь, чтобы преградить наступавшим белогвардейцам путь к аулу. Как только подошли к последним саклям, бегом выскакивали за аул, вооруженные и безоружные рассыпались в цепь по склону горы, покрытому колючим терновником и низкорослыми деревьями. Перестрелка становилась ожесточеннее. В наступавших сумерках все ближе виднелись ряды отступавших чеченцев и преследовавших их белых. Напряженное ожидание предстоявшего боя разорвал подхваченный командирами рот голос Гикало:

— На белогвардейскую сволочь за мной! Ур-р-р-а!

Этому призыву, давшему выход накопившимся в сердцах бойцов чувствам ненависти и обиды, жажды мщения за зверски уничтоженных товарищей, неукротимого желания броситься в смертельную схватку с врагом, надругавшимся над самыми священными чувствами людей, лишившим их семей и близких, сейчас были подчинены все помыслы, чувства и действия партизан. В окутавшей землю темноте неудержимым, все сметающим на своем пути порывом, обгоняя Гикало, они стремительно кинулись в атаку. Колючие ветки кустарника до крови царапали руки и ноги, рвали и без того ветхую одежду. Но никто этого не замечал и не чувствовал. Каждый из нас во всю силу своих легких за десятерых кричал торжествующе грозно «у-р-р-а!», которое мощной, все нараставшей волной перекатывалось по цепи. Наконец терновник кончился, и мы легко, без всякого страха, с неослабевающим «ур-р-р-а!» продолжали бежать вперед, чтобы скорее догнать отступавшего врага.

За день боя деникинцы уже привыкли к характерно-

му воинскому крику чеченцев: «ал-л-а! яал-л-а!», которому противопоставили боевую выучку, дисциплину, превосходство в технике. Они уже готовы были торжествовать победу. И вдруг мощное русское «ур-р-р-а». Это было так неожиданно, что ошеломило белых. Они поняли, что на помощь чеченцам пришли гикаловцы, о количестве и боевых делах которых, как рассказывали взятые нами на следующий день пленные, у деникинцев были самые противоречивые, подчас просто неправдоподобные представления. Ими овладел панический страх. Испуганные и ошеломленные все приближавшимся «ур-р-р-а», белые остановились, затем повернулись и, как попало отстреливаясь, кинулись стремительно отступать. Почувствовав неожиданную помощь, чеченцы вместе с нами преследовали отступавших деникинцев до ущелья.

Непроглядная темень наступившего вечера требовала разобраться в обстановке, привести в порядок силы и подготовиться к предстоящему дню. Следует сказать, что в силу исторически сложившихся условий чеченцы-кавалеристы не имели себе равных в смелости и удалстве, но были мало приспособлены к позиционной войне, тем паче ночью.

Дальше оставаться в ущелье было опасно. Деникинцы могли обойти нас со всех сторон. Наш отряд, а также чеченцы и сводная кабардино-балкарская рота отошли к Чечен-Аулу и к утру расположились в вырытых за ночь окопах на склоне горы. На северо-западной окраине селения позицию заняли воины эмирства и жители Чечен-Аула.

Наступило утро. Белые долго не показывались. Но вот со стороны ущелья появилась масса людей в самой разнообразной одежде с красными знаменами. Никаких враждебных проявлений с их стороны не было. Создалось представление, что грозненские рабочие, ободренные вчерашней неудачей белогвардейцев, шли на соединение с нами. Обращаясь ко мне, Гикало взволнованно сказал:

— Саша, быстро пиши воззвание! — и, стоя рядом, продиктовал короткое обращение с призывом переходить на нашу сторону, чтобы вместе бороться против белых. Несколько таких воззваний, написанных карандашом на небольших листках бумаги, были скоро готовы. Кто же доставит их?

— Давайте-ка их мне, — сказал Николай Федорович, — кобыленка у меня резвая, и я быстро справлюсь с ними!

Не успели мы даже оглянуться, как Гикало наметом мчался навстречу двигавшейся из ущелья массе людей. Некоторое время все с волнением наблюдали за этой смелой, дерзкой выходкой. Со стороны ущелья затрещали выстрелы. Видимо, у белых не выдержали нервы. Гикало широким махом бросил воззвания и, преследуемый пулями белых, благополучно возвратился. Провокация белых не удалась. Тогда они обрушили огонь своих батарей на наши позиции. Все вокруг наполнилось тревожным, оглушительным грохотом.

После длительного артиллерийского обстрела белые двинулись в наступление. По склону горы, между кустарников, показались наступающие перебежками солдаты и казаки. Гикало приказал экономить патроны, не стрелять, пока белые не подойдут на близкое расстояние. Уже была слышна настойчиво повторявшаяся команда: «Вперед, вперед!» Трудно удержаться от стрельбы, когда неприятель находится уже на расстоянии в несколько десятков шагов и кажется, что пройдет еще минута, и белогвардейцы своей массой сомнут нас. Но никто не думал нарушить приказ. Наконец раздалась долгожданная команда, и вся линия обороны взорвалась дружным огнем винтовок и пулеметов. Белые повернули назад так же стремительно, как до этого они рвались вперед. Лишь видневшиеся на земле среди кустов тела убитых и тяжело раненных напоминали о неудавшейся атаке.

Но белые не собирались отказываться от своего намерения смять линию обороны. Они сосредоточили против нашего отряда огонь своей артиллерии и большую часть живой силы. На протяжении этого и следующего дня они много раз предпринимали яростные атаки, и каждый раз мы их успешно отражали. Нередко подпускали наступающих настолько близко, что после атак выскакивали из окопов и подбирали у убитых солдат и казаков оружие и патроны. Эти атаки стоили деникинцам многих жертв — весь склон горы перед нашими окопами был усеян трупами солдат, казаков, мобилизованной ученической молодежи. В бою под Чечен-Аулом были полностью уничтожены три казачьи сотни, свыше полутора десятков офицеров, в их числе два полковника, взято много пленных, преимущественно из числа мобилизованных гимназистов и реалистов, которых, по их рас-

сказам, гнали в бой под угрозой пулеметов наступавших за ними казаков.

Находившиеся в частях эмирства грузинские офицеры-инструкторы вначале встретили нас пренебрежительно и недоверчиво. Внешне мы походили не на бойцов, а на сборище бродяг, одетых в заплатанную и перезаплатанную, к тому же изорванную во время атаки одежду, многие в обыкновенных мешках с прорезанными в них отверстиями для головы и рук, обутые в самодельные сыромятные чужаки. Исключение составляли несколько десятков человек в форменном английском обмундировании из числа пленных, взятых нами под Воздвиженской в сентябре. Первые же часы боя заставили грузин изменить свое отношение к нам. Они увидели, что имеют дело с организованной, боеспособной частью, которая существенно влияет на ход боя, и передали нам два станковых пулемета и несколько десятков тысяч патронов. Недостаточное же количество винтовок мы раздобыли у пленных и убитых деникинцев.

К исходу третьего дня эмирские войска решили прекратить сопротивление и стали отходить от Чечен-Аула в сторону Шали. Вслед за ними и мы оставили Чечен-Аул и через Старые Атаги и Воздвиженскую направились в селение Дачу-Барзой. Наши потери под Чечен-Аулом составили шестнадцать человек убитыми и ранеными. Но это — первое крупное боевое крещение, и весь отряд уже был вооружен винтовками и четырьмя пулеметами. Вскоре после того, как наш отряд оставил Чечен-Аул, передовые части белых заняли его и подожгли со всех сторон, не рискуя преследовать отступавшие части эмирства и партизан.

Дышнинский не мог не понимать, что сосредоточение вблизи Грозного большой массы плохо вооруженных и необученных горцев с группой грузинских инструкторов, с полутора десятками пулеметов и двумя пушками как бы заблаговременно предупреждало деникинское командование в Грозном об опасности и необходимости принятия с его стороны ответных мер, которые могли привести к сокрушительному разгрому эмирских войск. А это означало бы, что довольно продолжительное время нечего было и думать о возобновлении вооруженной борьбы против деникинцев. Судя по всему, возможность таких последствий не очень-то сильно и беспокоила Дышнин-

ского. Выступая в роли непримиримого врага деникин-ской армии, Дышнинский всеми мерами старался взять в свои руки всенародное движение горцев против белогвардейцев, подчинить и направить его в своих целях, не допустить организованной вооруженной борьбы трудовых масс Чечни против своих союзников и покровителей. А неудачу первого вооруженного выступления руководимых им армий, разгром эмирских войск он мог легко объяснить причинами, вовсе от него не зависящими: неорганизованностью, отсутствием военного опыта у командного состава, недостатком вооружения, плохой подготовкой бойцов. Да мало ли какие причины можно было выставить доверчивым горцам!

Основная причина поражения эмирского войска, которое, не придя вовремя на помощь партизаны, могло превратиться в полный разгром, заключалась в неподготовленности его к позиционной борьбе против хорошо обученного, опытного врага. Дышнинский сумел отвести от себя ответственность за это. Во время остановки отступавших частей эмирства в Шали кто-то пустил слух о том, что в неудачном исходе боя виноваты грузинские инструкторы. Как нередко бывает в таких случаях, толпа, возбужденная горечью поражения и явно провокационными выкриками, решила расправиться с ними. Их бывшие союзники и наставники вынуждены были искать спасения бегством.

Довольные, что им удалось счастливо отделаться, раздосадованные на неблагодарных учеников и союзников, офицеры-инструкторы приняли решение на том закончить свои союзнические взаимоотношения и через перевал убраться восвояси. Во избежание возможных новых осложнений, которые могли закончиться для них менее благополучно, они решили миновать столицу эмирства и направились к перевалу через Шатой и Итум-Кале. По пути к Шатойю встретились в Дачу-Барзое с нашим отрядом. Два старших офицера — майор и капитан — разыскали Николая Федоровича, с которым у них состоялся почти дословно следующий разговор:

«Господин Гикало, мы отдаем себе отчет в том, что вы — наши политические противники. Но мы убедились в том, что вы храбро и бескорыстно боретесь против белогвардейцев. Мы восхищены мужеством, стойкостью и дисциплинированностью ваших людей. Мы возвращаемся

к себе в Грузию и решили имеющееся у нас оружие и средства связи передать тем, в чьих руках они наиболее целесообразно будут использованы против деникинцев. Вот почему мы решили передать их вам. Вашим людям они несравненно нужнее, чем неорганизованным и не умеющим воевать армиям эмирства. Мы знаем, что за это нам дома не скажут «спасибо». Но мы солдаты и считаем долгом своей чести передать оружие тем, кто ведет настоящую самоотверженную борьбу против контрреволюционеров».

Гикало горячо поблагодарил грузинских офицеров за столь важную для нас помощь и пожелал им благополучного возвращения на родину.

В результате этой встречи вооружение отряда увеличилось на 12 пулеметов, 169 винтовок, свыше 20 тысяч патронов и 13 полевых телефонных аппаратов.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ГРОЗНОМ

С конца октября 1919 года в условиях начавшегося решительного наступления Красной Армии на южном фронте против деникинской армии, на Сунже и Тереке заметно усилились враждебные белым настроения. Деникинское командование, обеспокоенное нарастанием революционного брожения в Терской области, было особенно озабочено обстановкой в районе города Грозного — крупнейшего рабочего центра Северного Кавказа, неподалеку от которого активно действовал краснопартизанский отряд. К концу 1919 года в Грозном были сосредоточены: 1-я Кубано-Черноморская конная дивизия, 1-й и 2-й Владикавказско-Сунженские полки, два кубанских пластунских батальона, дивизия терских казаков в соста-

ве четырех кизляро-гребенских полков, 1-й сводный пехотный полк, инженерный батальон, четыре батареи и небольшие подразделения из бывших пленных красноармейцев.

Возглавляя партизанское движение в Чечне, Гикало по поручению Кавказского краевого комитета партии в то же время руководил Грозненской большевистской организацией. Городской подпольный комитет в составе Конона Лозовацкого («Владислав»), Ефима Губарева, Алексея Кабацкого, Антона Стаценко и Ивана Червякова доставал и направлял в отряд боеприпасы, медикаменты и прочее, вел большую работу по разложению деникинского тыла. На предприятиях и в войсковых частях гарнизона создавались подпольные партийные группы.

Среди рабочих и частей гарнизона действовали большевистские агитаторы, распространялись листовки, воззвания, призывавшие с оружием в руках активно поддерживать наступавшую Красную Армию. Большевистская агитация оказывала огромное влияние на деникинских солдат, особенно на мобилизованных. Многие из них были благожелательно настроены к слухам о начавшемся наступлении против Деникина.

В результате повального обыска в казармах одной роты 1-го сводного пехотного полка, расквартированного в городе Грозном, были найдены листовки, призывавшие солдат не бороться против своих братьев в угоду белогвардейским генералам. Все попытки узнать, кто принес листовки, где они напечатаны, не дали результатов. Все в один голос твердили, что кто-то ночью подбросил. Вzbешенное командование пошло на то, что рота была разоружена, три офицера — командир роты и два взводных командира — были взяты заложниками, около трех десятков неблагонадежных солдат были арестованы. Вокруг казармы обезоруженной роты была поставлена охрана из кубанского пластунского батальона. Но все эти меры результатов не дали. За исключением нескольких наиболее неблагонадежных солдат, которые были отправлены в штрафную часть, остальные арестованные были освобождены, роте возвращено оружие.

Деятельность подпольного комитета с каждым днем приобретала все больший размах. Деникинской контрразведке удалось нащупать нелегальную большевистскую организацию. Был арестован Лозовацкий. Схвачен и

казнен Кабацкий. Однако все отчетливее чувствовалось приближение вооруженного восстания. В начале декабря 1919 года из города в Шатой на имя Гикало было доставлено письмо:

«Мы, заключенные при грозненской тюрьме, получили точные сведения о расстреле всех сочувствующих Советской власти. Ввиду этого организацией тюрьмы назначен массовый побег с занятием г. Грозного. Посему обращаемся к вам, как политическому работнику, с просьбой помочь в этом. Наша задача заключается в следующем: занять город со всеми учреждениями. Для чего необходимо вам с группой вооруженных людей подойти к тюрьме в указанный день и час. Тюрьма будет уже освобождена, сама вооружится и займет город».

Эта задача казалась неосуществимой и не под силу отряду, насчитывавшему не больше пятисот человек, имеющих оружие. Ведь гарнизон Грозного состоял из 12 тысяч солдат и офицеров и многих десятков орудий и пулеметов. При этом исключалась возможность незаметно подойти из Шатоя к Грозному. Но нельзя было оставить без помощи подпольщиков и обреченных на смерть заключенных. Гикало, Носов, Краснопахтин и Червяков решили пойти на эту смелую, рискованную операцию. После этого все мысли, опыт, силы Гикало были направлены на организацию восстания и освобождение из грозненской тюрьмы сотен большевиков и сочувствующих Советской власти. Для подготовки и организации восстания в Грозный были командированы Иван Червяков и Владимир Ивченко, которые регулярно сообщали о положении дел в городе.

К середине декабря они при участии подпольных партийных групп установили связь с рабочими предприятий, железной дороги, промыслов и с войсковыми частями, большинство которых согласилось в случае вооруженного восстания перейти на сторону восставших или занять позицию нейтралитета. Последующие события показали, однако, что сообщения о позиции войсковых частей в предстоящем восстании оказались серьезно преувеличенными.

Была установлена связь с надзирателями тюрьмы и караулом, состоявшим преимущественно из мобилизованных солдат. При разработке плана восстания предполагалось в первую очередь овладеть батареей, казарма ко-

торой находилась в центре города: рядом с бывшей баней Андреева, а в 250—300 метрах от последней — тюрьма. Многие батарейцы были членами подпольной большевистской организации.

Наконец пришло сообщение, что восстание назначено на 21 декабря. Во второй половине ночи к тюрьме должны были подойти товарищи из подпольной организации с группой вооруженных рабочих и освободить заключенных, а две роты солдат и батарея — занять южную окраину города, чтобы дать возможность освобожденным из тюрьмы уйти через сады и Новопромысловую гору в ущелье, а оттуда в Чечню. Краснопартизанский отряд в эту ночь должен подойти к городу на соединение с восставшими. В то время как грозненцы начнут в городе восстание, партизаны будут наступать на город со стороны Новых промыслов. Сигналом начала восстания послужит зажженный резервуар с нефтью и два разрыва бомб.

Во второй половине дня 20 декабря у Гикало собрались Носов, Красноплахтин, Кирисенко и Ляшенко, чтобы еще раз внимательно обсудить все вопросы, связанные с предстоящим походом отряда на Грозный. Следовало за ночь пройти более 30 верст (к этому времени отряд спустился севернее села Чишки в ущелье) и перед рассветом подойти к городу. Такой переход плохо одетого отряда в морозную декабрьскую ночь был очень трудным делом.

Отряд мог попасть в мешок. И в этом мешке была только одна надежная поддержка — аул Гойты и находившаяся в нем революционная сотня Абдул-Решида Исаева. В памяти — февральский разгром под Ассинской. Многому научили и скитания по горам. Делясь своими сомнениями и опасениями, Гикало еще и еще раз проверял и обсуждал с ближайшими своими помощниками мельчайшие детали предстоящего похода.

Морозным вьюжным вечером отряд длинной лентой вышел из аула Дачу-Барзой. В хвосте его, замыкая колонну, двигался обоз в несколько подвод с продовольствием, пулеметами и боеприпасами. На привале Николай Федорович рассказал бойцам о цели похода, о том, какую роль в восстании должен был сыграть своевременный приход отряда, и строго предупредил, чтобы на марше не обнаружить себя — курить осторожно, разговари-

вать вполголоса, чтобы свалиться как снег на голову белым.

Погода, как назло, стояла отвратительная. Когда отряд вышел из ущелья в открытую степь, из тьмы с воем и свистом дул сильный ветер. Налетая леденящими порывами, он пронизывал острыми иглами все тело, пробирался в ветхую одежду, забивал снегом глаза, обжигал и обмораживал лица и уши. Люди растирали их руками, а мокрые руки быстро мерзли и коченели. Глаза елипались, плохо слушались ноги. Люди шли против ветра, низко опустив головы. Каждый шаг пути стоил больших усилий. Шли тихо, всматриваясь в едва различимые в снежной пурге спины идущих впереди и остерегаясь, чтобы не упасть в какую-нибудь яму или снежный сугроб. Едва были слышны тяжелые срывающиеся шаги, прерывистое дыхание и хрустевший под ногами снег. В этой напряженной тишине как-то сильно клонило ко сну. Хотелось лечь на снег, согреться, поспать. Особенно трудно было трогаться после очередного привала. Но каждый понимал, что самое страшное было остановиться, свернуть в сторону или во время привала заснуть. Остаться одному в крошечной темноте в завьюженной степи — значило потеряться, погибнуть. И, преодолевая холод и усталость, отряд настойчиво продолжал путь.

К исходу ночи каждый из нас чувствовал смертельную усталость от длинного трудного пути, от бессонницы, от долгой борьбы с выюгой. Но когда, подходя к цели, начали спускаться в балку, идущую от алдынского кладбища, усталость странным образом прошла. Видимо, сказалось огромное нервное напряжение.

После подхода к городу прошло уже больше двух часов. Рассвело. Ветер немного приутих. Землю окутал густой туман. Условленных сигналов все не было. Не случилась ли беда, недоумевал Гикало, досадуя на задержку и тревожась за успешный исход всей операции. Ведь чем дольше находится отряд в бездействии в непосредственной близости от города, тем больше опасений, что он будет обнаружен, окружен, и тогда трудно рассчитывать на возможность выбраться отсюда.

Гикало распорядился организовать разведку на Новопромысловую гору. Мы с командиром разведки Иваном Григорьевичем Лукьяненко, со взводом бойцов и звеном связистов, всего около 30 человек, отправились вверх

по дороге на Новопромысловую гору. Следом тоненькой змейкой потянулся полевой телефон. Изредка тишину в молочно-мутном тумане нарушал размеренный стук нефтяных качалок. Впереди показалось здание. Это была контора промыслового участка. Когда мы вошли в нее, несколько человек служащих со страхом смотрели на группу людей чуть ли не в лохмотьях с красными лентами на шапках. На команду Лукьяненко «Ни с места!» один из них трясущимися руками начал снимать с себя ту-журку, приговаривая: «Сейчас, я сейчас». Видимо, он решил, что мы хотели чем-либо поживиться. Это так возмутило командира разведки, что, несмотря на присутствие в комнате двух женщин, он не удержался: «Что же ты, гад, думаешь, что мы грабить вас пришли? Шлепнуть бы тебя следовало! Мы — гикаловцы, и нам твоё барахло ни к чему! Говори — на промыслах есть беляки?» Тип, — видимо, начальник участка — испуганно замотал головой: «Не знаю, не видал!»

Мы поняли, что здесь ничего путного не добьемся, и отправились дальше. Пройдя несколько десятков шагов, встретили двух рабочих, которые рассказали нам, что на Новых промыслах находится казачья сотня, и показали направление, где находилась казарма. Накануне им привезли из города два пулемета. На вершине горы находится батарея. Мы пожалели, что не расправились с тем типом, который в конторе обманул нас.

Расставшись с рабочими, вскоре увидели в тумане очертание каменной казармы, возле которой стояли две тачанки, запряженные лошадьми. Разбившись на две группы, окружили казарму. Командир пулеметного отделения Василий Дебелев, распахнув рывком дверь в казарму, направил на растерявшихся казаков ручной пулемет и крикнул: «Ни с места!» При этом он должен был подкрепить свою команду пулеметной очередью, чтобы создать среди белоказачьих панику. Остальные партизаны должны были ружейным огнем поддержать его, чтобы разгромить всю сотню. То ли погорячившись, то ли растерявшись, Дебелев выстрела не сделал. Этим воспользовался лежавший на нарах среди казаков сотник, который с криком «В ружье!» схватил ближайшую винтовку и выстрелил в Дебелева. От пули, попавшей в пулеметный диск, разорвалось несколько патронов, Дебелеву оторвало два пальца, и он беспомощно опустил пулемет. Об-

становка осложнилась. В то время как с противоположной стороны наши товарищи вели обстрел казармы, мы, оттащив Дебелева, отбежали от казармы и залегли в 25—30 шагах от нее в небольшой канаве. А прямо на нас уставилось дуло станкового пулемета, который казаки подкатили к двери.

Первыми очередями были убиты два и смертельно ранен в живот третий партизан. И вдруг случилось неожиданное — пулемет, не дававший возможности нам даже голову поднять, замолчал. Воспользовавшись этим, мы стали усиленно обстреливать казарму. Потеряв поддержку пулеметом, казаки начали разбегаться, выскакивая из окон казармы. Двадцать шесть казаков и сотник были убиты. Захватив казарму, мы взяли пулемет, в стволе которого оказалась разорванная гильза, одиннадцать пулеметных лент, 22 винтовки и большой ворох теплой одежды.

Услышав перестрелку на промыслах, командование белых направило туда из города подкрепление. Туман начал рассеиваться, но снег продолжал идти. В городе по-прежнему было тихо. Встревоженный этим, Гикало приказал нашей группе немедленно возвращаться. Стало очевидным, что восстание не удалось. При таком положении оставаться под городом дальше было нельзя. Забрав с собой убитых и раненых, отряд стал отходить в горы. Надо было ждать, что командование белых, узнав о появлении на промыслах партизан, примет меры к тому, чтобы не пропустить их назад в горы, постарается задержать отряд при помощи реакционной части населения аулов Алды и Старые Атаги. Учитывая это, мы от промыслов повернули вправо, чтобы подальше уйти от Старых Атагов, и направились к аулу Гойты, а оттуда на хутор Алхазурова.

На подходе к Гойтам мы увидели большое скопление вооруженных чеченцев. Подскакавшие к Гикало три гойтинца сообщили, что деникинское командование под страхом сожжения аула предупредило их, чтобы они не пропускали гикаловцев в горы. Поэтому, пока мы будем проходить мимо аула, они поднимут стрельбу, будто отряд с боем пробился через Гойты. Так и сделали. Когда уставшие от длинного перехода и подавленные неудавшимся восстанием партизаны проходили мимо аула, гойтинцы подняли такую ожесточенную стрельбу, что со

стороны действительно можно было подумать, что между ними и партизанами разгорелся сильный бой. К сумеркам мы добрались до хутора Алхазурова. Прошел день. Связи с Грозным установить пока не удалось.

Что же произошло? Почему восстание не имело успеха? Из сообщений, полученных от Червякова, Ивченко и Привалова и перебежавших из города товарищей, выяснилось, что еще за день до восстания не удалось уточнить отношение к нему инженерного батальона. Эта часть располагала значительным количеством военной техники, и позиция ее имела весьма важное значение для успеха восстания. Поэтому было решено на два дня отложить восстание. Об этом Червяков послал связного предупредить отряд.

Деникинское командование, располагавшее к тому времени сведениями о готовящемся в Грозном восстании, приняло ряд дополнительных мер. В частности, закрыло своими постами все выходы из города, чтобы не допустить связи подпольщиков с партизанами. Наш связной, 16-летний подросток Миша Суханов, был задержан белогвардейской заставой на выходе из города. Для проверки его заявления о том, что он шел к знакомому чеченцу за продуктами, его отправили в комендатуру, поэтому он не смог передать отряду сообщение об отсрочке восстания и уведомить об этом пославших его товарищей. Узнав о том, что партизаны 21 декабря подошли к городу и ведут бой на Новых промыслах, организаторы восстания расценили это как разведку боем, как стремление гикаловцев отвлечь на себя силы белых и тем самым поддержать, облегчить восстание. Они, не дождавшись решения инженерного батальона, в ночь на 23 декабря начали восстание.

Около трех часов ночи, имея гарнизонный пропуск, группа восставших в несколько десятков человек без осложнений овладела батареей и вместе с присоединившимися к ним батарейцами двинулась к тюрьме. Раздались выстрелы рассыпавшихся у стен тюрьмы солдат караула, которые по мере приближения повстанцев, изредка отстреливаясь, один за другим отходили от тюрьмы. Ворвавшись в тюрьму, участники восстания освободили около 600 заключенных.

В это время другая группа восставших со стороны городского сада начала обстрел здания контрразведки, по-

мещавшейся в доме Нахимова (угол улиц Красных фронтовиков и Полежаева). Все чаще стала раздаваться винтовочная, а затем и пулеметная стрельба, которая временами сливалась в сплошной гул со стороны Баро-новского моста и бани Андреева. Были выведены из строя электрическая и телефонная сети. Город оказался в темноте и без связи. Деникинцы не могли сразу определить, где и какие необходимо принять меры.

Восставшие сделали несколько орудийных выстрелов и выпустили пулеметные очереди. Но на окраинах было по-прежнему тихо. В ожидании условленного основного сигнала — зажженного резервуара с нефтью, который все не появлялся, — окраина молчала. Стал очевидным срыв плана восстания. Собравшимся у тюрьмы отдельным группам, выполнявшим специальные задания, всем участникам восстания и освобожденным из тюрьмы оставался единственный выход — уходить в горы. Часть освобожденных решила укрыться в городе. Остальные направились к южной окраине.

Белогвардейское командование, ожидавшее со дня на день восстания и напуганное событиями предшествовавшей ночи, когда к городу подошли гикаловцы, привело в состояние боевой готовности войсковые части, установило в домах против мостов и на главных улицах заставы с пулеметами, сосредоточило главные свои силы на выходах из города в сторону Новых промыслов и Ханкальского ущелья.

Среди заключенных в тюрьме оказался предатель офицер Алексей Нечволод, который, отбывая наказание под арестом за должностной проступок, представился, что он арестован по политическому обвинению. По освобождении тюрьмы восставшими он немедленно сообщил деникинскому командованию известные ему намерения восставших. Весь город был оцеплен казаками.

Когда восставшие и освобожденные из тюрьмы, подавляя заставы белых, подошли к мельнице Баширова, их встретили огнем из винтовок и пулеметов белоказаки и солдаты гарнизона. Часть освобожденных из тюрьмы и большинство участвовавших в восстании, отстреливаясь на ходу, стали отходить к городу. Но значительная группа сумела все же пробраться под покровом темноты в район бывшего монастыря, кладбища и в сады.

К утру восстание было полностью подавлено. Началась жестокая расправа деникинцев с участниками восстания и всеми подозрительными лицами, повальные обыски и аресты. Хватали без разбора, нередко совершенно невиновных и ничего не знавших людей. Стоило кому-либо для сведения личных счетов указать на своего противника, как на участника восстания или сочувствующего красным, и тот немедленно оказывался в тюрьме. Рассвирепевшая контрразведка пыталась получить сведения даже у детей, используя приманки. Особенно бушевал разгул белогвардейцев на рабочих слободках, где арестованных иногда без всякого суда и следствия расстреливали прямо на улице.

Арестованных в контрразведке избивали до полусмерти, во время пыток вырывали ногти из пальцев, сажали на раскаленную плиту или под ноги ставили жаровню с горящими углями, пороли горячими шомполами, отрезали носы, уши и конечности, вешали, расстреливали, а затем мертвых, нередко со следами страшных пыток на теле, для острастки горожан вешали за шею, вверх ногами, прибивали гвоздями к телеграфным столбам на центральных улицах города. Все эти зверства имели своей целью еще больше запугать жителей города, подавить всякое проявление недовольства, попытку протеста. В обстановке разнузданного белогвардейского террора участники восстания и освобожденные из тюрьмы выбирались из Грозного, укрывались в садах, разбегались и прятались в подвалах и на чердаках домов, на сеновалах, всюду, где можно было надеяться спастись от деникинцев.

В первый же день подавления восстания были повешены и расстреляны 79 человек, которых затем развесили по городу. Среди них участники городской подпольной большевистской организации Конон Лозовацкий — его повесили на улице Дворянской (ныне Ленина), Фома Привалов, Сергей Усков, Захар Чернышев и другие. А всего после восстания были повешены и расстреляны свыше 200 человек. Но все же 317 человек участников восстания, убежавших из тюрьмы, и солдат грозненского гарнизона сумели при помощи чеченцев пробраться из города в отряд. В их числе Иван Червяков, Владимир Ивченко, бывший прапорщик Николай Пономарев, Асеева, осужденная вместе с мужем к смертной казни, уча-

стник стодневных боев Горбатенко, которого белые уже один раз расстреливали и закапывали в землю, но он выжил и снова попал в тюрьму. Многие пришедшие из города товарищи в последующем активно участвовали в деятельности отряда, в вооруженной борьбе против белых.

Восстание в Грозном не удалось. Но оно сыграло свою роль — задержало в Грозном крупные силы белых, крайне нужные деникинскому командованию на фронте.

Никакие меры, принимавшиеся белыми после восстания, зверства, жестокости уже не могли остановить нараставшую ненависть грозненцев к белым, подавить крепнувшее стремление трудящихся города освободиться от деникинщины.

ВОЗДВИЖЕНСКИЙ БОЙ

Наступил 1920 год. Вооруженные силы Советской России, разгромив на востоке армию Колчака, северо-западную белогвардейскую армию Юденича, белоэмигрантов и англо-американских интервентов на севере, вели решительное наступление на Южном фронте против добровольческой армии генерала Деникина. Уже был освобожден Донбасс. В первой половине января белые оставили Ростов, Царицын (Волгоград) и начали стремительно откатываться на юг.

В условиях успешного наступления Красной Армии на юге необходимо было всеми мерами ослабить силу сопротивления деникинской армии, дезорганизовать тыл последней, удержать возможно большее количество белогвардейских воинских частей в бездействии, помешать де-

никинцам и панически убегавшей буржуазии удрать в Закавказье.

Широкие размеры приняло общее недовольство не только населения городов, жителей гор, но и значительной части населения казачьих станиц области, исключая явно контрреволюционные Ермоловскую и Романовскую станицы. По мере наступления советских войск дезертирство из рядов добровольческой армии приняло массовый характер. Мобилизованные деникинским командованием горцы частью переходили на сторону наступающих частей Красной Армии, частью самовольно снимались с позиций и отправлялись в свои селения и аулы. Массами стали уходить с фронта и казаки. Станицы Сунженской линии были забиты фронтовиками-дезертирами. Казаки-фронтовики, испытав горечь поражений, гибели многих одностаничников и бесправного подчинения казачье-офицерской верхушке, несли с собой недовольство безнадежной жестокой войной со своими же братьями-русскими. В то же время пожилые казаки войну против большевиков, против «москалей» продолжали считать делом чести и долга казаков в борьбе за свои права и привилегии. По горькому признанию самого генерала Деникина, «с возвращением казаков в родные края... началась трагедия казачьей жизни в семье. Выросла непреодолимая стена между «стариками» и «фронтовиками», дети восстали против своих отцов...» Активизировались краснопартизанские отряды в горах Кавказа и в районе города Кизляра, подпольные группы на занятой деникинцами территории.

Имело значение и то обстоятельство, что нараставшие между Деникиным и казачеством разногласия приняли характер открытой вражды. Разумеется, и Деникин, и Кубанская Рада были для нас врагами, но тем не менее вражда между ними была выгодна для успеха борьбы против южной контрреволюции.

Все это создавало благоприятные условия для всеобщего вооруженного восстания против власти белых. При этом учитывалось, что известная часть горцев все еще находилась под влиянием Северо-Кавказского эмирства. Поэтому важно было всех сторонников Советской власти организованно противопоставить этому влиянию. Вместе с тем с приближением окончательного поражения деникинской армии возникала серьезная опасность, что контр-

революционные элементы могут провокационно толкнуть горцев на междоусобную войну, на разгром казачьих станиц. Об этом свидетельствовали становившиеся известными штабу отдельные факты, а в последующем и сообщения национальных ревкомов. Так, бывшему начальнику станции Беслан Сизмазову и председателю ревкома селения Тулатово Кумаеву через одного из жителей селения Зильги стало известно, что якобы получено из штаба Гикало предписание селению Зильги напасть на станцию Беслан и прилегающее к нему селение Тулатово. Возникновение осложнений на почве национальной розни и жажды мщения могло серьезно затруднить все дело борьбы против деникинцев.

Одна из важнейших задач деникинского командования в то время — обезопасить дороги отступления в сторону Баку и Тифлиса. Поэтому наибольшее внимание оно обращало на Грозный и Владикавказ (ныне Орджоникидзе), прикрывавшие пути отхода в Закавказье.

В этих сложных условиях необходимо было объединить все революционные силы, создать единую военную и политическую организацию, способную организовать борьбу с белыми, с националистической реакционной верхушкой горцев и подготовить условия для восстановления в области Советской власти, для успешного мирного строительства. Решением Кавказского краевого комитета партии и командования 11-й Красной Армии все партизанские отряды Терской области были объединены в Терскую областную группу красных повстанческих войск.

Перед штабом группы были поставлены задачи — вести активную боевую разведку и контрразведку; вести работу по разложению частей противника; реорганизовать партизанские отряды применительно к условиям частей и подразделений Красной Армии и создавать новые; в районах, занятых повстанческими отрядами, организовывать органы Советской власти, вести среди населения области политическую работу, подготавливая условия для успешного восстановления Советской власти.

Приказом Реввоенсовета 11-й армии командующим группой был назначен Николай Федорович Гикало, до этого фактически руководивший всеми партизанскими отрядами области. А 5 февраля 1920 года он был утвержден военно-политическим организатором в Грозненском и Владикавказском округах. В помощь ему была прислана

группа политических и военных работников и крупная сумма денег.

24 января 1920 года был создан штаб группы, назначены начальником штаба — командир Красной Армии Султан Дудаев, административного отдела — Михаил Мордовцев, снабжения — Николай Гусев и я — секретарем штаба. Для ведения политической работы среди партизан и населения был создан политотдел группы во главе с Александром Федоровичем Носовым, который немедленно установил связь с начальником политотдела Кавказского экспедиционного корпуса 11-й армии Хаджи-Муратом Мугуевым. На соединение с Кавказским экспедиционным корпусом 25 января был направлен чеченский краснопартизанский отряд под командованием Абдул-Решида Исаева. А с первых дней февраля была установлена с корпусом еженедельная связь.

Тыловой базой группы по-прежнему оставался Шатой. Там находились госпиталь, склады, мастерские, хозяйственные подразделения штаба, запасная рота численностью свыше 500 человек и команда выздоравливающих.

Войска повстанческой группы превратились в мощную силу, с которой уже не могли справиться тыловые части Деникина. Командование добровольческой армии вынуждено было снимать с фронтов целые полки и бросать их против партизан. Наибольшее внимание при этом обращалось на Грозненский район. Пролетарский Грозный всегда доставлял белым немало беспокойств и хлопот. Рост революционных настроений, недовольство и враждебное отношение к добровольческой армии неизбежно в той или иной мере передавались и солдатам гарнизона. Непрекращавшаяся вооруженная борьба горцев, активные действия краснопартизанского отряда, рост его влияния на трудовые массы города и горских народов, свидетельством чего было декабрьское восстание в Грозном, вызывали серьезную тревогу и озабоченность деникинцев. Командование деникинских войск решило разгромить большевистский центр в области — штаб группы и краснопартизанский отряд в Чечне, являвшийся основным костяком группы и представлявший для деникинцев наибольшую опасность.

26 января 1920 года отряд, состоявший преимущественно из грозненцев, был переформирован в первый сводный батальон трехротного состава в количестве 560 строевых бойцов. Батальону была придана вновь организованная ударная рота численностью в 132 человека, включавшая в себя также два взвода пеших и конных разведчиков. У роты, помимо винтовок, на вооружении были четыре станковых пулемета. Командиром батальона назначен Николай Краснопахтин, его помощником — Дмитрий Смирнов, который 5 февраля стал политическим комиссаром батальона, адъютантом — Георгий Комаров, командиром ударной роты — бывший прапорщик Николай Пономарев, бежавший из грозненской тюрьмы во время восстания в декабре прошлого года.

После декабрьского восстания батальон и штаб группы обосновались в слободе Воздвиженской, ставшей кипучим центром борьбы народов Сунжи и Терека против белогвардейцев. Раскинувшаяся на берегу реки Аргуна слобода зажила еще более напряженной и тревожной жизнью, чем после разгрома белогвардейского гарнизона в сентябре 1919 года. Днем и ночью из плоскостных и горных аулов Чечни и Ингушетии, отдаленных сел Осетии и Кабарды, с гор Дагестана, из кизлярских камышей, из Грозного и Владикавказа незаметно или с шумной молодецкой удалью приходили и приезжали разведчики, связные партизанских отрядов и подпольных групп, проводники, перебежчики добрармии, организаторы комитетов и ячеек революционных горцев, коммерческие агенты и посредники. И каждый из них, как правило, всеми мерами добивался встречи обязательно с Гикало, пользовавшимся уважением, авторитетом как среди партизан, так и среди населения Чечни, Ингушетии и Дагестана.

Не дремала и белогвардейская разведка. Она распускала провокационные слухи о положении на фронтах, о гибели отряда, зверски уничтожала бойцов. Деникинское командование, напуганное и озлобленное растущим повстанческим движением в горах Кавказа и на Тереке, отлично знало и правильно оценивало большую организаторскую роль и влияние Гикало в этом движении. Оно помнило Гикало по стодневым боям грозненского пролетариата против контрреволюционных казачьих

банд в 1918 году и знало о большом авторитете Гикало как среди русских, так и среди горцев. Вот почему деникинское командование и его агентура в Чечне всеми мерами старались уничтожить Гикало и тем самым обезглавить повстанческое движение в Чечне. В ход были пущены все средства — от попыток убийства из-за угла до подкупа ближайших соратников и товарищей Николая Федоровича.

От имени Узун-Хаджи настоятельно приглашали Гикало приехать для переговоров в Ведено. А по дороге из Шатоя была устроена засада, которая в течение трех суток безрезультатно ждала проезда Гикало. Предатель Ибрагим Чуликов прислал в штаб группы письмо, в котором предлагал Николаю Федоровичу свидание для решения «весьма важных дел». Это было попросту неуклюжей попыткой выманить Гикало из расположения отряда и ликвидировать его.

Жителям хутора Алхазурова Ама Жамолаеву, Джаба Захараеву и четырем жителям слободы Шатой были обещаны большие суммы денег, если они доставят Гикало живым или мертвым в Грозный.

Командующий деникинскими войсками Южной группы Северного Кавказа генерал Пашковский после грозненского восстания в декабре 1919 года решил добиться этой же цели через Арсанука Саидова и Якуба Самбиева, которым он выдал удостоверение.

Не довольствуясь этим, генерал Пашковский пытался найти предателей и в ближайшем окружении Гикало. В тот же день, 29 декабря 1919 года, он с подобным же предложением обратился к Мордовцеву, направив ему удостоверение.

Но все подлые попытки людей, не признававших ни идей, ни чести, ни совести и элементарной порядочности, привыкших все покупать за деньги, неизменно проваливались. Предатели боялись показываться в расположении отряда, а советские патриоты, которых пашковские и им подобные пытались купить за деньги, обещаниями помилования и чинами, немедленно сообщали Гикало о полученных ими предложениях и передавали документы, подтверждавшие их.

Потеряв в Чечне влияние, белоказаки и местная контрреволюция рядом террористических актов пытались удержать власть в своих руках. Арестовывали боль-

шевиков-чеченцев, их дома уничтожали и сжигали, но все-таки вынуждены были действовать более или менее сдержанно из-за боязни вооруженного сопротивления.

В последние дни января стали все настойчивее слухи о предстоящем наступлении белогвардейцев на Воздвиженскую. Разносимые многочисленными посетителями слободы во все концы гор, эти слухи начали неблагоприятно влиять на общую обстановку повстанческой борьбы. С середины января нашим ежедневным гостем стал деникинский самолет, в ясную погоду по несколько раз в день бомбивший слободу. Правда, толку от него белым было на грош. Вынужденный огнем наших пулеметов держаться на порядочной высоте, он за две недели бомбежек разрушил два дома, поранил двух партизан и трех приезжих чеченцев.

Необходимы были меры, способные хотя бы ослабить, если не ликвидировать, отрицательные последствия провокационной деятельности белых. В конце января, выстроив сводный батальон и находившуюся в слободе кабардино-балкарскую роту, Гикало выступил с сообщением об успешном наступлении Красной Армии, под мощными ударами которой деникинцы на всех направлениях отступают. Он прочитал напечатанную в газете телеграмму ОСВАГа (осведомительное агентство добровольческой армии) о взятии красными войсками Ростова. Партизаны и находившиеся в слободе чеченцы жадно вслушивались в каждое слово командующего. Гикало говорил о том, какое большое значение в борьбе против белых имеет партизанская война на Кавказе. Он говорил о том, что своими активными действиями партизаны Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды и Дагестана заставляют командование белых постоянно держать в тылу значительные силы, крайне необходимые им на фронте. Тем самым они оказывают помощь Красной Армии, а главное — поддерживают у советских людей веру в окончательную победу Советской власти, которая уже близка, которая неотвратима. Свое выступление Гикало закончил призывом усилить борьбу против белогвардейцев, еще более активно совершать нападения на белогвардейские гарнизоны, заставы, посты, разрушать железнодорожные пути и сооружения, средства связи, военные и продовольственные склады, не дать возможности белым уйти

в сторону Дербента и Баку. Многократное «ура» в ответ на призыв командующего ободряюще отозвалось в умах и сердцах горцев, с нетерпением ожидавших прихода Красной Армии.

Близилась к концу ночь на 31 января. Надвинувшийся с вечера туман разошелся, и повалил пушистый, мягкий снег. В глухой темноте потонули дома. В слободе ни огонька, ни звука. Только боевые заставы охраняли безмятежный сон своих товарищей — партизан. Где-то в ауле Старые Атаги закричал петух. Неожиданно перед заставой выросла тень пригнувшегося в беге человека.

— Стой! Кто идет?

— Товарищ, пожалуйста, очень важное, срочное дело, товарищ Гикало есть? Сюда очень много казаки, солдаты идут, много пушки, пулеметы! Совсем близко, около аула Старые Атаги! — так бывший помощник командира староатагинской красноармейской сотни патриот Ноама Тукаев, рискуя жизнью, успел предупредить о наступлении белых.

Гикало приказал Краснопахтину немедленно занять круговую оборону слободы. После этого сопровождаемый своим постоянным проводником и телохранителем Масой Чишкановым, как обычно, вышел во двор умыться. Тревожно просыпалась слобода. С ее южной окраины слышались беспорядочные выстрелы, а немного спустя в предутренних сумерках на площадь, не торопясь, в походном строю вытянулись две сотни казаков. Обойдя в ночной темноте слободу, они спустились к руслу реки и по нему выбрались к центру слободы. Застава из кабардинской роты заметила белых только тогда, когда колонна от русла поднималась в слободу и открыла по ним беспорядочную стрельбу. Убежденные в неожиданности своего прихода въезжавшие на площадь казаки спокойно ждали подхода своих основных сил, чтобы извне и изнутри взять партизан в смертельное кольцо. Поняв нависшую над ними опасность, Гикало вместе с Чишкановым и часовым штаба открыли по белоказакам стрельбу. На звуки выстрелов выбежали мы с товарищем Дудаевым. К нам присоединились выскакивавшие из окон ближайшего дома полтора десятка еще не успевших одеться бойцов команды разведчиков с ручным пулеметом. Одни за другим начали

валиться с лошадей казаки, даже не успевшие приготовиться к сопротивлению.

Воспользовавшись смятением, охватившим белоказачков от неожиданного обстрела, Гикало с криком «ура» поднял свою немногочисленную группу в атаку. Это довершило разгром вражеской конницы. Оставляя на окровавленном снегу убитых и раненых, они обратились в беспорядочное бегство. В числе убитых оказался и подъесаул — начальник казачьего отряда. Из найденной у него записной книжки мы узнали, что на Воздвиженскую наступали пять полков: Ширванский, Апшеронский, 2-й Кизляро-Гребенской, Нижегородский и Александрийский гусарский, каждый численностью не менее 600 человек, два отдельных батальона, четыре батареи, две пулеметные команды и «иррегулярные части чеченцев». Всего 4000 человек. Итак, шестьсот человек при одной 2,5-дюймовой допотопной горной пушке и 14 пулеметах против 4000 солдат с десятками орудий и пулеметов.

На рассвете снежного зимнего утра прогрехотал орудийный залп, за ним другой, третий, белые открыли огонь из всех своих пушек. Все вокруг загремело, загрохотало, задрожала земля. Над линией обороны, в тылу, по всей слободе поднялся неумолчный гул разрывов снарядов, вздымались грязные фонтаны земли со снегом. Со всех сторон затарахтели пулеметы, досадливо пели пули. Белые полукольцом охватили Воздвиженскую, прижав нас к реке Аргуну, и одним казачьим батальоном закрыли подступы со стороны слободы к Шатоевскому ущелью. Вскоре в снежной мгле показалась и наступавшая пехота противника. Особенно упорно и настойчиво лезла она в районе кладбища. Здесь со стороны Старых Атагов наступали главные силы белых. Положение осложнялось тем, что командир ударной роты Пономарев, растерявшись, вопреки приказанию Красноплахтина, расположился со своей ротой не на северной, а на южной окраине кладбища. Кладбище оказалось между нами и наступавшими частями белых. Это давало им возможность скрытно накапливаться в непосредственной близости от нас. Когда сюда подоспели Дудаев и Красноплахтин, поправить положение уже было невозможно. Наступавшие несколькими цепями белогвардейцы прочно закрепились с северной стороны кладбища и обрушили сильный орудийный и ружейно-пулеметный огонь по бойцам ударной ро-

ты. Наконец первая цепь белых, продвигаясь перебежками по кладбищу, близко подошла к насыпи у южного рва. Экономя патроны, партизаны только по команде открыли прицельный огонь, и неприятельская колонна, не выдержав огня, пыталась залечь, затем повернула и отошла назад. Первая атака не удалась. Снова артиллерия белых обрушила ураганный огонь на позиции партизан. Пехота противника опять пошла в атаку и, несмотря на огромное численное превосходство, на пьяное ухарство, вынуждена была, как и в первый раз, отойти к северной окраине кладбища.

Напряжение боя нарастало. Атаки следовали одна за другой со всех сторон слободы. Винтовки и пулеметы работали без устали, замолкая лишь на то время, когда убитых или тяжелораненых партизан заменяли их товарищи. Был убит начальник штаба Дудаев.

В отрядном лазарете лежали десятки человек с простреленными телами, раздробленными и изувеченными ногами и руками, перебитыми ребрами. Врач с двумя сестрами не управлялся с ними, не хватало лекарств и перевязочных средств. Тут же лежали умершие от ран: хоронить их было некогда и некому. Легкораненые не уходили с позиций.

Гикало отдал приказание попытаться вывезти раненых из слободы через Аргун. Но стоило только первым подводам спуститься к реке, как с правого берега густым роем зажужжали и запели пули. Это открыли огонь «иррегулярные части чеченцев» — реакционные банды под командованием шалинского пристава Шахида Борщикова, которые замыкали кольцо окружения слободы.

Восьмой час шел ожесточенный бой. С беспримерным мужеством и стойкостью дрались партизаны, отражая следовавшие одну за другой атаки врага. Многие сотни убитых солдат и казаков лежали на подступах к слободе, а белогвардейцы, озлобленные героической стойкостью партизан, снова и снова поднимались в атаки. Но ни разу им не удалось сбить защитников слободы с занимаемых ими позиций. В самых опасных местах неизменно появлялся на своей светло-серой кобылице Гикало. Его присутствие воодушевляло партизан, придавало новые силы, вселяло веру в благополучный исход. В то же время верхом на коне он служил прекрасной

мишенью врагу. Партизаны понимали это и настойчиво, подчас даже резко убеждали его уезжать с открытых участков. После одного такого настоятельного требования бойцов Гикало немного отъехал; на том месте, где он только что находился, разорвались два вражеских снаряда.

Все ошутимее становилось большое неравенство сил. Давно беспомощно замолчала наша мортирка, вообще неспособная причинить врагу сколько-нибудь ощутимый урон, если не считать шума и грохота вылетающих из нее снарядов. От непрерывной стрельбы и неприятельского огня один за другим выходили из строя пулеметы. Из обоза и лазарета, отовсюду, что называлось тылом, все способные носить оружие были на передовой; все до последней винтовки и последнего патрона было отдано на боевые участки. Были исчерпаны все резервы. Посыльные возвращались на передовую уже без патронов, с пустыми руками. На вопрос: «Что же делать — нет патронов», с которым посыльные обращались к Гикало, они слышали в ответ: «Остается одно — до последнего патрона драться и с честью умереть!» Люди понимали обреченность своего положения, знали, что помощи ждать неоткуда, и у каждого было только одно желание — как можно дороже отдать свою жизнь.

Гикало решил снять часть бойцов с передовой и выдвинуть их в сторону гор к ущелью, чтобы попытаться сбить казачью заставу с пути отступления в горы. Неожиданно со стороны ущелья раздалась дробная беспорядочная ружейная стрельба, и в слободу вскоре наметом въехали несколько десятков горцев. Оказывается, накануне в Дуба-Юрт, расположенный в 10—12 верстах южнее Воздвиженской на правом берегу Аргуна, прибыл с тысячным эмирским войском Дышнинский. Услышав со стороны Воздвиженской артиллерийскую стрельбу, несколько чеченцев во главе с инспектором артиллерии эмирства Мазлаком Ушаевым обратились к Дышнинскому с требованием помочь гикаловцам. Получив категорический отказ, Ушаев и его товарищи поняли, что Дышнинский хочет руками белогвардейцев разделаться с ненавистным ему краснопартизанским отрядом и его руководителем.

Командование деникинских частей знало, что находившийся в Дуба-Юрте Дышнинский со своим войском не

пойдет на помощь гикаловцам. Задача казачьего батальона, который в начале боя занял позицию при входе в ущелье, состояла в том, чтобы не допустить партизан прорваться из слободы в горы. И совершенно неожиданно в снежной мгле из ущелья послышался стремительный конский топот. Вслед за ним в развезавшихся на скаку бурках, стреляя на ходу, с криками «ал-л-л-а! яа-л-л-а!» выскакивали всадники. Белоказаки этого никак не ожидали, — значит, Дышинский обманул и со своим войском пошел на выручку гикаловцам? А у него тысяча конников. И, напуганные мчавшимися на них всадниками, они не пытались даже оказать сопротивление, не принимая боя, трусливо удрали с занятой позиции.

Дорога в ущелье свободна! И как вовремя! К этому моменту у нас все пулеметы, за исключением одного, замолкли, вышли из строя, бойцы продолжали отбиваться от наседавших белых последними считанными патронами. Теперь все усилия Гикало были направлены на то, чтобы вывести отряд из слободы, пока деникинцы соберутся с силами и попытаются вновь закрыть путь в ущелье.

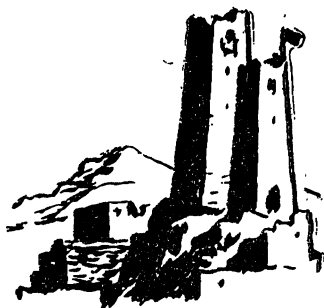
Продержались еще ровно столько времени, сколько потребовалось для того, чтобы вывезти тяжелораненых. Близились сумерки короткого зимнего дня. Отряд в этом бою потерял несколько десятков человек убитыми.

Измученные невероятным напряжением неравного боя, усталые, но полные боевого духа бойцы отряда медленно отходили к ущелью, отходили не побежденными, а победителями. Деникинцам не только не удалось разгромить и уничтожить отряд, но они оказались не в состоянии даже сломить его боевой дух.

Слобода уже осталась далеко позади, а неприятель все еще продолжал вести по ней огонь. Постепенно стрельба стала затихать, а спустя еще некоторое время слобода запылала со всех сторон десятками горящих домов. Потеряв свыше тысячи человек убитыми и ранеными, деникинцы в бессильной злобе сожгли Воздвиженскую. На преследование уходившего в горы отряда у них не хватило смелости, и они поспешили возвратиться в Грозный.

Вместо трофеев, пленных партизан они увозили убитых и раненых солдат, казаков и офицеров, и долго в зимний январский вечер по улицам Грозного тарыхтели

повозки, на которых лежали тяжелораненные и наспех прикрытые соломой убитые деникинцы. По заявлению самих деникинских офицеров, в тот день они увезли из Воздвиженской убитых и раненых на 107 повозках.

ПОРАЖЕНИЕ ДЫШНИНСКОГО

Длинной молчаливой лентой подтягивались к ущелью голодные, измученные напряжением только что закончившегося боя партизаны, готовые к новой схватке с белыми, если бы они вздумали преследовать отряд. От сознания того, какой дорогой ценой досталась деникинцам Воздвиженская, была не легче тяжесть утраты своих товарищей. Не стало такого смешливого Феди Колоскова, не будет надоедать своими вечными жалобами на непрочность нашей противостурмовой мортиры богатырской силы и сложения артиллерист Афанасий Костин, не услышишь меткой прибаутки или «горячего до слез» анекдота сутулого, в громадной не по росту гимнастерке белобрысого Кости Завалишина. Не было многих из тех, с кем прошли долгий и тяжелый путь от Грозного, с кем во вьюжные декабрьские ночи своими телами согревали друг друга и делились последним куском мерзлого, сухого хлеба. Изредка слышались хриплые, натруженные голоса:

— Ну вот Костя и отговорил свое! Я часто называл его трепачом, а он дрался геройски, дай бог каждому! — шумно сопя носом, медленно говорил боец Игнатов.

— Многих нет, особенно из ударной, — словно оправдываясь, плотнее запахивая дырявую шинель, сказал ставрополец Усов.

— Нет, что ни говори, а если бы Пономарев со своей ротой сдуру не запрятался по эту сторону кладбища, мы бы белякам не такого духу дали! — после напряженного молчания, махнув рукой, отрывисто бросил разведчик Кириленко.

Короткий зимний день приближался к концу. Деревья в пышных шапках снега глухо шелестели низко склонившимися ветвями. Ветер поднимал еще не слежавшийся снег, который, кружась поземкой, вихрил, наметая курящиеся снежной пылью бугорки. Возбуждение недавнего боя постепенно стало проходить. Люди начинали чувствовать, что они голодны. Ощутимее становился крепчавший мороз, забиравшийся все глубже под нехитрую партизанскую одежду.

— Хоть бы скорей добраться до какого-нибудь жилья!

— Ну, ничего, бог даст, и на нашей улице будет праздник!

— Какой тут в чертях бог? Был бы тебе бог, если бы чеченцы не помогли!

— Говорят, смелых и смерть боится. Все это брехня. Уж таких смелых ребят, как расчет третьего пулемета, поискать надо, а ни один из пяти не уцелел. Нет, видно, от судьбы не уйдешь!

— Судьба судьбой, а когда они, гады, перли, как ошалелые, не считаясь ни с чем, тут надо было жизнью расплачиваться, чтобы товарищей не подвести!

Люди шли медленно, едва переставляя ноги, как будто каждый тащил на себе огромный груз. Поддерживаемые товарищами, шли раненые с белевшими на головах и руках окровавленными повязками.

Навстречу отряду из ущелья показалась голова медленно двигавшейся большой конной колонны войск Узун-Хаджи. Впереди, в окружении своей свиты, ехал Дышнинский. За ним — эмирский штандарт и вычурные, блестящие, отделанные пушистыми хвостами регалии великого визиря.

Поравнявшись с ехавшим впереди. отряда Гикало, Дышнинский остановился и после взаимных приветствий, с явной издевкой, предложил сообща преследовать деникинцев. Николай Федорович, едва сдерживая свое возмущение, ответил:

— У вас достаточно людей и оружия, чтобы сделать это самим. Мои люди сильно устали и не в состоянии вести преследование. Желаю вам успеха!

Но Дышнинский вовсе и не собирался преследовать деникинцев. Подождав, пока партизаны вошли в ущелье, он повернул свою конницу с пушками и пулеметами и пошел следом примерно на расстоянии одного-полутора километров. Отряд остановился на ночлег у аула Чишки. Сохраняя дистанцию, Дышнинский со своим войском сделал то же самое. На следующий день он продолжал неотступно следовать за отрядом. Это уже вызывало серьезное беспокойство. На подходе к Шатою Гикало передал по отряду приказание — при вступлении в крепость занять все сохранившиеся крепостные здания. Как бы Дышнинский не сообразил сделать то же самое и не опередил нас!

Последние сотни шагов. Как будто и не было устало-сти — бойцы стремительным бегом преодолевают их. Дышнинский с опозданием повторил этот маневр. Когда эмирское воинство на рысях въезжало в Шатой, из окон зданий крепости их встречали торжествующие и насмешливые лица бойцов нашего отряда.

Дышнинский рассчитывал, что белые, во много раз превосходившие отряд численностью и вооружением, уничтожат краснопартизанский отряд, избавят его наконец от ненавистных большевиков, от их «губительного влияния» на горцев. Но Воздвиженский бой нанес сокрушительный удар предательским расчетам Дышнинского и его окружения.

Краснопартизанский отряд в бою под Воздвиженской «выказал беспримерную по отваге, высокоревOLUTIONно-му сознанию бойцов мощь и революционную силу пролетарской семьи... Этот бой и сознательное поведение каждого в отдельности бойца покрыл 1-й сводный красноармейский батальон незабываемой славой в истории революции на Северном Кавказе» (из приказа № 7 от 4 февраля 1920 года по группе повстанческих войск).

Сообщая грозненской подпольной организации о Воздвиженском бое, Гикало писал: «Бой в слободе Воздвиженской не только не расшатал нас, но, наоборот, укрепил. Отряд в боевом, политическом отношении вышел из него еще более закаленным и боеспособным».

Прямым следствием Воздвиженского боя явилось не ослабление влияния краснопартизанского отряда, не свертывание, а, наоборот, активизация партизанского движения в Терской области, дальнейшее укрепление интернациональной дружбы и связей между русскими рабочими и крестьянами и трудящимися горцами Северного Кавказа.

Предусмотрительность Гикало разрушила все расчеты Дышнинского, который решил любыми мерами разделиться со стоявшим поперек его дороги отрядом. То, чего не сумели добиться деникинцы в бою под Воздвиженской, он решил сделать в Шатое. Верные нам товарищи — чеченцы, находившиеся в частях Дышнинского, сообщали о том, что Дышнинский готовится обезоружить отряд и таким образом ликвидировать его как боевую единицу. Сделать это, когда отряд находился в крепостных зданиях Шатоя, было нелегко. Вот почему Дышнинский как главнокомандующий всеми вооруженными силами эмирства приказал Гикало освободить крепостные здания для размещения прибывающих в Шатой частей эмирства».

Не считая возможным вступать в открытый конфликт с Дышнинским, Николай Федорович дипломатично ответил, что «крепостные здания будут освобождены немедленно, как только восстановят казармы, разрушенные жителями Шатоя и окрестных хуторов». А от этих зданий осталась лишь часть фундаментов.

Между Дышнинским и штабом группы развернулась ожесточенная политическая борьба за массы. Дышнинский начал выпускать воззвания к горцам, в которых, взывая к их национальным чувствам, писал, что наступило время поставить по-настоящему вопрос о независимости чеченского народа. При этом он объявил, что эмирство должно бороться с белым и красным крестом, совершенно недвусмысленно намекая, что пора разделиться с нашим отрядом. Эти воззвания распространялись в Шатое и в ближайших аулах и хуторах.

Штаб группы в свою очередь широко разъяснял населению цели и задачи краснопартизанского отряда и итоги Воздвиженского боя. Прошли пять тревожных дней. Вместо отдыха после боя и перехода из Воздвиженской бойцы отряда вынуждены были сутками бодрствовать, нести усиленную охрану.

Вечером шестого февраля Гикало приказал вызвать командный состав. Собрались Носов, Мордовцев, Красноплахтин, Назарбек и Заурбек Шериповы, Ахтаханов, Шуляк, Ляшенко, Кравцов, командиры рот и другие активисты отряда и штаба группы. Судя по царившей в Шатое тревожной обстановке, все понимали, что предстоит серьезный разговор. Николай Федорович вошел, как всегда, спокойный, пригласил всех сесть, сам сел за стол, поправил очки и как-то сразу посуровел и хрипловатым голосом коротко рассказал собравшимся о намерениях Дышнинского. Закончил он свое сообщение вопросом:

— Будем ждать, когда Дышнинский обезоружит отряд, или сами обезоружим Дышнинского?

Возбужденно, без всяких колебаний, все высказались за второе предложение. Помолчав, Николай Федорович сосредоточенным взглядом обвел лица своих соратников и сказал, как обычно, почти не повышая голоса:

— Не забудьте, товарищи, о той огромной ответственности, которую мы с вами берем на себя этим решением. Чеченцы оказали нам гостеприимство. Мы здесь гости. И мы на чеченской земле решаем обезоружить чеченскую армию. Правда, шатоевцы нам верят, а Дышнинского ненавидят и презирают. Но мы должны помнить и о том, что Шатой — это еще не вся Чечня, что за Узун-Хаджи — охваченная религиозным фанатизмом и националистической пропагандой еще значительная часть Чечни и Дагестана. Чеченская реакция обязательно использует этот факт для того, чтобы восстановить против нас малосознательных, опутанных обычаями, предрассудками и ненавистью к виновникам своего бесправия горцев. И все-таки я согласен с вами. Если мы разоружим Дышнинского, мы покажем нашу силу, ободрим сочувствующих нам, заставим контрреволюцию прижать хвост. А с Узун-Хаджи постараемся договориться, не ссориться!

В глазах командующего при этих словах зажегся тот огонек уверенности и решительности, которым он в критические минуты поднимал бойцов на решающий удар. Как правило, Гикало был тем спокойнее, тем ровнее в обращении с людьми, чем более напряженной была обстановка. Он изложил план проведения операции, который предусматривал захват артиллерии и пулеметов эмирства и арест самого Дышнинского. Гикало преду-

предил присутствовавших, что все это должно быть выполнено до рассвета, чтобы можно было рассказать жителям Шатоя и окрестному населению о необходимости этих мер.

В ту холодную, морозную февральскую ночь в крепости и слободе стояла обычная тишина. Ничто не говорило о том, что через несколько часов будет проведена дерзкая по замыслу и по значению операция. Как обычно, в домах, где размещались партизаны, мерцали одиночные огоньки. Пригласив к себе Красноплахтина, Мордовцева и командиров рот, Гикало вместе с ними еще раз подробно разобрал план операции.

К двум часам ночи подошли несколько групп верных нам чеченцев. Часть их после короткой беседы разъехалась по окрестным хуторам, чтобы подготовить горцев к событиям этой ночи и пригласить в Шатой их представителей. Остальные в пять часов утра отправились с командирами рот. Под покровом темноты бесшумными тенями направились группы партизан с чеченцами, предводительствуемые М. Ушаевым, к местам расположения эмирских орудий и пулеметов. Без шума и неприятностей были обезоружены и сняты часовые. Увидя вместе с инспектором артиллерии эмирства и другими знакомыми им чеченцами русских партизан, растерянные и недоумевающие эмирские артиллеристы и пулеметчики не оказали никакого сопротивления. Узнав, что Дышнинский хотел столкнуть их с гикаловцами, к которым они относились дружелюбно и с уважением за мужество и храбрость, они безоговорочно сдали орудия, пулеметы, зарядные ящики, пулеметные ленты и запасы патронов. Было отобрано также оружие, которое Дышнинский захватил после боя, воспользовавшись тем, что часть обоза отряда при отступлении застряла в лесу и осталась без охраны. Чеченцы-часовые только попросили оставить им их винтовки и кинжалы. Просьба эта была удовлетворена, и обе стороны довольные, что все так хорошо и мирно закончилось, дружелюбно разошлись.

Ночную тишину нарушили артиллерийские выстрелы и пулеметные очереди. Это были условные сигналы, созывавшие шатоевцев и жителей окрестных аулов и хуторов. Со всех концов слободы, с ближайших хуторов и аулов шли и съезжались на площадь горцы. Толпа стано-

вилась все гуще, плотнее, и в предрассветных сумерках уже вся площадь гудела огромной массой людей.

На митинге с горячей речью выступил Гикало.

Он рассказал о предательской роли Дышнинского, который в сговоре с деникинцами, генералом Алиевым, Чуликовым, Дубаевым и другими контрреволюционерами стремился подавить борьбу горцев против белоказачков и уничтожить верных защитников горской бедноты — русских партизан.

Собравшаяся на площади масса людей громкими криками высказывала единодушное одобрение словам Гикало и возмущение преступной деятельностью Дышнинского. В такой обстановке Дышнинскому нечего было и думать о каком-то сопротивлении. Разгоряченные горцы, выкрикивая угрозы по адресу последнего, направились к дому, где находился уже арестованный Дышнинский, чтобы расправиться с ним. По указанию Николая Федоровича возбужденную толпу опередил Мордовцев, который вскочил на крыльцо дома, где Дышнинский ждал решения своей участи, и преградил толпе доступ внутрь дома, убеждая горцев довериться, дать возможность Гикало доставить Дышнинского к Узун-Хаджи для предания шариатскому суду. Авторитет Гикало сказался и тут. Страсти постепенно улеглись. Горцы стали разъезжаться по домам. Покидали Шатой и эмирские войска, из состава которых некоторая часть горцев решила остаться в Шатое у Гикало.

В то же утро Александр Федорович Носов выехал с Мордовцевым в Ведено к Узун-Хаджи для личных переговоров о бое с деникинцами в Воздвиженской, о преступных действиях Дышнинского, о событиях в Шатое, с просьбой прислать своего представителя для передачи ему отобранного у Дышнинского эмирского оружия. Следом за ними был отправлен под конвоем в Ведено и Дышнинский.

Миссия Носова и Мордовцева оказалась удачной. Польщенный таким вниманием со стороны Гикало, удовлетворенный заверениями в активной поддержке партизанами борьбы горцев против деникинцев, Узун-Хаджи направил в Шатой в сопровождении группы конников своего брата Магомед-Хаджи. По поручению последнего отобранное у Дышнинского оружие принял М. Ушаев, оставшийся по указанию Гикало в войсках эмирства.

Прошло два дня, и шатоевцы стали свидетелями мощной демонстрации. По улицам слободы, отдавая приветствия Гикало и стоявшему рядом с ним небольшого роста седому старичку — брату Узун-Хаджи, — четким строем проходили партизаны, колонну которых замыкали эмирские орудия и пулеметы.

Закончилась передача вооружения. Произнесены были взаимные пожелания успехов и здоровья, и брат эмира, сопровождаемый взводом конной разведки отряда, под звуки боевой задронной песни выехал из Шатоя. Проводив его далеко за крепость по дороге на Ведено, разведчики распрощались с ним ружейным салютом. Растроганный старичок с благодарностью пожал руку каждому бойцу и, сопровождаемый отрядом горцев, отбыл в Ведено. Штаб группы вернулся к своей обычной жизни.

Сам факт разоружения русскими, пользовавшимися правом гостеприимства, командующего войсками эмирства и арест его — это не только свидетельство высокого авторитета Гикало среди горцев, но и его умение правильно ориентироваться и принимать ответственные решения в той сложной обстановке в Чечне.

Обезоружением и арестом князя Дышнинского контрреволюционному движению в Чечне был нанесен один из сокрушительных ударов. Он имел тем большее значение, что вся операция прошла без кровопролития и каких-либо осложнений между краснопартизанским отрядом и горцами. Эта операция явилась свидетельством того, что идеи и политика Советской власти восторжествовали над местными реакционерами и националистическими авантюристами. Сказались многие месяцы напряженной политической работы среди горского населения. Массы чеченцев, в том числе и среди эмирского войска, все более активно переходили на сторону краснопартизанского отряда, становились нашими друзьями, открытыми сторонниками Советской власти.

Таким образом, была дискредитирована окончательно идея клерикально-националистического эмирства во главе с имамом Узун-Хаджи.

ДОРОЖИТЬ ЧЕСТНЫМ ИМЕНЕМ ПАРТИЗАНА

Воздвиженский бой явился проявлением массового героизма, мужества и отваги партизан, их готовности до конца, до последнего патрона выполнять свой гражданский солдатский долг перед советской Родиной. Несмотря на огромное численное превосходство в живой силе и технике, белые заплатили многими сотнями своих солдат, казаков и офицеров за безрассудную попытку разгромить краснопартизанский отряд. И тем острее воспринимались отдельные случаи растерянности, трусости и даже попытки измены, имевшие место 31 января. 10 февраля военно-полевой суд судил бойца Долгова, командира ударной роты Пономарева и адъютанта отряда Комарова.

Бойца Долгова, из числа солдат воздвиженского гарнизона, сдавшегося в плен в сентябре 1919 года, судили за трусость и попытку измены. В ночь на 31 января Долгов вместе с бойцами Рогожиным и Качановым находился в заставе на берегу Аргуна. Заметив въезжавших на рассвете в слободу белоказачков, застава открыла по ним огонь. При первых же выстрелах Долгов заметался по берегу, затем куда-то исчез. В конце боя, когда группа чеченцев стремительным налетом опрокинула казачий пост у входа в ущелье и мы стали уходить из Воздвиженской, случайно натолкнулись на безоружного Долгова, прятавшегося в развалинах дома на окраине слободы.

Негодование и злоба охватили бойцов, когда они увидели труса и изменника, который и в прошлом году таким образом спас себе жизнь. Тогда, при разгроме бе-

логвардейского гарнизона, он тоже поспешил сдаться нам в плен. И теперь решил спасти свою презренную жизнь таким же образом.

— Немедленно расстрелять его, мерзавца! — с горячностью сказал Краснопахтин, когда ему доложили об этом необычном в отряде событии.

— Нельзя так, Николай, — возразил Носов. — Для этого у нас есть военно-полевой суд. Пусть он и разберется.

— Пойми же, это мразь, ничтожная душа, не стоящая того, чтобы на него еще время тратили! — горячился командир батальона.

— И все-таки без суда нельзя! Если бы это было в бою — другой разговор. А теперь судить человека единолично ни ты, никто другой не вправе.

— Но ведь если бы он был человек! — с негодованием и досадой говорил Краснопахтин. — А то ведь — поганый трус. Всех нас опозорил...

В просторную комнату собрались представители рот и команд. Суровые, мрачные, сосредоточенные, усаживались они плотно на скамьях и на полу в ожидании суда. Необычайное молчание и какая-то особая настороженность царили в комнате. Но вот конвойные ввели Долгова.

— Паразит, гад! — пронеслось по комнате, пока он, опустив голову, проходил сквозь ряды к скамейке перед столом суда. Вошли Мордовцев, Смирнов и Шуляк — состав суда. Мордовцев зачитал обвинительное заключение и начал задавать вопросы. Долгов, путаясь в ответах, пытался обмануть внимательно следивших за каждым его словом людей, начал оправдываться, видимо, надеясь как-нибудь выкрутиться.

— Подсудимый Долгов, — спросил председатель суда. — Где ты был, когда белоказаки обошли заставу кабардинской роты и вашу и по-над Аргуном вошли в слободу?

— Я побежал доложить об этом.

— Как же ты смел бросить пост? В каком воинском уставе ты читал, что вместо борьбы с врагом, надо оставлять товарищей и бежать? Как ты думал пешком обогнать конницу и доложить о ее нападении? Кому ты думал докладывать при выходе из слободы в ущелье? Почему ты снял с шапки красную ленту? Почему до конца

названной батарее, зная поведение вышеназванного товарища, обращаемся к вам с просьбой, чтобы вы отменили смертный приговор над товарищем Георгием Комаровым».

Беспощадный к врагам революции и людям, способным на измену, Гикало, не колеблясь, утверждал приговоры о смертной казни. Так был подписан приговор офицеру Медунову за проявленную тем зверскую жестокость и уничтожение советских активистов.

В то же время он не любил неоправданной жестокости, тяжело переживал каждый раз, когда вынужден был принимать решение по приговорам военно-полевого суда, касавшимся бойцов отряда. Все три приговора военно-полевого суда по делам Долгова, Комарова и Пономарева он отменил. Комарова приказал зачислить рядовым бойцом в батарею с лишением до особого распоряжения всех гражданских и политических прав. Но уже 28 февраля, учитывая его безусловную преданность Советской власти, примерное поведение, за исключением случая под Воздвиженской 31 января, и образцовое выполнение возложенной на него ответственной работы по обезоружению Дышнинского, Комарову были возвращены все утраченные им права.

Пономарев также был лишен всех политических и гражданских прав и присужден к пожизненным общественным работам. А это в условиях нахождения в Чечне в то время было, по существу, только моральное осуждение его проступка.

Долгов, как недостойный носить звание красноармейца и быть гражданином Советской власти, лишен всех политических, военных и гражданских прав, навсегда исключен из рядов Красной Армии с содержанием под стражей, с правом посылать его на внеочередные военные работы по мере надобности и подлежал выселению с данной территории Советской власти.

Высокая требовательность и ответственность отмечали поведение партизан не только в боевой обстановке, но и в повседневной жизни. Человек большой честности и правдивости не только в большом, но и в малом, Гикало строго взыскивал за малейшую попытку обмануть или обидеть товарища по отряду или кого-либо из горцев. Когда в феврале 1920 года ему стало известно, что боец Желтобрюхов выписывал лишний паек продуктов, он

приказом объявил ему строгий выговор за то, что этим поступком он «подрывал сознательно авторитет партии в глазах товарищей красноармейцев» и предупредил, что «за подобные явления в будущем будет предавать военно-полевому суду, как за кражу продуктов».

Бойцы конного отряда Сериков и Шабельников за кражу у жительницы Шатоя двух кур и трех фунтов коровьего масла были приговорены военно-полевым судом «как профессиональные воры и недостойные носить звание красноармейца и гражданина Советской власти» к тюремному заключению, лишению всех прав, бойкоту общим собранием красноармейцев, исключению из рядов Красной Армии и выселению в последующем с данной территории Советской власти.

Сейчас эти меры покажутся чрезмерно строгими. Но в то время они оправдывались той особой обстановкой, в какой жил и действовал краснопартизанский отряд в Чечне, отражали высокую коллективную требовательность к каждому партизану — от рядового бойца до командира за его поступки и непримиримость к малейшим отклонениям от норм поведения бойцов классовой пролетарской армии, защитников Советской власти, интересов трудящихся.

Эта коллективная требовательность и ответственность за поступки каждого во время боя и в периоды между ними было одним из условий успешной деятельности отряда, дружелюбного и сочувственного отношения к нему горцев.

ТРЕВОГА В ШАТОЕ

Прошло десять дней. Улеглись страсти после ареста Дышнинского. Шатой опять начал жить напряженной жизнью центра повстанческого движения Терской области. Приезжали и уезжали горцы из разных концов Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды; появлялись и неочи-

данно исчезали русские из Грозного, сунженских и терских станиц.

Вместе с тем в Шатой все чаще и настойчивее стали доходить слухи о готовящемся еще более крупном, чем на слободу Воздвиженскую, наступлении белых на Шатой, о бегстве Гикало и гибели краснопартизанского отряда. Слухи эти быстро росли, ширились. Кто-то их умело поддерживал, сообщая точные сроки и численность деникинских войск, которые будут наступать на Шатой. В памяти горцев еще были свежи воспоминания о разгроме деникинцами плоскостных аулов, о чинимых ими зверствах. И не удивительно, что тревога от этих слухов росла и стала захватывать как Шатой, так и прилегающие к нему аулы и хутора. Это не замедлило сказаться и на материальной помощи горцев отряду. Они стали осторожнее помогать им самым необходимым. Дело дошло до открытых призывов прекратить всякую помощь отряду.

Провокационная деятельность враждебных нам сил требовала быстрых и эффективных мер. 16 февраля вечером Гикало приказал Краснопахтину послать конную разведку по шатоевской и пешую по варандоевской дорогам и о наблюдениях разведки ему немедленно доносить. Одновременно была усилена охрана у крепостных ворот. Каждое утро командир батальона обязан был рапортом докладывать о состоянии батальона. В эту же ночь Николай Федорович разбудил меня — мы жили с ним в одном домике — и приказал написать несколько воззваний такого содержания:

«Товарищи чеченцы, привет вам от нас. Настало время, когда вы с оружием в руках должны доказать, что не на словах, а на деле готовы защищать свои дома, хозяйство, жен и дочерей от казаков и кадетов. Казаки идут на Шатой. Сообщила наша разведка, которая сейчас с ними ведет перестрелку. Русская Красная Армия уже на позиции в ущелье и готова к бою с казаками. Теперь слово за вами. Мы будем воевать с казаками и не пустим их в горы до тех пор, пока хотя бы один патрон есть у нас. Только через наши трупы они займут слободу Шатой, будут в горах. Все вы горцы, у кого слово крепко, у кого сердце не бабье, должны седлать коней, точить кинжалы, брать винтовки и идти в Шатой на помощь.

Того же, кто в это время боится, пусть проклинают женщины и дети и имя ему останется трус. Все в бой, и мы победим!

Н. Гикало».

С этими воззваниями были направлены в окрестные аулы и хутора нарочные-чеченцы. После этого Гикало продиктовал следующее приказание командиру батальона:

«17 февраля. Сейчас получены сведения, что казаки находятся в селении Зонах и уже вышли по направлению к слободе Шатой с целью овладения ею. Приказываю: немедленно собрать весь батальон в полном боевом походном порядке в крепости. Для оповещения окрестных аулов о надвигающейся опасности произвести из орудия три выстрела по направлению горы на правой стороне Аргуна и из ручного пулемета выпустить две очереди. Проведя тревогу, выстроить батальон и донести мне».

Вслед за этим начальнику отдела снабжения группы Гусеву было приказано: «Немедленно достаньте, где возможно, патроны для батальона Красной Армии ввиду надвигающейся опасности подхода казаков к слободе Шатой. Патроны необходимы».

Явившийся вскоре с докладом о готовности батальона по боевой тревоге командир батальона получил указания по организации обороны Шатоя. В ночной темноте неслышно передвигались группы вооруженных бойцов. Роты занимали заранее подготовленные участки обороны. Вскоре все выходы из крепости и слободы были прочно закрыты, в крепостных стенах проделаны бойницы, у которых расположились пулеметные расчеты. Гикаловцы приготовились к встрече непрошенных гостей. Так же, как и 17 дней назад под Воздвиженской, все делалось сосредоточенно, без спешки и суматохи.

Мордовцев вместе с Шериповым — не помню, то ли Данилбеком, то ли Назарбеком — выехал в село Варанды, чтобы на месте выяснить все вопросы охраны дороги через Варанды на Шатой.

Неожиданно ночную тишину разорвали три орудийных выстрела и две пулеметные очереди. То окрестные аулы оповещались об угрожавшей Шатою опасности.

Узнав о боевых приготовлениях отряда, жители слободы, напуганные слухами о предстоящем наступлении деникинцев, стали энергично готовиться к эвакуации в

горы, в направлении Итум-Кале. Нагруженные домашним скарбом арбы, с привязанным к ним скотом, в сопровождении женщин и детишек потянулись к южным воротам. Каковы же были удивление и растерянность, когда их не выпустили из слободы. Они всячески убеждали, что они и их дети ни в чем не виноваты, что все мужчины остаются в крепости и вместе с партизанами будут защищать Шатой. Никакие уговоры и просьбы не могли заставить бойцов отряда нарушить приказ. Толпы встревоженных, недоумевающих, испуганных людей заполнили все подходы к южным воротам крепости. Несмотря на попытки враждебных нам сил оторвать горцев от борьбы против деникинцев, заставить их быть безучастными свидетелями этой борьбы, к крепости в это время по зову Гикало спешили воинственно настроенные наши товарищи и друзья — горцы из ближайших аулов и хуторов. Дружба трудовых горцев и русских красноармейцев в этот день получила новое убедительное подтверждение.

Понемногу стало сереть. Наступало позднее зимнее утро. В крепость прибывало все больше и больше вооруженных чеченцев. Гикало приказал Красноплахтину послать нарочных снять заставы с шатоевской и вараудево-евской дорог, весь личный состав батальона снять с обороны крепости, объявить, что тревога носила проверочный характер, и построить всех на площади.

Горцы с любопытством и недоумением смотрели, как сотни вооруженных бойцов стройными рядами, с бодрой солдатской песней заполняли площадь. Их строй замыкали пулеметы и пушка, восстановленные после Воздвиженского боя. Направлявшиеся в тяжелый путь по труднодоступным горным дорогам арбы с женщинами и детьми медленно разъезжались по своим домам.

На крыльце появился Гикало. Постоял, оглядывая многочисленную, в напряженном ожидании толпу, помолчал, и в морозном воздухе зимнего утра его голос свободно покотился над головами партизан и горцев до самых дальних углов площади:

— Граждане слободы Шатой и окрестных аулов! Знайте, что белые генералы хотят взять обратно вашу волю, которую вы добыли кровью тысяч ваших сынов. Они громят плоскостные аулы, хотели бы покорить и вас. Но не посмеют пойти сюда, не посмеют тронуть ваши жилища, ваши семьи, ваш скот. Последнее время в сло-

бодe Шатой упорно распространяются провокационные слухи, что в слободу Шатой якобы должны прийти казаки с целью занять последнюю. Никакие увещевания, никакие здравомыслящие рассуждения о недопустимости прихода добровольцев и казаков в горы не могут успокоить разбушевавшуюся мещанско-обывательскую среду. Провокаторы, казачьи агенты продолжали свое черное дело.

Желая проверить бдительность красноармейского отряда, готовность горцев выступить на борьбу против добровольцев и казаков, и среду, которая окружала бы нас в период боя, ночью была проведена ложная тревога. Всех граждан слободы Шатой и окружающих селений призываем к спокойствию, выдержанности и хладнокровию. Предупредить граждан о том, что тревога носит проверочный характер, я не мог ввиду того, что цель и задачи ложной тревоги не были бы правильно освещены.

Тревога доказала, что бдительность отряда находится на должной высоте, а горцы готовы ежечасно выступить с оружием в руках, отстаивать свою свободу, имущество от нашествия черного воронья. Данные тревоги показали, как об этом неоднократно говорилось, что, пока жив хоть один красноармеец, есть порох в пороховницах, ни один казак-доброволец в Шатоевском районе не будет. Казаки знают, каких жертв им стоила Воздвиженская и каких будет стоить Шатой.

Знайте, что даже мысли и думы о приходе сюда казаков, пока здесь есть красноармейцы, надо выбросить из своей головы.

Спокойствие, порядок и неустанная бдительность — вот залог победы, торжества над реакцией и путь к мирной жизни горских народов.

Гикало говорил просто, убедительно. Речь его, как обычно, была лишена ярких и звонких фраз. Но все его слова были о главном — чем жили эти люди — и волновали всех собравшихся на площади. А завтра и в ближайшие дни о них узнают далеко от Шатоя. Они вселят бодрость и уверенность в сердца всех трудовых горцев.

Его страстная, убедительная речь, наполненная верой в свою правоту, в тот же день в форме обращения была направлена во все окрестные аулы, многим комитетам революционных горцев.

Последние слова Николая Федоровича потонули в трехкратном залпе винтовок, пулеметных очередях. Все это было настолько впечатляюще, что находившиеся на площади горцы были буквально поражены. Они изумленно и восторженно слушали и смотрели на происходящее вокруг. Ведь прошло всего две с половиной недели после Воздвиженского боя, о последствиях которого было столько правдоподобных разговоров, что все это казалось просто невероятным.

Закончился митинг, но еще долго стоявшие группами на площади горцы обсуждали события ночи, обменивались мнениями о виденном и слышанном.

Демонстрация мощи и боеспособности отряда сыграла большую роль в ликвидации всех последствий контрреволюционной агитации, направленной на изоляцию отряда от активной поддержки и всесторонней помощи горцев. С новой силой и активностью началась подготовка к будущим решающим боям с деникинцами.

ПОДГОТОВКА КО ВСЕОБЩЕМУ ВОССТАНИЮ

Воздвиженский бой с особой силой подчеркнул необходимость перехода от разрозненных выступлений небольших партизанских отрядов к организованной борьбе с белогвардейщиной в широких масштабах. В успешном решении этой задачи большое значение имело создание Кавказским краевым комитетом партии в феврале 1920 года в Ингушетии, Осетии и Кабарде революционных комитетов для руководства всей работой по подготовке вооруженного восстания против белых.

Штабом группы были разработаны и утверждены подробные инструкции по работе ревкомов и организации частей Красной Армии, приняты меры к укреплению национальных ревкомов опытными кадрами. 5 марта на совещании с представителями Ингушской и Кабардинской окружных партийных организаций были обсуждены и утверждены Ингушский ревком в со-

ставе Г. Ахриева, Б. Костоева, И. Зязикова, Ю. Албогачиева и А.-Г. Гойгова, а Кабардинский ревком — Б. Калмыкова, Катханова, Абукова, Мидова, Акаева и Карачаева. Ревкомы одновременно были наделены и полномочиями партийных органов. Председателями ревкомов были назначены: Ингушского — Гапур Ахриев, Кабардинского — Бетал Калмыков.

В задачи ревкомов входили: организация трудящихся для борьбы с белогвардейскими и горскими контрреволюционерами, разъяснение ближайших задач вооруженной борьбы с добровольческой армией и разоблачение реакционной сущности буржуазного национализма, борьба против проявлений межнациональной розни, за тесное объединение трудовых народов Терека, создание с этой целью в каждом селении революционных организаций, образование из имевшихся на местах небольших вооруженных отрядов крупных краснопартизанских частей горцев, организация агентурно-разведывательной работы, восстановление на местах Советской власти.

Не вступая в открытый конфликт с Северо-Кавказским эмиратом, штаб группы начал через ревкомы, революционные организации на местах и подпольные группы активную борьбу по разъяснению контрреволюционной сущности буржуазного национализма, борьбу за массы. В крупные населенные пункты были посланы уполномоченные штаба группы для проведения организационной и агитационной работы среди населения. В Веденский район был послан М. Ушаев, в Шалах эту работу вели А. Гайсумов и М. Мациев, в Гойтах — Х. Таштемиров и М. Ахтаханов, в Дуба-Юрте — З. Шерипов, в Урус-Мартане — М. Хакиев, в Барзое — Х. Кепаев. Многие другие активисты вели большую работу по организации ревкомов и частей Красной Армии из горцев.

В составе самого Северо-Кавказского эмирата были люди, преданные Советской власти, выполнявшие указания Гикало и штаба группы — министр внутренних дел большевик кабардинец Хабала Бесленев, начальник артиллерии эмирата Мазлак Ушаев.

Создание ревкомов существенным образом изменило обстановку в национальных районах области. Ранее, при наличии стихийных революционных настроений горцев, существовавшие в отдельных местах партийные и

советские организации, отдельные коммунисты между собой не были связаны, не было единой тактики. Теперь каждая народность получила в лице ревкомов единые организующие центры, а ревкомы в свою очередь объединялись нашей группой, штабу которой они были подчинены в военном отношении.

С образованием ревкомов встала задача — нанести с тыла отступавшим под натиском Красной Армии деникинцам общего мощного удара. Штаб группы вел большую работу по согласованию своих действий с краснопартизанскими отрядами, находившимися в Дагестане и в нижнем течении Терека — «камышанниками». Через последних осуществлялась и связь штаба группы с Кавказским экспедиционным корпусом и командованием 11-й Красной Армии.

Части Кавказского экспедиционного корпуса стремились соединиться с краснопартизанскими отрядами и революционными войсками Терека и Дагестана, чтобы объединенными усилиями ускорить освобождение Северного Кавказа от деникинских войск и, выйдя в тыл последних, ускорить полный и окончательный их разгром. В январе 1920 года они заняли Кизляр. Однако через несколько дней вынуждены были его оставить и отступить. При этом отдельные группы частей корпуса оказались отрезанными от основных сил. Одной из таких групп был отряд, отступивший в селение Костек. Выдержав тяжелый бой с белогвардейцами и местными контрреволюционерами, понеся значительные потери в личном составе, он отошел в Дагестан в селение Дылым.

25 января 1920 года в район Хасав-Юрта штабом группы был послан чеченский краснопартизанский отряд под командованием Абдул-Решиды Исаева с задачей — установить связь с этим отрядом и с отрядом «камышанцев» и оказать им содействие в военных действиях против белогвардейцев и местной реакции. После отступления красноармейского отряда из Костека в Дылым, несмотря на тяжелые материальные условия группы, он был принят на содержание штаба, и через него осуществлялась связь с Дагестанским обкомом РКП (б).

Штаб группы и ревкомы в короткий срок проделали большую работу по созданию сети революционных организаций. В Чечне и Ингушетии активно создавались комитеты из революционных горцев, преданных Советской

власти. Подобно комитетам бедноты в 1918 году в центральных областях России, деятельность комитетов прежде всего состояла в организации бедноты, в сплочении и объединении трудовых горцев против местной реакционной верхушки и эмирства, за победу Советской власти, подготовке их к организованным выступлениям против деникинцев.

Комитеты становились массовыми организациями. Количество их быстро росло. Даже рядом со столицей эмирства Ведено был создан такой комитет, который объединил большую часть населения этого района.

Имея в виду отдаленность Ингушетии от штаба группы, трудности в организации связи с ней для оперативного руководства подготовкой к вооруженному восстанию в этих частях области Ингушетии было организовано отделение штаба группы. Представителем штаба туда выехал с группой товарищей из сводного батальона бывший начальник административного отдела штаба Мордовцев, назначенный помощником командующего группой. Ему было поручено установление контактов между Ингушским ревкомом и командованием ингушских партизанских отрядов, руководство и контроль за организацией ингушской Красной Армии, установление связи с революционными организациями Владикавказа, Сунженской линии и ревкома Осетии и Кабарды.

Наряду с общей задачей подготовки восстания в районе Владикавказа Мордовцеву, Ингушскому ревкому и отряду осетин-корменистов, руководимому т. Тогоевым, были поставлены и другие практические задачи: налетами на окраины Владикавказа, на железную дорогу и на Военно-Грузинскую дорогу сеять панику, разрушать тыл добармии, перерезать железную дорогу к югу от станции Прохладная, в районе станций Беслан и Карабулак, закрыть и постараться во что бы то ни стало удержать Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги, не допустить отхода по ним в Грузию отступавших частей добровольческой армии и убегавшей буржуазии.

9 февраля съезд сельских коммунистов Ингушетии признал Советскую власть как единственно приемлемую. По сообщению Ингушского ревкома, в конце февраля были организованы два шариатских полка численностью 1800 человек, готовых для наступления на Владикавказ. Командиру одного из них штаб группы приказал высту-

пить 12 марта через станицу Вознесенскую на соединение с частями Красной Армии, наступавшими от Святого Креста (ныне Прикумск) на Георгиевск.

В середине марта в помощь Кабардино-Балкарскому ревкому была направлена действовавшая до этого вместе с краснопартизанским отрядом в Чечне сводная кабардино-балкарская рота под командованием Заурбека Пшукова. Она должна была стать вооруженным ядром восстания на месте. Помимо винтовок, которыми была вооружена рота, командование группы выделило ей два пулемета с достаточным количеством патронов. Настроение народных масс в Кабарде, по сообщению ревкома, было таково, что можно ждать начала восстания, как только туда подойдет сводная рота. Уже в начале марта занятием Аргудана и Анзорова в Кабарде под руководством Катханова началось восстание.

Брожение все сильнее охватывало и терское казачество. В станице Наурской дезертировавшие с фронта казаки убили станичного атамана за то, что тот пытался применить силу для отправки их на фронт. На почве реквизиции лошадей добрармией произошли вооруженные столкновения в Змейской, Николаевской и других станицах и селах. На отказ женщин давать в армию лошадей каратели пустили в ход плетки. За женщин вступились казаки-фронтовики, и дело дошло до вооруженных столкновений. В результате с обеих сторон были убитые и раненые.

Активные антивоенные выступления широко захватили Сунженскую линию. Ушедшие с фронта 600 казаков станиц Ассинской, Карабулакской, Нестеровской, Михайловской, Слепцовской и Троицкой 26 февраля приняли решение не идти на фронт, гарантировать жизнь скрывавшимся от мобилизации казакам и для самозащиты создать вооруженные части. Но, отказываясь воевать против Красной Армии, сунженские казаки в то же время не хотели идти вместе с краснопартизанским отрядом на вооруженную борьбу против добровольческой армии.

15 февраля на Сунженскую линию была направлена группа организаторов в составе М. Кирисенко, Н. Сачко, Г. Хитрова, А. Есина и Н. Шалдугина — жителей сунженских станиц — с задачей организовать казаков, дезертировавших с фронта, на вооруженное восстание против добровольческой армии. Вскоре на Сун-

женской линии были созданы ударные группы, которые самостоятельно, а иногда вместе со своими соседями — ингушами начали активные действия. Они стали регулярно портить железную дорогу в районе станции Карабулак, и деникинцы вынуждены были для охраны ее специально выделить бронепоезд, постоянно курсировавший на участке Беслан—Грозный. На перегоне Беслан—Прохладная 6 марта было совершено крушение воинского эшелона, направлявшегося на Прохладненский фронт. При этом погибло около 800 человек.

Деникинское командование не могло оставаться безучастным к такой позиции казаков-фронтовиков. Решив силой заставить их участвовать в военных действиях против Красной Армии и свободолюбивых горцев, оно направило на Сунженскую линию карательный отряд численностью 500 человек. Но кончилось тем, что 11 марта в станции Нестеровской часть отряда карателей была разоружена, а остальные отступили к Владикавказу.

В помощь ревкомам, комитетам революционных горцев и Сунженской группе казаков-фронтовиков штабом группы выпускались воззвания, обращения. В последних числах февраля штаб группы обратился с воззванием к трудовым горцам Северного Кавказа (Чечни, Ингушетии, Балкарии и Осетии):

«Бедняки горцы!

Волна Красной Армии из Советской России все ближе и ближе подходит к Северному Кавказу, где больше года томятся бедняки-горцы, рабочие и крестьяне под ударами офицерской, казачьей нагайки. Час мести, час расплаты всем черным генералам и горским изменникам-предателям близок. Пусть знают они, что на крови народной свое счастье и богатство им не построить. Народ поднимается, и все их грабительские и провокаторские планы рушатся. Вы подумайте, бедняки горцы, чеченцы, кабардинцы и балкарцы, где ваши офицеры, интеллигенты, богачи? Все они с Деникиным и казаками. Все они думают только, как бы прижать бедняка лучше да отправить его на фронт против большевиков. Что сделал генерал Мальсагов в Ингушетии, Чуликов в Чечне, Мирзоев в Кабарде, а Дорофеев в Осетии? Разбиты и сожжены аулы с их помощью. Сотни молодых жизней погибло в боях, защищая свою вольность. Дома разграблены, и голодные старики и дети скрываются по горам у

своих бедняков-родственников. Так работают все, кому дороги интересы своих карманов, а не интересы ваши, беднота горская.

Все кадеты горские, офицеры-деникинцы и казацки верхи видят, что дело предательское, дело их интересов гибнет. Они снова придумали лазейку для себя. Они везде и всюду говорят, что дадут горским беднякам самостоятельность и создадут горское правительство. Вы знаете, что дало вам горское правительство в прошлом году: они предали горских бедняков в руки добровольческой армии, вы знаете, как оно обещало все вам, а дало разбитые, сожженные аулы, и теперь они хотят вас обмануть, и теперь чувствуя, что сил бороться против Красной Армии мало, они хотят обманом удержаться. Не верьте им и знайте, что как были они предателями, так и останутся. Они надеются на вашу темноту и на пушки, пулеметы добровольцев и казаков. Красная Армия России близка и сильна. Еще немного страдания и горя — и мы победим.

Последние силы напрягают изменники и предатели, но смерть их уже идет. Советская власть даст вам, бедняки горцы, мир, землю и свободу. Каждый аул, сожженный и разграбленный офицерскими и казацкими бандами, даже пострадавший отдельный горец-бедняк, будет широко и справедливо удовлетворен в своих убытках. Кавказский революционный совет в Астрахани постановил за все убытки, причиненные добровольцами-кадетами горской бедноте, уплатить и вознаградить. Знайте, что всякий пострадавший будет вознагражден. Семья убитого в боях с контрреволюцией будет вознаграждена. Всех, кто борется и кровь проливает за бедняков, мы не забываем, как не забываем и тех, кто изменил своему народу и предал его на разграбление деникинцам. Передайте всем кадетам-офицерам и всем, кто против Советской власти, что недолго им осталось праздновать, последние недели. Они допивают, прогуливая награбленное по селам и городам. Силы наши растут, прибавляются, и народ все больше понимает, где правда и где обман. Настанет день и час, когда народные массы бедняков, что страдали так долго и мучительно, могучей лавой покатаются на помещиков, богачей, банкиров, генералов и горских кадетов, задавят их, сметут всю нечисть, что столетиями давила горских бедняков. А этот день и час близок!

Все горцы и бедняки, готовьтесь к бою, организуйтесь!».

Одновременно штаб группы обратился и к сунженским казакам. Жители горских селений, аулов и казачьих станиц жадно, с огромным интересом читали обращения штаба группы. Однако из-за скудных материально-технических ресурсов все это делалось в ограниченных размерах.

Оценивая сложившуюся в Терской области обстановку, Гикало писал 16 марта 1920 года командованию 11-й Красной Армии, что «восстание в Терской области вспыхнет через недели полторы (в конце марта), и мы, безусловно, надеемся на успех, так как тыл добровольии расхлябан».

Но, как стало известно, после занятия нами Грозного добровольческая армия, по существу, уже прекратила организованное сопротивление, бросила фронт в районе станции Прохладная. Отступавшие в панике деникинские части откатывались почти без боев к Владикавказу и Хасав-Юрту. В Закавказье отошли только офицерские части, большую часть рядовых солдат и казаков распустили, так как организовать отход в Закавказье всех остатков добровольческой армии практически не было никакой возможности.

ВСТУПЛЕНИЕ В ГРОЗНЫЙ

Развязка наступила скорее, чем предполагал Гикало. Рано утром 17 марта в Шатой приехал один из наших активных помощников — 56-летний Никита Никитин (Лукиянов) с сообщением о поимке начальника грозненской контрразведки Жидкова.

При отступлении белых из Грозного Жидков решил пробраться в Баку в сопровождении телохранителей-чеченцев через Чечню и Дагестан. Об этом Никитин узнал от своих атагинских кунаков. Надо сказать, что Никитин имел многочисленных друзей и знакомых во многих селениях Чечни, в том числе и в Старых Атагах, где работал некоторое время на мельнице. Широкие связи с горцами помогали ему выполнять самые разнообразные поручения штаба отряда и лично Николая Федоровича—от закупок у чеченцев продовольствия, снаряжения и других необходимых материалов до получения в Грозном разведывательных данных, осуществления связи с городом, укрытия и доставки из Грозного в отряд преследовавшихся деникинцами товарищей.

Узнав о намерении Жидкова, который еще в феврале 1920 года делал очередную попытку ликвидировать Гикало за большое денежное вознаграждение, Никитин при участии своих староатагинских друзей встретился с телохранителями Жидкова, с которыми у него состоялся такой разговор:

— Вы будете сопровождать Жидкова в Дагестан. А о себе вы подумали? Вы знаете — Россия сильная. Она разбила всех генералов. Вот сейчас и Жидков убегает из Грозного. Вы знаете, сколько невинных людей расстрелял и повесил Жидков, сколько ваших друзей — чеченцев, женщин, детей, стариков погибло из-за него. А вы будете его охранять, чтобы он удрал от Советской власти. Этого вам Советская власть не простит. Вы должны задержать Жидкова и отдать его Гикало. Когда вы передадите его Гикало — вам будет большая честь!

— Жидков обещал нам хорошо заплатить, — сказал один из телохранителей.

— Вот тебе задаток, — Никитин дал 500 рублей николаевскими бумажками. — Вы знаете Гикало, он очень правильный человек. Когда вы ему передадите Жидкова, он вас не обидит. Если вы поможете Красной Армии, вам будет большая благодарность!

Соглашение быстро состоялось. После этого был разработан план поимки Жидкова.

Телохранители сообщили Жидкову, что они встретили одного старика — близкого к Гикало человека, который согласен за хорошее вознаграждение выдать Гикало. Он привезет Гикало в Воздвиженскую, а они устроят там

засаду, поймают Гикало и того человека, который хочет его выдать, и отправят вместе с Жидковым в Гудермес.

Перспектива завладеть ненавистным вожаком красных была настолько заманчива, что, не будучи в состоянии сдерживать радость, Жидков сказал:

— Если вы это сделаете, то я вам от себя жертвую 100 тысяч рублей николаевскими деньгами. Я тогда поехал бы с очень хорошей добычей!

Чеченцы заверили Жидкова, что обязательно это сделают.

— А насчет того старика, — добавил Жидков, — который имеет дело с Гикало, мы еще поговорим. Как его фамилия? Вы его знаете?

— Мы его хорошо знаем. Его фамилия Никита Никитин.

— Что-то подозрительное предлагает Никитин. Нет ли здесь какого обмана?

— Нет, мы его хорошо знаем. Он из Грозного.

— А где он сейчас находится?

— В Старых Атагах. Он никому вреда не делает. Мы за него ручаемся!

— Хорошо, посмотрим. Как бы мне повидаться с ним?

— Нет, это сделать нельзя. Он боится.

— Почему он боится?

— Он боится: если кто донесет Гикало, его могут большевики поймать и расстрелять. Он согласился иметь это дело секретно.

— Это пустое. Ничего ему никогда не будет! Ну хорошо, сейчас некогда, — согласился Жидков. — Поезжайте скорей. Я буду вас ждать с ним в Старых Атагах. Там нам дело покажет.

В сумерках 16 марта Жидков с телохранителями приехал в Старые Атаги и при их помощи устроился в охраняемой комнате и стал ожидать, когда поймают и привезут Гикало. Телохранители надежно охраняли его, ожидая указаний от Гикало.

Узнав о поимке Жидкова, Николай Федорович поручил Никитину на следующий день привезти его в Шатой. С этим поручением Никитин собирался отправиться в Старые Атаги, но рано утром 17 марта в Шатой из Грозного прибыл солдат. Запыленный, усталый и в то же время возбужденный и радостный, он пошел в комнату.

— Мне нужно срочно видеть Гикало. Необходимо передать ему очень важное сообщение.

Спустя некоторое время у Николая Федоровича собрались Носов, Красноплахтин и А. Эльдарханов, которым он передал беседу с посланцем грозненских солдат:

— В Грозном паника. Солдатам приказали готовиться к выступлению. Но само деникинское командование занималось не подготовкой к выступлению, а, по всему видно, лихорадочно готовилось к эвакуации. Солдаты, некоторые офицеры и даже часть казаков никуда из Грозного уходить не хотят и просят нас немедленно наступать на город. Они будут ждать наших приказаний. Этого надо было ждать,— заключил Гикало.— Но мы не можем допустить опрометчивости. Не хочется верить, но нельзя и исключать возможности очередной провокации белых перед отступлением. Не получилось у них под Воздвиженской, так не хотят ли они вытащить нас к Грозному, чтобы там разделаться с нами? Об этом надо рассказать ребятам.— И обращаясь непосредственно к Красноплахтину: — Немедленно организуйте разведку в сторону Грозного.

Трудно было сдерживать волнение и тревожное ожидание результатов, какие привезет разведка. Хотелось верить, что это не провокация, что 14 долгих трудных месяцев подошли к концу, что уже скоро-скоро мы будем опять вместе с нашими братьями-красноармейцами и, не скрываясь, не боясь попасть на глаза офицеру или казаку, будем ходить по Грозному.

Часа через два разведка возвратилась в сопровождении встреченного в пути заводского рабочего из Грозного. Несколько наших партизан, грозненских товарищей, его узнали и радостно стали расспрашивать. Своим возбужденным рассказом об обстановке в городе он подтвердил Николаю Федоровичу все, о чем незадолго перед этим поведал представитель грозненского гарнизона:

«Белые ушли из города. Вчера целый день по городу в сторону вокзала торопливо ехали извозчики, доверху нагруженные чемоданами и узлами. По перепуганным, сумрачным лицам пассажиров, настороженно оглядывавшихся по сторонам и подгонявших извозчиков, было безошибочно видно, что они не по своей воле расстаются с городом и торопятся на вокзал. К вокзалу шли неболь-

шими группами и офицеры. Многие из них шли с винтовками на ремне. Этого никогда раньше не было. А пешком в сторону Гудермеса двигались казахи и солдатские части».

Сомнений не было. Гикало приказал Красноплахтину поднять отряд и подготовиться к немедленному выступлению из Шатоя. На следующий день Николай Федорович поручил Абубакару Эльдарханову срочно выехать на плоскость и из надежных жителей плоскостных селений до наступления сумерек организовать конных чеченцев, чтобы с ними сегодня же ночью занять Грозный.

Партизан и жителей Шатоя охватило чувство радостного возбуждения. Бойцы наскоро приводили в порядок себя и свою одежку. А те, кто пока оставался, с дружелюбной завистью смотрели на счастливых, помогая им в быстрой подготовке к выступлению из слободы.

Поляну перед крепостью заполнила большая толпа партизан и шатоевцев. Стройными рядами стояли бойцы отряда. Сопровождаемые взводом конной разведки, Гикало, Носов, и я подъехали к собравшимся. Приподнявшись на стременах, Николай Федорович, заметно волнуясь, произнес:

— Дорогие товарищи! Вот наконец и наступил долгожданный день, когда мы прощаемся с гостеприимным Шатоем. Красная Армия ведет победоносное наступление по всему фронту со стороны Минеральных Вод и Прохладной на Владикавказ и со стороны Астрахани в направлении Кизляра и Грозного. Деникинская армия стремительно отступает, а вернее, бежит, стремясь пробраться в Закавказье — в Баку и меньшевистскую Грузию, — чтобы спасти свои грязные шкуры и награбленные капиталы. Мы сейчас трогаемся на Грозный. Чем быстрее будем там, тем большую помощь сможем оказать наступающей Красной Армии.

Обращаясь к многочисленной толпе жителей Шатоя, Гикало продолжал:

— Мы никогда не забудем, что благодаря гостеприимству и постоянной братской помощи, которую оказывали нам трудящиеся горцы, мы не только выдержали эти трудные 14 месяцев, но и честно выполняли свой солдатский долг перед Советской властью и народом в борь-

бе против белых. Большое вам спасибо за это! Баркалла за все, что вы для нас сделали!

Я рассчитываю, что мы с вами, товарищи, — продолжал обращаться Гикало к бойцам отряда, — встретимся завтра с трудящимися Грозного и вы проявите в городе, а остающиеся здесь — в Шатое такую же выдержку, организованность, дисциплину и порядок, какие были у нас до сих пор!

Да здравствует Советская власть и наша славная большевистская партия!

Громкое, радостное, многократное «ур-р-а!» разнеслось над слободой-крепостью и протяжным эхом покатилося по ущелью. Вдогонку ему прогремели три винтовочных залпа и стрекотанье пулеметных очередей. Раздалась команда: «Батальон, поротно шагом марш!» И, сопровождаемый прощальными напутствиями гостеприимных шатоевцев, отряд тронулся в сторону Грозного.

Гикало еще раз поблагодарил и распрощался с наиболее уважаемыми жителями Шатоя. Сопровождаемая взводом конной разведки наша группа, обогнав подходивший к ущелью батальон, к сумеркам была у Старых Атагов. Там нас ожидал А. Эльдарханов с большой группой, в три-четыре сотни, конных чеченцев, радостно приветствовавших появление Гикало. Здесь нас ожидал и Никитин, выехавший утром из Шатоя вместе с Эльдархановым. По приказанию Гикало для охраны Жидкова была выделена дополнительно группа надежных чеченцев с тем, чтобы передать того Краснопахтину, когда к Атагам подойдет отряд.

В наступившей темноте, соблюдая необходимые меры предосторожности, наша конная группа двинулась дальше на север, к Грозному. Как это было непохоже на февраль 1919 года, когда по Чечне брели в неизвестное будущее безоружные, большей частью раздетые, беспомощные, последние остатки грозненского и сунженского отрядов Красной Армии! Теперь мы представляли хорошо организованную, боеспособную силу и возвращались в Грозный не изгнанниками, а победителями.

При въезде в городские сады в неясных очертаниях мартовского вечера слышались голоса, фырканье лошадей, показались два фаэтона и стоявшие возле них три человека. Один из них представился:

— Председатель временного военно-революционного совета города Грозного Красавин. Мы выехали встретить товарища Гикало!

Вскоре неподалеку от окраины города из темноты показался всадник, сопровождаемый нашей разведкой. Приблизившись к Николаю Федоровичу, он отrapпортовал:

— Начальник гарнизона города Грозного капитан Иванов. Товарищ командующий, части гарнизона готовы к встрече краснопартизанского отряда! Жду ваших приказаний!

— Прикажете солдатам возвратиться в казармы. Встречать отряд будем завтра...

Постепенно светлея, над городом показалось зарево, которое становилось все сильнее и ярче. Когда мы от городского кладбища въехали в улицу города, нашим глазам представилось незабываемое величественное зрелище торжества, радости и счастья людей, которые долгие месяцы ждали этой встречи. По обеим сторонам улицы у домов стояли люди — мужчины и женщины, взрослые и дети. Возле каждого дома — ведро с керосином или мазутом, а в руках — зажженные самодельные факелы. Раскрыты двери, окна. Слышались громкие возгласы изумления и радости:

— Смотри, смотри, вот Гикало! Наши, наши едут! Видишь, с красными повязками на руках и шапках! (Наши бойцы носили красную ленту на шапке, а командный состав — на рукаве). Ур-р-р-а!.. Гикало-о-о, ур-а-а! Да здравствует Советская власть! Да здравствуют партизаны!

Люди обнимали друг друга, целовались, смеялись, плакали. Кто-то в открытую дверь на скамейку поставил граммофон, с хрипом наигрывавший какой-то марш. Невозможно передать словами всю глубину чувств, охвативших жителей этой окраины города. А улицы центра города как будто вымерли — ни огонька, ни звука, ни души. Обогнав воинскую часть, выходящую встречать отряд. Солдаты остановились и громким «ура» проводили нас. Гикало приказал Эльдарханову разместить чеченцев в бывших Дагестанских казармах, а наша конная группа разместилась в доме Чернявского, где находился временный военно-революционный совет города.

Предводительствуемые Красиным Гикало, Носов, и я поднялись на второй этаж.

— Господа, прошу приветствовать дорогих гостей, наших освободителей! — торжественно произнес председатель совета.

В двух просторных комнатах собралось довольно многочисленное общество. Вполголоса переговариваясь между собой, стояли и переходили от одной группы к другой около двух десятков солидных мужчин в безупречных костюмах. Среди них мелькали нарядные дамы. Собравшиеся внимательно рассматривали нас, вслушивались в каждую фразу, в каждое слово Гикало и его спутников. Как мы узнали впоследствии, совет состоял из местных буржуазно-демократических деятелей; в нем были меньшевики, эсеры и, видимо для приличия, какой-то коммунист и то «липовый». О политическом нутре совета можно было судить по тому, что в те часы, когда мы входили в Грозный, в сторону Баку продолжало отправляться военное снаряжение и другие материалы, необходимые отступавшим деникинцам.

Но как бы то ни было, в руках совета была реальная власть — до 500 солдат Апшеронского, три роты Ширванского полков и около двух десятков орудий. У нас же — около трех десятков бойцов да человек 400 сочувственно настроенных, но в военном отношении мало подготовленных чеченцев. С этим приходилось до поры до времени считаться.

Состоялась короткая официальная беседа. Обсудив вопрос о предстоящей встрече отряда, после дачи соответствующего приказа для командира батальона Краснопахтина Гикало обратился к членам военно-революционного совета с вопросом:

— Скажите, как обстоит дело с заключенными в тюрьме?

— Сегодня с утра солдатский караул покинул здание тюрьмы, — сообщил Красавин. — По распоряжению помощника начальника тюрьмы Езерского охрану тюрьмы взяли полностью на себя надзиратели. Они охраняют ее главным образом снаружи, чтобы не допустить в тюрьму карателей, которые еще вчера вечером свирепствовали, бродили по улицам, арестовывали заподозренных в сочувствии к красным и, по слухам, вывели группу заключенных за город на расстрел. Из лояльных граждан

мы организовали самооборону и в помощь надзирателям послали несколько человек для охраны тюрьмы.

— Это очень хорошо! Мы завтра будем встречать отряд. Необходимо сделать так, чтобы это было праздником не только для тысяч людей, которые встретят своих родных и знакомых. Этот день мы обязаны сделать праздником и для тех, близкие которых томятся в тюрьме. Сейчас уже поздно. Мы не можем омрачить праздник освобождения бесчинством уголовников: в общей сутолоке они могут ночью тоже оказаться на свободе. Поэтому заключенных освободим завтра утром. Товарищ Попов, дайте указание Литвинову (начальник конной разведки) послать несколько человек в тюрьму предупредить начальника тюрьмы и заключенных, помочь в поддержании порядка и обеспечении безопасности заключенных, а с утра они примут участие в освобождении их.

— Я прошу вас, — сказал он, обращаясь к председателю совета, — также выделить пять-шесть ваших представителей, чтобы к утру закончить оформление документов товарищей, подлежащих освобождению!

Предложение было без обсуждения принято. После этого все присутствовавшие вместе с нами в сопровождении группы наших разведчиков направились в сторону Дворянского моста в гостиницу Гранд-отель, в которой предстояло провести эту ночь. На первом этаже гостиницы в ресторанном зале нас ждал торжественный ужин. Самые разнообразные холодные закуски, колбасы, сыры, икра, рыба в разных видах, жареные молочные поросята, индейки, замысловато-фигурные торты, конфеты и, конечно, самые разнообразные напитки были представлены и разложены на длинном столе, покрытом белоснежной скатертью. Как-то непривычно и странно было видеть все эти яства после нашей многомесячной чрезвычайно скромной и нередко далеко не калорийной пищи.

В соседней комнате накрыли стол для дежурного наряда наших разведчиков. К чести последних, никто из них и не подумал прикоснуться к тем заманчивым бутылкам с различными этикетками, которые в изобилии появились и у них на столе.

— За наших освободителей, — сказал Красавин, поднимая хрустальный бокал. — Господа, товарищи! — продолжал он. — Кошмарные дни и месяцы, которые мы прожили при господстве добровольии, к счастью, кончились. За этим столом среди нас — те, которые в тяжелые для всех честных людей дни, не жалея себя и своей жизни, боролись с кровожадным врагом за свободу и демократию. Я пью за ваше здоровье, дорогой товарищ Гикало, за здоровье ваших товарищей, за прочный союз всех демократических сил, — торжественно закончил он.

Громкие рукоплескания были ответом на его слова. Итак, значит «союз всех демократических сил». Вот куда они гнут!

По всему видно было, что присутствовавшие не собирались скоро расходиться, один за другим выражая горячее желание выступить с очередным тостом. В самый разгар этого ужина-банкета слово попросил Николай Федорович. Уклоняясь от ответа на назойливо высказывавшуюся всеми ораторами мысль о «союзе» и «блоке всех демократических сил», он произнес:

— Мы вам очень благодарны за теплые слова приветствия и горячие пожелания. Должен вам честно заявить, что за это время мы хоть немного, но научились воевать. А вот разговаривать да еще произносить приветственные тосты совсем разучились. Сегодня мы проделали довольно большой путь, и, откровенно говоря, хочется отдохнуть, тем более, что завтра предстоит встречать отряд. Позвольте сердечно поблагодарить вас и пожелать вам всего хорошего!

Такого быстрого конца никто не ожидал. Но возражать не осмелились, и богатый событиями день пришел к концу.

С восьми часов утра начали работать комиссии по освобождению заключенных из тюрьмы. Деникинцы при отступлении уничтожили дела военно-полевого суда. Остались только записи в тюремных книгах с указанием оснований нахождения в тюрьме, со ссылками на приговоры военно-полевого суда и отметки о приведении приговоров в исполнение.

Предупрежденные накануне вечером о предстоящем освобождении, заключенные по очереди подходили к комиссиям, где их опрашивали, сверяли с записями в тюремных книгах и выдавали заранее заготовленные справ-

ки об освобождении, с указанием времени и причины нахождения в тюрьме.

Прилежавшая к тюрьме площадь (теперь на этом месте библиотека имени А. П. Чехова) была заполнена народом. Больше всего, конечно, было женщин с детьми. Сюда собрались люди, которые долгими месяцами в неведении конца все же не переставали надеяться и ждать дорогих для них людей. Возбужденный гул стоял над толпой, в которой было немало тех, кто на себе, на своей семье или на своих близких не испытал произвола и зверств деникинцев. Люди с нетерпением и надеждой смотрели на ворота тюрьмы, ожидая выхода из них мужа, отца, брата, сына или дочери, близкого друга или товарища.

Первый, второй, десятый — один за другим потянулась длинная цепочка исхудавших, обросших, с возбужденными глазами людей, попадавших сразу же в страстные объятия тех, многие из которых уже потеряли всякую надежду когда-либо встретиться с ними. Слезы радости, ласковые улыбки, счастливый смех, горячие поцелуи, бесконечные расспросы о том, что происходило в тюрьме, что говорили товарищи перед смертью. Женщины жадно ловили каждое слово, сказанное об их близких, и то в одном, то в другом месте раздавались судорожные рыдания, гневные возгласы, слова сочувствия и успокоения.

К десяти часам утра площадь перед тюрьмой опустела. В разных концах города дружным хором запели гудки. Совет профсоюзов объявил 18 марта нерабочим днем. Заводские и паровозные гудки звали горожан и промысловиков на встречу краснопартизанского отряда. К бывшему монастырю за железной дорогой шли толпы празднично одетых людей. Десятки тысяч ласково улыбавшихся, приветливых, радостных лиц, и среди них — нетерпеливо-тревожные за судьбу близких людей, находившихся в Чечне. Двигались плотные массы нефтяников, буровиков, нефтепереработчиков, железнодорожников, машиностроителей, служащих, домашних хозяек, десятки тысяч тружеников города. Под звуки духового оркестра, оставшегося после отступления белых, двигались к месту встречи части гарнизона.

Выдался погожий, необычно теплый мартовский день. Еще под деревьями и в тени лежал снег. Но на открытых

местах уже бежали ручейки воды и показывались сухие прогалины. В ожидании отряда мы расположились на окраине садов. Время близилось к двенадцати. Под лучами теплого солнышка показались красные пятнышки, которые всё отчетливее по мере приближения превращались в отрядное знамя и красные ротные значки. Вначале едва слышная ширилась и все звонче раздавалась родившаяся в отряде после Воздвиженского боя незамысловатая боевая песня:

Вот зарница поднялася, Крик тревожный часовых —	Враз команда раздалася Командиров отрядных.
--	--

И подхваченный сотнями голосов широко разливался припев:

Взвейтесь, красные знамена. Полетим дружной вперед!	С песней славы и победы Будет нас встречать народ!
--	---

Вскоре показалась голова отряда — в бушлатах и шинелях, в латаной и перелатаной одежде, в шапках и фуражках, сверху донизу разрезанных красными лентами, с обветренными, заглубевшими и потрескавшимися на морозе лицами. При взгляде на внешне разношерстную массу трудно было поверить, что эти самые люди противостояли многократно превосходившим их силам белых, громили и наводили на них животный страх.

Шли смелые, гордые, жизнерадостные, счастливые. И высоко в небо неслась песня:

Стой, товарищи, дружнее, Пули даром не теряй! Все в окопы и вернее В лоб противника стреляй!	Прискакали ординарцы, Нам приказы привезли: Огонь открыть по батарее И вести вперед полки!
---	---

Радостно, возбужденно, отдавая дань уважения смелости и храбрости своего командира, из рядов неслось:

Грянул выстрел пулемета, Красный был уж впереди.	Злое полчище кадетов Разлетелось по степи.
---	---

С особым воодушевлением, любовью и гордостью бойцы от головы до конца колонны славили песней своего командующего, именем которого — «гикаловцы» — они с гордостью называли себя:

И, поднявшийся на стремя, Пролетел меж нас стрелой.	Это друг и полководец Наш Гикало удалой!
--	---

И как бы вспоминая одну из самых героических страниц своего пребывания в Чечне — Воздвиженский бой, — запевалы торжествующе-грозно выводили:

Кадетов много наступало Но под огонь они попали —
На наш Воздвиженский отряд. Много битых, говорят!

Ближе и ближе колонна. Все ощутимее была сила и мощь бойцов, одетых и обутых во что попало, но уверенно и крепко несших за плечами свое оружие. Когда отряд поравнялся с командующим, раздалась команда: «Смир-но-о! Ранение направо-о-о!»

Как будто не было длинного утомительного пути, пройденного за последние сутки. Усталость как рукой сняло. Подтянутые, стройные, всем своим видом подчеркивая торжественность момента, бойцы проходили мимо того, кто все эти месяцы был не только их вожакom, но и задушевным другом и товарищем. Внешне суровый, несколько суховатый, Гикало в действительности был очень общительным, любил людей, испытывал потребность быть постоянно с ними. Отзывчивый, с мягким и добрым сердцем, он всегда внимательно слушал собеседника, старался понять состояние и чувства его, считал своим долгом, своей обязанностью найти правильное решение, помочь советом, а когда необходимо, то и практическим делом.

Он пользовался всякой возможностью встретиться и побеседовать с командирами, бойцами, охотно встречался с приезжавшими к нему за многие десятки и сотни верст горцами; любил веселых, жизнерадостных людей и сам был таким же. На его полных губах нередко появлялась улыбка, а смеялся он весело, заразительно.

Гикало и в тяжелые минуты мог шуткой поднять настроение бойцов, умел найти для каждого ободряющее слово сочувствия, а если надо, то и справедливого упрека, за который никто никогда не обижался, воспринимая его как заслуженный. Человек большой скромности, Николай Федорович наравне с бойцами делил все тяготы нелегкой партизанской жизни. К нему шли не только как командующему. Шли запросто, как к отцу и другу, зная, что за суровой складкой на высоком лбу глубоко сидящие под очками теплые вдумчивые глаза увидят и поймут чувства, которые волнуют пришедшего. И они в этом не обманывались.

За все это партизаны отвечали Николаю Федоровичу огромным уважением и преданностью. Его не боялись.

Нет, его уважали, уважали так, как обычно уважают того, кого берут за образец для себя. И каждый командир, боец считал тяжелым наказанием для себя укоризненный взгляд, неудовлетворенность Николая Федоровича совершенным проступком.

Приветливо обратившись к проходившим рядам отряда, Гикало громко произнес:

— Поздравляю вас, дорогие товарищи, с победой! Со вступлением вас в Грозный! Ур-р-р-а!

Перекаtywаясь от головы к концу колонны, а от нее опять к передним рядам, понеслось радостное, мощное солдатское «ур-р-р-а!» Казалось, не было многих месяцев скитаний по горам, лишений, голода, невзгод, тяжелых испытаний. Шли к своим семьям мужа, отцы, сыны и братья, честно выполнившие долг перед Родиной. Песенники торжественно и бодро выговаривали:

Вот вам, черти, паразиты,
Мы дадим себя понять,
Как крестьянин и рабочий
Может с вами воевать!

Пусть же знает эта свора —
Много показали мы себя.
Много хамов перебили.
Прокричим теперь «ура!»

Как бы в ответ на заключительный припев раздались звуки военного оркестра. Чем ближе к людскому морю, заполнившему всю площадь, тем труднее становилось двигаться. Всем хотелось протиснуться поближе, посмотреть на этих самых «гикаловцев», скорее узнать, увидеть своих, кого так долго и жадно ждали все эти месяцы. Плотный стиснутый с обеих сторон людской толпой, среди оглушительных приветственных криков, радостного смеха и слез, на ходу отвечая на многочисленные вопросы, отряд продолжал стройной плотной массой двигаться за своими командирами.

Невозможно описать радость и счастье десятков тысяч людей, когда они наконец увидели подходивший к городу отряд. Неумолчные приветствия, восторженные крики «ура!» Люди растерянно и радостно улыбались, смеялись, плакали, поздравляли друг друга, обнимались, приветственно махали шапками, платками. Увидя близкого человека, бросались в размеренно качавшиеся ряды партизан, куда их те с настойчивой осторожностью не пускали. Каждый, чем только мог, проявлял свою радость, торжествовал победу.

Вместе с людьми радовалось приветливо и тепло светило солнце. Это еще больше поднимало настроение людей. Разраставшееся жадностью встречи людское море все плотнее сжимало отряд. С хвоста отряда слышались передаваемые тысячами голосов крики возмущения и негодования:

— Жидкова ведут! Палача Жидкова ведут!

Эта весть с быстротой молнии разнеслась по толпе. Потерявшие своих близких, уничтоженных контрразведкой, женщины с криком и плачем бросились к шедшему под усиленным конвоем бывшему начальнику деникинской контрразведки. У всех у них было единоедушное стремление тут же на месте расправиться с ним:

— Палач! Изверг! Кровожадный гад! Дайте нам его! Он расстреливал и вешал наших мужей, отцов и сыновей! Мы сами будем судить его!

Охрана с трудом сдерживала напор массы людей, которые через сплошное оцепление, охранявшее Жидкова, прорывались к последнему, били руками, ногами, плевали в лицо. Но все-таки до самосуда не допустили. Жидкова судил военный трибунал, и он получил по заслугам.

На трибуну поднялся Гикало. Он приветствовал грозненцев с освобождением от власти деникинцев, но вскоре голос его потонул в прокатывавшихся из конца в конец площади приветственных криках и возгласах. Заиграл оркестр. Город жил, радовался, праздновал победу, праздновал начало новой жизни.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Часть отряда на следующий же день на захваченном бронепоезде была направлена в погоню за застрявшими на одном из ближайших разъездов двумя бронепоездами

белых. Команды их при приближении «красного» бронепоезда частью разбежались, частью сдались в плен. Преследовать отступавших деникинцев не было сил, так как необходимо ликвидировать в городе и на Сунженской линии безвластие, обеспечить порядок и безопасность населения.

Временный военно-революционный совет продолжал существовать. Но фактически вся власть в городе перешла к штабу группы. Надо было закрепить эту власть, не допустить возникновения анархии. Убегая в панике из пределов Терской области, деникинцы бросали оружие, военное снаряжение, подвижной состав и много других ценностей. В Грозном на промыслах и заводах осталось около 30 миллионов пудов нефти, керосина, масел и других нефтепродуктов, на железнодорожной станции, помимо бронепоезда, 60 паровозов, из них 16 исправных, 620 вагонов и цистерн, в том числе 256 груженых.

Надо было организовать охрану нефтепродуктов, заводов, остатков оружия, военного снаряжения и боеприпасов, материальных складов, всего народного достояния, оставшегося в городе.

Начальником гарнизона был назначен командир батальона Красноплахтин, его заместителем — капитан Иванов, комендантом города — Ляшенко, его помощником — А. Эльдарханов. Без каких-либо инцидентов было проведено разоружение оставшихся в городе солдат добровольческой армии. Конные чеченские сотни были возвращены в Чечню. Из рабочих предприятий, промыслов и частично за счет наиболее надежных солдат деникинского гарнизона ускоренными темпами создавалась народная милиция. В городе быстро налаживался порядок. Важнейшие объекты города и промыслы были взяты под охрану сводного отряда. Круглосуточное патрулирование и быстрые, решительные меры, принимаемые начальником гарнизона и комендатурой, обеспечили в городе строгий революционный порядок до прихода частей Красной Армии. Бойцы отряда своим поведением показывали пример организованности, дисциплинированности и выдержки.

Через два дня после прихода отряда состоялись гражданские похороны жертв белогвардейского террора. С утра к бывшему холерному кладбищу прибыла рота отряда, рота солдат с духовым оркестром и потянулись мас-

сы людей, главным образом женщины. В многочисленных ямах лежали едва прикрытые землей сотни расстрелянных со следами пулевых и сабельных ран, повешенных со следами веревок на шее, замученных до смерти в контрразведке с изуродованными и отрубленными конечностями и размозженными головами. Могилы удалось разыскать не все, так как белые старательно скрывали места захоронения своих жертв.

Похоронная процессия, состоявшая из нескольких десятков телег с погруженными на них гробами, в сопровождении почетного воинского эскорта и огромной массы людей двигались через город на городское кладбище, находившееся за железной дорогой. Звуки духового оркестра сменялись похоронным маршем партизан, поддерживаемым тысячами людей, шедших за гробами. По улицам города траурно звучало:

— «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Слова песни перемежались с воплями, рыданиями и душераздирающими криками провожавших. На всем пути похоронной процессии многие и многие тысячи людей, стоя вдоль тротуаров, провожали в последний путь тех, кто погиб в борьбе за светлое будущее, за лучшую жизнь. Это было поистине всенародное прощание города со своими лучшими сынами и дочерьми.

На кладбище у заранее приготовленных могил в два ряда установили гробы. А. Носов произнес страстную прощальную речь.

Когда гробы опускались в могилу, заиграл оркестр и затрещали прощальные залпы почетного караула. С новой силой в последний раз раздались крики горести и отчаяния, долго не стихавшие истерические рыдания жен, матерей, дочерей и сестер погибших. Почти никто не мог сдержать слезы. Сцена прощания захватила всех и надолго осталась в памяти присутствовавших на кладбище.

В ночь на 24 марта в Грозный вступила передовая часть Красной Армии — разведка Кавказского экспедиционного корпуса.

28 марта командующий 11-й армией Василенко приказал расформировать штаб Терской областной группы красных повстанческих войск, а краснопартизанский отряд переименовать в 473-й полк. В тот же день приказом командира экспедиционного корпуса Смирнова Грознен-

ский военно-революционный совет был распущен и вся власть в Грозном и районе перешла в ведение Грозненско-Владикавказского ревкома, организация которого была поручена т. Гикало.

В связи с этим 29 марта Гикало своим приказом упразднил штаб группы и создал Грозненско-Владикавказский ревком в составе Иоаннисиани (председатель), Мордовцева (заместитель председателя), Носова (секретарь), Пиллера (член).

Сунженская линия была полностью освобождена от деникинцев. Сунженские казаки от войны с Красной Армией отказались, но пока еще Советскую власть не признали.

Штаб группы развернул большую организаторскую работу по установлению на местах Советской власти. Он обратился к казакам и горцам с призывом принять активное участие в создании местных органов Советской власти и призвал провести с этой целью в Грозном 27 марта съезд трудовых казаков Сунженской линии и 3 апреля съезд трудовых чеченцев всей Чечни.

Состоявшийся 27 марта в Грозном съезд казаков Сунженской линии, обсудив доклад А. Носова о текущем политическом моменте, единодушно одобрил победу над реакцией, признал Советскую власть и высказал твердое желание, «учитывая ошибку и промахи среди своих рядов в прошлом, приложить все усилия для скорейшего восстановления мира и революционного порядка».

Тов. Иоаннисиани сообщил о роспуске всех существовавших на Сунженской линии органов власти и об организации вместо них в каждой станице временных органов Советской власти — ревкомов.

3 апреля в Грозном под руководством С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе был проведен съезд чеченцев, на котором выступили Орджоникидзе, Киров и Гикало. Съезд единогласно приветствовал Советскую власть. Киров сообщил съезду об образовании в Чечне ревкома под председательством Т. Эльдарханова, в составе Д. Шерипова, М. Ахтаханова, Ч. Яшуркаева и А. Умарова, которому поручалось организовать повсеместно аульные Советы и подготовить окружной съезд Советов.

В Ингушетии ревком был назначен в составе Гапура Ахриева, Юсупа Албогачиева, Идриса Зязикова и других.

Так было организационно оформлено создание временных органов Советской власти — ревкомов, переход к мирному хозяйственному строительству.

После съезда чеченцев был назначен торжественный парад прибывших в Грозный регулярных войск Красной Армии и всех партизанских сил, боровшихся против белых. На праздник прибыли сподвижники и последователи покойного Асланбека, не дожившего до этого прекрасного дня, представители сунженского красного казачества.

Красочную незабываемую картину представляли стройные ряды частей Кавказского экспедиционного корпуса в островерхих буденовках — «лейках» — и длинных шинелях с тремя красными полосами — «разговорами» — на груди, выстроившиеся перед домом Нахимова, где расположился Грозненский ревком. Следом за ними — колонна в бушлатах, горских шубах, изредка перемежавшихся короткими английскими шинелями, в самой разнообразной одежде, в сапогах, ботинках, сыromятных чуваках. Но эта неприглядная поношенная одежда и обувь не портили стройных рядов краснопартизанского отряда, украшенных продольными красными лентами на шапках и фуражках бойцов. Наоборот, они вызывали уважение, всем своим видом напоминая о перенесенных ими трудностях, лишениях и непобежденной моральной стойкости, верности идеям революции и Советской власти.

Далеко растянувшийся по улице Красных Фронтовиков торжественный строй завершала на красивых, стройных лошадях колонна наших друзей и соратников — горцев, участников партизанской борьбы с белыми.

Тысячные толпы горожан сплошным морем заполнили сквер и улицы, прилегающие к месту парада победителей. Каждому хотелось посмотреть, своими глазами увидеть тех, кто принес им долгожданную свободу.

Прохождение участников торжественного парада мимо Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова и Н. Ф. Гикало, приветствовавших их с балкона дома ревкома, было впечатляющей демонстрацией интернационального единения тех, кто боролся и побеждал силы реакции, армию контрреволюции во имя торжества трудового народа.

Закончился решающий этап борьбы трудящихся бывшей Терской области за установление Советской власти. Под руководством большевистской партии началось стро-

ительство новой жизни на основе народовластия, восстановление разрушенного империалистической и гражданской войнами народного хозяйства.

Страна острее всего требовала горючего, топлива. Героический самоотверженный труд рабочего класса Грозного и промыслов был направлен в первую очередь на скорейшее восстановление нефтяной промышленности и железнодорожного транспорта. На помощь трудящимся Грозного вскоре пришла 8-я Кавказская трудовая армия. Работа по ликвидации тяжелых последствий хозяйничанья деникинцев сопровождалась большой разъяснительной работой. На многочисленных собраниях и митингах, проводившихся политотделом и Грозненским окружкомом партии, горожане, оторванные много месяцев от центра страны, жадно вслушивались в сообщения о победах Красной Армии на фронтах, об очередных мероприятиях Советской власти по организации жизни в стране на подлинно демократических началах. С каждым днем нарастал трудовой энтузиазм. Субботники и воскресники завершались трудовыми неделями. И уже 4 апреля в центральные области страны пошли первые маршрутные поезда с грозненской нефтью.

Вооруженная борьба с добровольческой армией в предгорьях Кавказа в 1918—1920 годах вошла славной страницей в историю гражданской войны. Активное участие в партизанской войне чеченцев, ингушей и других горских народностей вместе с отступившими в горы красноармейцами явилось результатом большой напряженной работы нашей партии по выполнению указаний В. И. Ленина. Именно партия стала организатором и вдохновителем вооруженной борьбы с южной контрреволюцией.

С первых же дней видные представители ЦК нашей партии вели большую работу по организации отпора Деникину. Осуществляя ленинский план по разгрому внутренней контрреволюции и иностранных интервентов на юге России, реввоенсовет 11-й армии, возглавляемый С. М. Кировым, и Кавказский краевой комитет партии организовывали, активно помогали мощному краснопартизанскому движению в тылу белых. Оно сыграло важную роль в разгроме на Тереке деникинцев, горской буржуазии и реакционного духовенства.

В течение двухмесячного скитания в горах Чечни и Ингушетии после отступления из Владикавказа Г. К. Орджоникидзе руководил и направлял работу подпольных партийных организаций, давал советы и указания им, а также А. Шерипову и Н. Гикало. Он выступал на митингах и собраниях горцев, обращался к ним с горячими воззваниями, в которых призывал горские народности не признавать власть Деникина, не платить контрибуцию, не давать людей в добровольческую армию, бороться против нее.

После выезда Г. К. Орджоникидзе из Терской области Гикало поддерживал связь, получал помощь и руководящие указания от Кавказского краевого комитета партии, С. М. Кирова и штаба 11-й Красной Армии.

Краевой комитет партии, реввоенсовет 11-й армии и лично С. М. Киров оказали большую помощь в материальном обеспечении и укреплении кадрами революционных организаций области и войск повстанческой группы. Краевой комитет партии осенью 1919 года предложил всем горским коммунистам, ранее ушедшим в Закавказье, перебраться для работы на Северный Кавказ. Прислал красным партизанам Ингушетии группу военных специалистов, оружие и боеприпасы. Вместе с реввоенсоветом 11-й армии в начале 1920 года они активизировали партизанскую борьбу горских народностей, подготовили их к всеобщему вооруженному восстанию.

Очень важное значение имело указание С. М. Кирова Кавказскому крайовому комитету партии 12 ноября 1919 года о том, что «постановлением реввоенсовета 11-й армии содержание частей восставших горцев принимается на счет 11-й армии. Средства на это переводятся крайовому комитету партии. Необходимо вам принять все меры к снабжению деньгами горцев. На этом особенно настаивает товарищ Ленин...»

Одновременно Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры по подготовке к восстановлению Советской власти на местах. В феврале 1920 года по решению ЦК РКП(б) было создано партийное бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. Председателем его был назначен Г. К. Орджоникидзе, его заместителем — С. М. Киров. На Гикало были возложены полномочия ответственного военно-поли-

тического организатора Грозненского и Владикавказского округов Терской области.

Сразу же после освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров в качестве членов Северо-Кавказского ревкома приехали в Грозный и оказали большую помощь местной партийной организации и ревкому в восстановлении и укреплении органов Советской власти.

Если в сентябре 1919 года в отряде было всего 28 коммунистов, объединенных общеотрядной партийной ячейкой, то к 25 февраля, когда состоялась первая партийная конференция, было уже 11 партийных ячеек, в которых насчитывалось 110 коммунистов. В тех условиях это была большая сила. Партийные организации особое внимание уделяли воспитанию бойцов и укреплению дисциплины среди личного состава. Большое значение для этого имело создание политотдела группы, назначение во всех подразделениях военно-политических комиссаров, создание товарищеских судов, решения которых утверждались членом краевого комитета партии Н. Ф. Гикало. Была создана партийная школа, в которой основной актив отряда в перерывах между непосредственными боевыми действиями повышал свой общеполитический уровень. С лекциями и докладами в школе выступали Гикало, Носов, Кирисенко и некоторые другие товарищи.

Все эти разнообразные формы политико-воспитательной работы способствовали превращению бойцов в сознательных участников происходящих событий, их умению ориентироваться в окружающей обстановке, обусловили высокий морально-политический уровень и железную дисциплину.

5 апреля 1920 года меня назначили комиссаром милиции Грозного и промыслов, спустя месяц — секретарем Грозненского ревкома, который к этому времени был выделен из Грозненско-Владикавказского ревкома. А спустя еще полтора месяца я был назначен помощником военного комиссара Чечни.

Добровольческая армия перестала существовать. Бесславно закончило свое существование марионеточное эмирство. Не имея опоры среди горских народов, Узун-Хаджи вынужден был пойти на переговоры с Советской властью. 28 марта 1920 года его представители на совещании в Грозном с руководителями штаба группы согла-

сились, что Советская власть не вмешивалась и не вмешивается в религиозные дела, а Узун-Хаджи должен все-народно объявить о признании Советской власти. Как имам Чечни и Дагестана, он должен отказаться от гражданской власти, прекратить назначение губернаторов, приставов, начальников участков, старшин и т. д., а всех, уже назначенных, объявить уволенными со службы. Немедленно прекратить организацию эмирской армии, а существующие воинские формирования распустить.

Узун-Хаджи не смог выполнить этого соглашения. В конце марта он умер и навсегда остался лежать в могиле недалеко от своей последней столицы — Ведено, в небольшом хуторе Шамяля. Его преемник, тоже дагестанец, Дербиш-Гаджи, вскоре с остатками своего отряда ушел в Дагестан.

С разгромом добровольческой армии и ликвидацией эмирства не закончилась вооруженная борьба реакционных националистических элементов против Советской власти. В Итум-Калинском районе орудовал с бандой Дышнинский, в районе Автуры — Шали банды Али Митаева и Шиты Истамулова нападали на железную дорогу и грабили поезда. Крупную банду организовал объявивший себя имамом Нажмутдин Гоцинский, прибывший из Дагестана.

Усилия ревкома и советских воинских гарнизонов и частей в Чечне, Ингушетии и Дагестане были направлены на быстрейшую их ликвидацию. Вскоре под Петровском был взят и доставлен в Грозный деникинский правитель Чечни генерал Алиев. После неоднократных безуспешных попыток нами был схвачен бывший штаб-ротмистр Дубаев вместе с урус-мартановским поручиком Якубом Арсановым и инженером Агларханом Алиевым — сыном генерала Алиева. Активно сотрудничавшие с деникинцами Алиев и Арсанов, когда дело дошло до расплаты, оказались просто трусливыми слизняками. Перед отправкой в Грозный я вел предварительный допрос Дубаева. Пытаясь в какой-то мере смягчить свою участь, он в тоже время внешне держал себя стойким, убежденным контрреволюционером.

— Ваше имя, отчество и фамилия?

— Штаб-ротмистр царской армии Абдул-Вагап Дубаев.

— Вы принимали участие в контрреволюционных организациях Чечни?

— Нет, не принимал!

— Почему?

— Потому, что считал их неспособными на серьезную борьбу против Советской власти.

— А если бы сюда докатилась волна Врангеля, принял бы в ней участие?

— Безусловно, принял!

Но дубаевы, дышнинские, митаевы и прочие не имели массовой опоры среди горцев, а надеждам на Врангеля не суждено было сбыться.

В октябре 1920 года меня перевели помощником военного комиссара Ингушетии, а в начале 1921 года Терский областной комитет партии отозвал на партийную работу. В 1924 году выехал за пределы Чечено-Ингушетии.

В 1970 году, спустя немногим меньше полувека, мне удалось вновь побывать в Грозном, Чечен-Ауле, Шалах, Ведено, Харачое. Как неузнаваемо изменилась Чечня! Я не говорю о городе Грозном, который из грязного провинциального города превратился в благоустроенный крупный центр нефтяной, химической, газовой, машиностроительной и энергетической промышленности, в столицу орденоносной Чечено-Ингушетии. Величественная площадь имени В. И. Ленина, широкие улицы-проспекты, парки, скверы, бульвары, замечательные дома-дворцы, библиотека имени А. П. Чехова на месте бывшей тюрьмы, Дворец культуры железнодорожников, Дворец пионеров и школьников и многие другие украшают улицы города.

Совсем иными стали чеченские селения — новые большие кирпичные дома горцев, со вкусом обставленные современной мебелью внутри, могут служить украшением любого населенного пункта, многочисленные магазины, бытовые мастерские, благоустроенные площади и почти в каждом населенном пункте — многоэтажная школа.

А главное — непередаваемо переменились люди. У молодежи — массовая тяга к учебе, выросла своя национальная интеллигенция. В современной чеченке не узнать забитую полурабыню прошлого.

И все это сделали наша Коммунистическая партия и Советская власть. Вспоминая тяжелые, полные массового героизма дни борьбы за победу Советской власти, неволь-

но испытываешь чувство гордости за то, какие поистине исторические перемены произошли в жизни горцев, ставших в национальном, экономическом и культурном отношениях равными среди равных в великой семье народов нашей многонациональной социалистической Родины.

М. Е. Инчик-Попова

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ГОСПИТАЛЕ

Дома у нас, конечно, никто не спал. Брат мой Петя Инчиков, который служил в батарее, заехал перед вечером проститься и сказал маме, чтобы она отправила меня куда-нибудь к знакомым в станицу хотя бы на месяц. При этом он добавил, что они отступают. Мама не стала его удерживать, на несколько мгновений с жадностью прильнула к нему. Ведь еще так недавно у нас на германском фронте погиб средний брат Сеня, а теперь ее самый младшенький из сыновей уходит в неизвестность. Но она быстро превозмогла минутную слабость и напутственно сказала:

— Я, Петенька, знаю. Езжай, а то опоздаешь! Мы уж как-нибудь здесь сами будем управляться.

Под утро на улице стало тихо, так тихо, как после орудийной стрельбы отступавших белоказарков. Но тогда в стодневных боях мы победили. И тишина была вестником победы. А теперь? Теперь от неизвестности стало страшно, страшно за всех нас.

Утром меня мама рано отправила в лазарет:

— Иди, Марусенька! Ведь там наши. Они как дети беспомощные.

Многие из персонала госпиталя болели, и работали мы днями и ночами. Проходя по палате, я услышала,

как меня окликнул больной. Когда я подошла к нему, он спросил:

— Что, дочка, так тихо? Наши ушли?

Я кивнула. Тогда он попросил наклониться к нему ниже, зашептал что-то, что я не сразу разобрала, вложил в карман халата какой-то тяжелый предмет и сказал:

— Спрячь, дочка. И у других собери.

Что было делать? Я стала спрашивать, у кого что есть? Кое-кто отвечал, а большинство показывали глазами. Пришлось шарить под матрацами в поисках спрятанных револьверов, ручных гранат (их тогда называли лимонками); как мне тогда казалось, я незаметно их забирала и, дрожа от страха, внешне спокойно отправляла все это хозяйство в дворовую уборную. А потом я увидела, что то же самое делает и мой санитар.

Часов в 9—10 утра кто-то из наших работников вбежал в вестибюль и крикнул:

— Товарищи, по улице едут белые!

Все, в том числе и я, выбежали на улицу. По Дундуковской ехал отряд в 15—20 казаков. В город вошли белые. Ехали они довольно спокойно. Офицер подъехал к стоявшей на бульваре у здания банка группе мужчин и что-то спросил. Несколько рук сразу же показали на гимназию (ныне школа № 1), в помещении которой размещался госпиталь. После этого казаки быстро перемахнули через бульвар, подлетели к парадной двери и спросили:

— Это и есть лазарет?

Услышав чье-то подтверждение, большая часть казаков спешила, а остальные остались с лошадьми. Казаки, не торопясь, поднялись сразу же на второй этаж, и начался обход палат. Этот госпиталь был лучшим в городе — светлые, просторные палаты, опрятная обстановка, всегда чистое белье, хорошее питание.

Казаки не спеша проходили по палатам. Когда им на глаза попадались стоявшие на тумбочках у кроватей компот, молоко или что-то другое, они поворачивались к нам и злобно говорили:

— Вот бисовы курвы, як кормють! Як на убой! А шо жь! Мабуть и буде на убой!

Перед отступлением наших мы все личные вещи больных госпиталя разнесли им по палатам. Один казак за-

метил в тумбочке больного хорошую шапку. Глаза его загорелись, он гаркнул:

— Ого-го! Давай-ка, гнида, меняться!

Тут и пошла кутерьма. Начался поголовный обыск и так называемый «обмен вещей». Это было так дико и страшно, что я не выдержала и убежала. Выскочив на улицу, я услышала сильный грохот и топот конских копыт по булыжнику мостовой. В город вошла какая-то большая часть белых, которая построилась в центре города около собора, находившегося почти против нашего лазарета. Начался молебен, отголоски которого доносились и к нам.

С лестничной клетки госпиталя раздался душераздирающий крик. Я кинулась туда. Кричала какая-то взрослая сестра, указывая рукой на окно, выходящее на дорогу к тюрьме и польскому костелу (ныне центральный государственный архив). Выглянув в окно, я увидела лежавшего на мостовой человека в ярко-красной шапке. Около него стоял конь, и наклонившийся над лежащим человеком казак вытирал шашку. Не помню, как я очутилась около этой группы. Но я увидела, что у лежащего на земле была не красная шапка, а окровавленная, изрубленная шашкой голова. На чей-то вопрос уже севшему на коня казаку: «За что ты эдак человека?» — тот спокойно ответил:

— Да цз мий брательник. Пишов собака до красных. Долго я его шукав и вот спиймав. — И спокойно, как ни в чем не бывало, поехал. Затем остановился, долго, долго смотрел на труп брата, махнул рукой и поскакал замаливать свой грех к собору.

Первые дни в городе царил анархический разгул кубанских казаков. Во избежание возможных неприятностей нам, всем женщинам из числа медицинского персонала, было приказано носить косынки с красным крестиком. Это предохраняло от наглых выходов казаков. Не только ходить по улицам, но и дежурить в госпитале стало страшно. Некоторые госпитали были уже разгромлены, раненых выбрасывали из палат, а потом их на машинах и подводах куда-то увозили. Мы со своими людьми тоже ждали скорой расправы.

В один из ближайших дней я после дежурства шла домой. Перейдя Дворянский (ныне Ленинский) мост, я увидела массу людей, бежавших на базар — это с левой

стороны от моста. Посреди базара было крытое помещение, которое называлось обжоркой. Около нее стояли люди с застывшим в глазах ужасом. Еще ничего не зная, но чувствуя, что здесь творится что-то страшное, я стала протискиваться вперед. Когда мне удалось добраться до входа в обжорку, я увидела качающиеся ноги в кальсонах с развязанными тесемками. Голову повешенного закрывала крыша. Пробравшись под навес, я увидела двух висящих на поперечной балке людей. В одном я с трудом узнала бывшего начальника гарнизона Сафонова, которого часто видела у своего зятя, я невольно вскрикнула. Кто-то приказал:

— Молчи, особенно если знаешь! Вон там еще один.

В углу, на земле, втоптаный в грязь, лежал еще один человек, но этого и мать родная едва узнала бы. Грязь вокруг него была вытоптана не одной парой сапог.

Послышался плач сначала отдельных женщин, а потом сотен женщин, присутствовавших при этом незабываемом страшном зрелище. Плакали об уничтоженных, о своих близких, о том, что многим из них предстояло пережить. Кто был второй повешенный, так и не удалось узнать. Казаки не разгоняли людей, давали возможность любоваться делом своих рук в назидание беспокойным грозненским пролетариям.

Дня через три после того, как повесили Сафонова, казаки разграбили цейхгауз нашего госпиталя. Они забрали все не только из цейхгауза, но и из подвалов. Добрались и до самого госпиталя. Несмотря на то, что мы, по существу, уже ничем не могли помочь находившимся в госпитале больным и раненым, так как у нас не было медикаментов, почти не осталось продуктов питания, здоровые сотрудники госпиталя все еще продолжали дежурить в госпитале. В мое дежурство в комнату персонала вошел санитар и доложил мне, что в нижней палате умирает больной. Я спустилась вниз, сделала укол камфары. Но помочь больному уже было невозможно. Вскоре он скончался. Распорядившись оставить его до утра в палате, так как уже некуда было выносить койки с умершими, начала подниматься в перевязочную. Я уже не бегала, как всегда, а поднималась медленно с плохим настроением. На лестнице, едва освещенной коптилками, с обеих сторон стояли сапоги — это были казаки. Быстро сработала мысль — надо идти

не в перевязочную и не в комнату дежурного персонала, а прямо в палаты. Не успела я взяться за ручку двери палаты, как руку перехватил казак и спросил: «Сестра, ты куда?» Показывая ему шприц, я ответила: «Как куда? К больным. Ведь я дежурная. А вы что здесь делаете?». Казак несколько изумленно гыкнул: «Гля, какая шустрая!» На это другой казак ответил: «Хай иде, найдемо!..»

Я быстро пересекла палаты и через лестничную площадку черного хода влетела в комнату женского персонала. Там лежали две наши больные сестрички. Возле них дежурили сестра одной из них и наша медсестра Дуся. Я рассказала все, что перед этим увидела. В это время вошел наш фельдшер Ваня. Он с температурой лежал в мужской комнате дежурных и слышал мой разговор.

— Марусенька (он так меня обычно называл), быстро пошли!

Вместе со мной за Ваней вышла еще одна сестра. Мы спустились по черной лестнице и через окно цейхгауза и дворовый забор выбрались во двор гимназии, а оттуда — в следующий двор, в котором находились канцелярия и кабинет главного врача госпиталя. По предложению Вани мы закопались в глубокий снег. Он накрыл нас своим пальто. Сам же одел на себя мой халат. Ваня несколько раз стучал в окно и дверь канцелярии, но ему долго никто не открывал. В щелку забора нам были хорошо видны окна и двери палат. Вначале там было тихо. А затем в палатах начали зажигать спички и метаться тени. Видимо, искали нас. Послышалось несколько выстрелов и глухое падение тел. В это время сторожиха открыла дверь, и мы до конца ночи просидели в комнате канцелярии, прижавшись все трое на одной солдатской койке.

Ночью во дворе и в здании лазарета раздался большой взрыв, слышны были крики. Видимо, было совершенно нападение на лазарет. Рассвело, когда пришел главврач. Его трудно было узнать. Ночью казаки напали на его квартиру. Когда мы спустя некоторое время пришли в лазарет, то увидели страшную картину — во дворе было много искалеченных выброшенных из окон наших больных. Сплошные стоны и крики. Больных тифом сестричек спасла их болезнь. Боясь прикоснуться к тифозным, казаки попросту вытряхнули их, перевернув на бок кровати, и когда мы подошли, они в беспамятстве спали. После этого я тоже в лазарет не ходила. Заболела.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Год неравной борьбы	5
Последний бой	10
В неизведанную даль	17
Разгром чеченских и ингушских селений	29
В гостеприимной Чечне	35
На связь с грозненским подпольем	41
Первый сводный краснопартизанский отряд	48
Шариатская монархия Узун-Хаджи	61
Под Чечен-Аулом	69
Декабрьское восстание в Грозном	76
Воздвиженский бой	86
Поражение Дышнинского	98
Дорожить честным именем партизана	106
Тревога в Шатое	111
Подготовка ко всеобщему восстанию	116
Вступление в Грозный	124
Некоторые итоги	138
М. Е. Инчик-Попова. Последние дни в госпитале	148

Александр Николаевич Попов

Революционная Чечня в огне сражений

Редактор В. А. Дыхаев. Художник Е. М. Токарев. Художественный редактор М. Б. Магомаев. Технический редактор Х. Д. Юпаев. Корректор В. А. Глезденева.

✱

Сдано в набор 6.X 1972 г. Подписано к печати 21.II 1973 г. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 1. Объем 4,75(7,9) п. л. Уч.-изд. л. 8,26. Тираж 2000. СФ06034

✱

Чечено-Ингушское книжное издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 21, улица Ленина, 14.

✱

Заказ № 7535. Типография имени И. Н. Заболотного Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 21, ул. Интернациональная, 12/33.
Цена 37 коп.

Цена 37 коп.